

10.335/
1993/2

ISSN 0130-3600

ქართული
ლიტერატურა

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1993

2-3

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1993

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

Журнал выходит с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

МАМУКА БАРАТАШВИЛИ. Октавы. Стихи.
Перевод Георгия Ашкинадзе . . . 3

РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Путь на Голгофу.
Повесть. Перевод Лианы Татишвили 4

АРСЕН ЕРЕМЯН. Рассказы. Из цикла «Ро-
бинзоны в городе» 87

У НАС В ГОСТЯХ «ГУЛАНИ». Беседа Д. Кон-
дахсазовой с президентом ассоциации «Гу-
лани», поэтом М. Гонашвили 115

ПОЭЗИЯ: Манана Читишвили, Давид Тигинашви-
ли, Дмитрий Циклаури, Нугзар Эргемли-
дзе, Имир Мамедов, Заза Магалашвили,
Мери Шалвашвили, Нино Сихарулидзе, Да-
вид Такидзе, Гия Григолашвили, Маринэ
Цхведиашвили, Иза Джвачвадзе, Элла Го-

2-3

Учредители: Союз писателей Грузии
Редакция журнала «Литературная Грузия»

чнашвили, Бесик Шакнашвили, Заза Княк-
кладзе, Жужуна Хаджишвили, Зураб Ас-
канэли, Медея Шанава, Тамар Махаробли-
дзе, Бадри Тевзадзе, Давид Чихладзе, Вах-
танг Глonti, Важа Отарашвили, Темур
Шавладзе, Лали Тотадзе, Владимир Сар-
швили. Переводы Е. Лебедевой и В.
Саришвили 118

ПРОЗА: Омар Турманаули, Лия Хубашвили,
Маринэ Цоцколаури, Вахтанг Талахадзе 140

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
АКАКИЙ МИНДИАШВИЛИ. Человек ищет
человека 161

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ
Ты не устал, Гурам? Беседа Ирины Зураба-
швили с военным комендантом г. Тбилиси
полковником Гурамом Джаниашвили 172

Трибуна писателя
ТЕИМУРАЗ МАГЛАПЕРИДЗЕ. Насилие, страх,
ложь. Перевод Юрия Чейшвили 177

КОНТАКТЫ
НАТАЛЬЯ ОРЛОВСКАЯ. Эхо Италии в Грузии
(вторая половина XIX в. — первая поло-
вина XX в.) 210

ХРОНИКА 220

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 224

Мамука БАРАТАШВИЛИ

(XVIII в.)

Октавы

1.

Сей мир — огонь, испепеляет он.
Зачем к нему спешил я на поклон?
Не зря считают люди испокон:
Убийце доверяющий, смешон.
Упрек не выкрикну тому вдогон,
Кто мир отринул, жизнью сокрушен.
Оставшимся — их кров и теплый сон.
А беглецу — поля и небосклон.

2.

Я жить хочу и умереть в свой срок.
Смиреным быть я дал себе зарок.
Пусть на мученья мир меня обрек,
Ему вовек не стану поперек.
Но боже мой, как он со мной жесток!
Кто так, как я, от бедствий изнемог?
Он для того их, видно, приберег,
Чтоб испытать мое терпенье мог.

3.

Ну кто мне скажет, выдержав мой взгляд,
Что безобиден змей гремучих яд,
Что рыбы сушей мчатся наугад,
А черепахи в вышине парят,
И что на валуне расцвел гранат,
И козы тигров съели всех подряд?
Так не кляните этот мир, как ад.
Он зол, а злые только зло творят.

Перевод Георгия АШКИНАДЗЕ

ПУТЬ НА ГОЛГОФУ

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Все лето и осень прошли в неустанном труде. Иисус плотничал наравне с Иосифом. Слух об искусной работе отца и сына вышел за пределы города, и теперь их приглашали даже из близлежащих сел, и они по предварительной договоренности переходили из села в село, из одного двора в другой.

Обед им носили теперь младшие братья и сестры. Иногда с ними приходила и рано поседевшая Мария — непонятные слова, брошенные сыном в Иерусалимском храме, глубоко ранили ее в самое сердце. С того дня Иисус стал неразговорчив, необщителен. Избегал бесед с домашними, особенно с отцом и матерью. Но по-прежнему ходил с ними в синагогу и молился, преклонив колени, перед жертвенником. Прекратил он и спорить со служителями храма. Лишь изредка вырывались у него горькие слова в их адрес, но для священнослужителей они уже не имели прежней силы и значения.

Младшие братья и сестры гордились своим старшим братом, у которого над верхней губой уже появился рыжеватый пушок. Волосы отросли до плеч. Нежная кожа на худом лице огрубела, покрылась пупырышками, из которых в один прекрасный день выглянул тот же рыжеватый пушок.

«Как подурнел наш Иисус, — сокрушались про себя младшие братья и сестры, не решаясь даже друг другу доверить свои невеселые мысли. — Неужели он таким и останется?».

Продолжение. Начало см. в № 1.

Неизменными остались лишь глаза цвета небесной лазури, спокойные, глубокие, грустные, вечно устремленные куда-то в пространство. И голос у Иисуса сломался, потерял чистоту, и вчерашний отрок заговорил голосом настоящего мужчины.

Священнослужители Назарета уже не скрывали своей неприязни к Иисусу, и Иисус это чувствовал — ведь он сам дал повод для этого. Под конец обстоятельства сложились так, что старейшина пригласил к себе сперва только Иосифа и имел с ним разговор, а позднее — Иосифа вместе с Марией.

Это произошло после того, как Иисус, несмотря на мольбы матери не покидать дома, один уехал на праздник Пасхи в Иерусалим и вернулся оттуда, когда уже не на шутку встревоженные исчезновением сына Мария и Иосиф собирались отправиться на его поиски.

Соседи, а среди них были и священнослужители, встретившие Иисуса в Иерусалиме и даже разговаривавшие с ним, рассказывали неслыханные вещи. Они собственными глазами видели, что творил там Иисус, и это еще более укрепило их в мысли, что они никоим образом не ошибались на счет этого странного юноши.

По их словам, Иисус вел себя в Иерусалиме, а именно в храме, так нагло и вызывающе, как не ведет себя даже в собственном доме нормальный человек. Он просто чудом избежал смертельного избиения.

В праздничные дни Пасхи в Иерусалиме, как водится, собралось множество народу, и город превратился в место нескончаемого товарообмена. Торговали повсюду — на улицах и площадях, во дворах и садах, окаймлявших великую столицу израильских царей, в публичных домах и римских банях, в самих синагогах и даже, представьте себе, в великом храме. На огромной площади перед храмом, в центре которой в играющем разноцветными бликами бассейне бил хрустальный фонтан, окутывающий все окрест себя живительной дымкой, толкалось бесчисленное множество покупателей и продавцов.

Продавали все, начиная с неутомимого работяги пустыни — верблюда, арабских коней и сирийских волов и кончая индийской парчой и атласом, японским фарфором, персидскими коврами и китайским шелком.

Славящий Господа народ израильский, со всех кон-

цов страны собравшийся на праздник Пасхи в стольном городе Иерусалиме, так увлекся торговлей и суетой динариев, что, забыв про страх и уважение Господне, открыл торговые ряды в самом великом храме.

Впрочем, народ был привычен к этому, веками установленный порядок никому не резал глаз, даже учителям веры и первосвященнику, поэтому всех немало удивило, когда неизвестный молодой человек, одетый как простолюдин, и судя по выцветшему плащу и изношенной обуви не житель Иерусалима, войдя в храм, вытащил бич и с криком стал изгонять из него всех торговцев. Поднялся невообразимый шум и суматоха. Люди не могли понять, что случилось, и безуспешно спрашивали об этом друг у друга.

— Какой-то помешанный, у него явно чердак не в порядке, не разрешает торговать в храме, опрокинул прилавки, рассыпал деньги, видите, что творит?

Два бородатых иудея, рассекая толпу плечами, решительно двинулись в середину храма, где разгневанный Иисус грозил бичом продавцам голубей.

— Возьми отсюда этих голубей! И ты, и ты, и ты, заберите клетки и прочь отсюда, я не позволю дом отца моего делать домом торговли!

Требование Иисуса и самый тон этого требования были настолько категоричны, что многие покорно, без колебаний выполняли его, но находились и такие, кто будучи уверен в собственной правоте, не спешил уходить из храма, не желая терять завоеванное в борьбе место.

Два бородатых иудея, ринувшиеся в гущу толпы главным образом в надежде поразвлечься, — проблемы торговцев их мало заботили — столкнулись с явным насилием и, убедившись, что неизвестно откуда взявшийся пришелец пытается установить в храме свои порядки, в свою очередь, напали на него:

— Каким чудом ты докажешь, что имеешь власть так дерзко обращаться с этим бедным народом? Скажи, каким чудом?

Нахмурившись, Иисус ответил:

— Разружьте этот храм, и я в три дня воздвигну его!

Бородачи переглянулись, посмотрели на Иисуса, а потом уставились в толпу.

— Разружьте этот храм, и он в три дня воздвигнет

его! Вы слышали, правоверные, что говорит этот человек? До сих пор все сходило ему с рук, теперь он ^{хочет} разрушить храм нашими руками! Этот храм ^{строился} сорок шесть лет, а ты, эй, ты, воздвигнешь его в три дня?!

По мысли старейшины Назарета, пригласившего после молитвы Иосифа и Марию для беседы, поведение Иисуса выходило за все рамки приличия, и, как он предполагал, рано или поздно это должно было привести к весьма печальному результату. В подтверждение своих соображений он рассказал, как Иисус разогнал мирных торговцев в Иерусалиме и кощунственно утверждал, что может воздвигнуть разрушенный храм в три дня.

Иосиф и Мария с замиранием сердца выслушали старейшину, которого никогда не считали своим доброжелателем, а тем более доброжелателем Иисуса. Оба прекрасно понимали, что он подразумевал под «весьма печальным результатом». Это был приговор синедриона, в силу которого признанное виновным лицо отлучалось от синагоги, высылалось за пределы страны, а то и вовсе распиналось на кресте.

Иисус к тому времени уже возмужал, и родители мечтали о его женитьбе. Они уже и невесту приглядели, но, к их огорчению, Иисус вел себя так, что они не смели даже говорить на эту тему, и присмотренная ими девица вышла замуж, связав свою судьбу с неким вефсаидским каменщиком. Иисус не обращал никакого внимания на представительниц прекрасного пола и не давал ни малейшего повода заблуждаться на этот счет. Многие зажиточные семьи не прочь были заполучить его в зятья и против обыкновения не скрывали это, но Иисус и не думал жениться и даже не оставлял надежды, что когда-нибудь остановит свой выбор на чьей-либо дочери.

Неожиданное изменение обстоятельств принесло облегчение Иосифу и Марии, повергнутым в ужас от сознания неотвратимой опасности, грозящей их сыну.

Шел пятнадцатый год правления кесаря Тиверия. В Иудее, Самарии и Идумее начальствовал римский прокуратор Понтий Пилат, а в Галилее и Перее четверовластным сидел Ирод Антипа.

С северо-западного побережья Мертвого моря, где главная водная артерия Израиля Иордан сливается с

морскими водами, пришла удивительная вестъ, вско-
лыхнувшая всю Галилею. Ее принесли рыбаки, достав-
лявшие иорданскую рыбу на иерусалимские базары.

Рассказывали, в этих местах появился посланный
Господом некий предсказатель по имени Иоанн, сын
Зехарии. Он обошел всю землю иорданскую и учил на-
род, проповедуя покаяние в грехах и предсказывая на-
ступление Царства Небесного.

Предсказатель, как утверждали рыбаки, носил гру-
бую одежду из верблюжьего волоса, подпоясывался ко-
жаным ремнем. Пищей ему служили акриды и дикий
мед. Ничего другого, хоть убей его, в рот не брал.

В последний раз его видели в Вифаваре, где он кре-
стил народ в иорданской воде, призывая всех вспомнить
о грехах своих и покаяться, ибо наступило Царство Не-
бесное.

В Вифавару, где, как предполагали, находился Ио-
анн Креститель, стекался народ — здесь можно было
встретить всю Иудею с Иерусалимом, Перею, Идумею
или Десятиградие. Кому не хотелось вознестись в Цар-
ство Небесное и обрести вечную жизнь?!

Иоанн сурово встречал фарисеев и книжников, при-
ходивших к нему креститься.

— Порождения ехидны! — говорил он им. — Кто
внушил вам бежать от будущего гнева? Почему не пы-
таетесь сотворить достойные плоды покаяния? Разве
достаточно утешать себя тем, что вы — потомки Авраа-
ма?! Бог всемогущ. Видите эти камни? Даже из этих
камней он может воздвигнуть детей Аврааму! Наточен-
ная секира лежит при корне всякого дерева. Запом-
ните мои слова: дерево, не приносящее доброго плода,
срубают и бросают в огонь!

Народ содрогался, слушая проповедника.

— Что же нам делать? — спрашивали его.

— У кого две одежды, тот отдай одну нищему,
у кого есть пища, тот сотворит добро, накормив голод-
ного!

Приходили к Иоанну креститься и сборщики пода-
тей, мытари, самые грешные на свете люди.

— Учитель, что нам делать?

— Ничего не требуйте более определенного вам, —
отвечал он им.

Приходили также воины. И они желали знать, что

им делать, как жить, чтобы не потерять надежду на искупление грехов и Царство Небесное.

— Никого не обижайте, — отвечал он им, — не клеветайте и довольствуйтесь своим жалованием.

Очень многие стали задумываться: кто этот святой человек, неужели сам Христос, которого столько веков ждал народ израильский.

На это Иоанн без околичностей отвечал:

— Нет, братья, я не Христос. Но идет сильнейший меня, у которого я недостойн развязать ремень обуви. Я крещу вас иорданской водой, а он придет и крестит вас Духом Святым и огнем! Лопата его в руке его, и он очистит гумно свое и соберет пшеницу в житницу свою, а солому сожжет огнем неугасимым. Вспомните, чему учит нас пророк Исаия: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему, всякий дола да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими...

Прослышав про все это, Иисус немедленно собрался в дорогу. Матери сказал, что едет на встречу с Иоанном, раньше недели вряд ли вернется и, не дожидаясь ее согласия, ушел с рыбаками. Вскоре он очутился на побережье Галилейского моря.

Всю ночь они шли морем и в море встретили рассвет. С первыми лучами солнца, озарившими голые холмы над Десятиградием, они достигли южного побережья, откуда пешком должны были направиться в Вифавару. Оказалось, они не одни на этой дороге. Люди шли семьями, парами, по одному, кто верхом на лошади, кто на верблюде, кто на телеге с навесом. Всем хотелось увидеть явленного небом пророка, убедиться, что он действительно существует, получить у него совет и наставление, покаяться в грехах и креститься в иорданской воде.

Кого только не было на этой дороге, со всех уголков земли Израильской стекались сюда люди. Если верить толкам, сам Ирод Антипа, правитель Галилеи и Перее, с царицей Иродиадой пожелали лично увидеть Крестителя, если, разумеется, тот возьмет на себя труд и пожалует к ним во дворец. Иоанн ответил холодным отказом. Это ввергло надменную царицу в такой гнев, что она попросила своего венценосного супруга, если он

все еще любит ее, силой притащить вещуна во дворец.

Несмотря на неограниченную власть над своими подданными, Ирод не посмел обойтись с Иоанном подобным образом, ибо с детства был суеверен и боялся, как бы ему не пришлось расплачиваться за унижение и гнев Крестителя, если он в самом деле явлен Господом. Недолго раздумывая, в сопровождении небольшой свиты, дабы не давать пищи для толков и сохранить это в тайне от Иродиады, он сам явился к Иоанну в Вифавару.

Нимало не смутившись высоким званием гостя, ни тем, что встреча проходила в присутствии тьмы народу, Иоанн прямо объявил Ироду, что не может крестить его, царя Галилеи и Перееи, ибо грешен он, и куда не искупит своих грехов, он не достоин беседовать с Иоанном.

— Какой такой грех на мне, который надо искупить прежде, чем предстать перед Крестителем,—осведомился безмерно униженный и оскорбленный Ирод.—Ты должен развестись с женой своей Иродиадой, — отвечивал пророк, — ибо, разделяя с ней ложе, ты совершаешь непростительный грех, нарушаешь закон веры. Эта женщина является ближайшей твоей родственницей, и дочь ее от первого мужа, старшего брата твоего Филиппа, приходится тебе кровной племянницей.

Посрамленный Ирод вернулся во дворец и, поскольку тайное всегда становится явным, сам рассказал обо всем своей жене.

— Ты и после этого не закуешь его в кандалы и не притащишь во дворец? — спросила разъяренная как волчица Иродиада. — Этот позор миновал бы тебя, послушайся ты моего совета!

Путники-галилеяне рассказывали, что царица грозила мужу разводом, говорила, что покинет дворец и ославит царя, если он не притащит этого бродягу-предсказателя к ее ногам и не отрубит ему голову.

— А что Ирод? — спрашивали те, кто слышал эту историю впервые.

— Как прежде, колеблется. Иродиада — продувная бестия, никуда она не денется — не из тех, кто отказывается от власти и богатства. Ирод же боится, не смеет схватить Иоанна. Не говоря уже о прочем, народ восстанет и разнесет в щепки его дворец, эту обитель греха.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В маленькую Вифавару, расположенную меж крутых утесов на левом берегу Иордана, устремилось множество народу со всех окрестных земель. Иные прибыли сюда уже неделю назад и в ожидании встречи с Крестителем коротали ночи в наспех поставленных палатках.

Голые по пояс люди стояли в реке. Они по очереди подходили к Иоанну. Тот покрывал их головы полой своей накидки и, внимательно выслушав исповедь, говорил: — Бог прощает тебе грехи твои, ибо покаялся ты — и, благословив, крестил зачерпнутой горстью иорданской водой.

В толпе можно было увидеть прибывших из Иерусалима священнослужителей и учителей веры, которые внимательно прислушивались к тому, что говорилось вокруг. Они уже пришли к мысли, и в Иерусалиме поддерживали их, что Иоанн, выдававший себя за Крестителя, был лжецом и пройдохой, своей показной святостью — он, видите ли, ничего, кроме акридов и дикого меда не ест, чем не святой?! — искушает темный люд, уготавливая их душам геенну огненную.

Желая вывести его на чистую воду, а также убедить народ в том, что он лжец и обманщик, иерусалимские учителя веры, книжники и фарисеи, кто знает, в который раз задавали Иоанну один и тот же вопрос:

— Кто ты, Иоани? Христос?

И Иоанн каждый раз честно отвечал:

— Нет, я не Христос, сколько раз вам говорить!

— Так кто же ты? Илия?

— Нет, я не Илия!

— Видите, люди! Он, оказывается, даже не Илия!

Так может быть ты пророк?

— Нет, я не пророк!

— Не дури нам голову, отвечай по существу! Твой ответ мы должны довести до сведения тех, кто послал нас сюда! Нечего дурачить народ, сводить его с ума!

— Я никого не свожу с ума, все подтвердят это. Я проповедую милосердие, покаяние в грехах, чтобы каждый мог с честью предстать перед Господом. Для этого я крещу в иорданской воде. Разве это грех, разве этим я свожу кого-либо с ума, как утверждаете вы?

— Он крестит! Кто дал тебе это право — крестить народ?!

— Всевышний. Я глас вопиющего в пустыне и уготовливаю путь Господу, как велел пророк Исаия.

— Не заговаривай нам зубы, не думай, что мы так легко поверим тебе! Мы давно уже вышли из того возраста, когда можно верить твоим байкам. Вы только посмотрите на него, люди: он ссылается на пророка Исаию! Мы тоже умеем читать и не хуже твоего знаем его пророчества! Будь любезен ответить — по какому праву ты крестишь народ, если ты и не Христос, и не Илия, и не пророк?!

— Я, как видите, крещу народ иорданской водой, но среди вас стоит некто, которого вы не знаете. Он, идущий за мной, который стал впереди меня. Я не достоин развязать ремень у обуви его.

Этот ответ, как и все прочие ответы Иоанна, прозвучал не совсем понятно для учителей веры и показался им не заслуживающим внимания, о чем они поспешили заявить публично. Но так думали не все. Вокруг спорящих стояла толпа народу, которая внимательно слушала их. И то, что духовным отцам показалось непонятным и пустячным, для нее прозвучало недвусмысленно и многозначительно. Эта разница во мнениях оказалась достаточной для того, чтобы иерусалимские книжники и фарисеи отбыли восвояси, а Иоанн получил полную свободу действий.

Ту ночь Иисус провел в палатке своих соотечественников-галилеян, а утром вместе с ними вышел к Иордану и издали же увидел Иоанна в одежде из грубого верблюжьего волоса. Иоанн также заметил его в толпе и необычайно взволнованный сказал своим ученикам:

— Вон он, братья, что идет за мной, который стал впереди меня. Он возьмет на себя грехи мира. Я никогда не видел, не знал его, но для того я пришел крестить в воде, чтобы он явлен был Израилю. Я своими глазами видел Духа, сходящего, как голубь, с неба и опустившегося на него. Я не знал его, но пославший меня крестить в воде так сказал мне: на кого увидишь Духа сходящего, тот есть крестящийся Духом Святым. И я видел и засвидетельствовал, что сей есть Сын Божий!

В тот день они так и не познакомились. Спасаясь от жары, Иисус пошел каменистым берегом реки и ук-

рылся в тени огромного валуна, расколотого надвое. У ног его оказался родник. Прозрачная вода шипя пробивалась меж камней, стреляя брызгами и образуя большой ручеек. Толпа, прибывшая принять крещение от Иоанна, уже проложила сюда тропинку. По одному, а то по двое и по трое люди приходили к ручейку утолить жажду. Они пили прозрачную воду с такой жадностью, с таким наслаждением, что нельзя было не заразиться этим желанием напиться из ручья. Иисус спустился вниз, опустился на колени и, упершись руками в землю, жадно припал к воде. Он почувствовал облегчение и прилив сил. Теперь он мог идти хоть за тридцать земель.

Ночь он провел в той же палатке, а утром вышел со всеми, пробежался вдоль реки и вновь увидел Иоанна в окружении учеников.

— Смотрите, братья, вот Агнец Божий, — сказал Иоанн ученикам, указывая на Иисуса, идущего по краю берега.

Два ученика Иоаннова отделились от группы и последовали за Иисусом. Иисус сразу почувствовал, что кто-то идет за ним. Обернувшись, он увидел двух молодых людей.

— Что вам надобно? — спросил он по-арамейски.

— Равви, мы хотим поговорить с тобой.

— Со мной? Кто вы?

— Мы простые израильтяне. Пришли сюда, в Вифавару, из Галилеи, чтобы креститься.

— Значит, мы земляки, но должен разочаровать вас: я не Иоанн Креститель.

— Мы знаем, равви, что ты не Иоанн Креститель. Знаем и то, кто ты. Мы хотели бы пойти с тобой, посмотреть, где ты живешь, послушать тебя.

— Там не на что смотреть, обыкновенная палатка. Идите, коли так хотите, и увидите.

Иисус повернул к палатке, где провел два дня и две ночи со своими соотечественниками-галилеянами, и ученики Иоанна последовали за ним.

— Стало быть, мы земляки? Как вас зовут?

— Я Андрей, — отвечал тот, кто выглядел постарше, — сын Ионы. А он Иоанн, младший сын Зеведея. Мы, как и наши отцы, рыбаки. Если ты когда-нибудь

пожелаешь приехать к нам в Капернаум, мы с честью примем тебя у нашего бедного очага.

— А меня зовут Иисус. Я из Назарета. ¹⁴¹⁹³⁵³²⁰ ~~Живу~~ ^{вот} в этой палатке. Добро пожаловать!

Андрей и Иоанн, нагнувшись, вошли в палатку вслед за Иисусом. Ничего примечательного в ней они действительно не обнаружили. Постелью бедным обитателям палатки служили рогожа и войлок, а изголовьем — речные булыжники, подобные которым во множестве валялись вокруг. У некоторых постилок стояли наполовину наполненные водой черпаки. И только Иисус спал на голой земле, так как все, что он имел, было на нем.

Гости и хозяин присели у проема в палатке, в который виднелась сверкающая гладь Иордана. На берегу в ожидании Крестителя толпилось множество народу.

Разговор зашел об Иоанне. Ученики Крестителя с восторгом говорили о его святости и прямоте. Примером прямоты считали откровенный разговор Иоанна с царем Галилеи и Переи. Они подробно рассказали Иисусу о встрече Иоанна с Иродом, о которой Иисус узнал еще по дороге в Вифавару.

— Боюсь, эта встреча не останется без последствий, — заметил Андрей. — Иродиада — женщина коварная и сделает все, чтобы отомстить учителю.

— Разумеется, если народ позволит, — добавил Иоанн. Он был еще совсем юн, ему не было и двадцати, и Иисус сразу проникся к нему отеческим чувством.

— Да, если позволит народ, — согласился с приятелем Андрей. — Народ идет за Иоанном. И если понадобится, многие за него отдадут головы.

Иисус задумчиво слушал их, не проронив ни единого слова, хотя предположение Андрея, что народ положит голову за своего учителя и принесет себя в жертву истине, показалось ему не совсем убедительным.

К слову пришлось, и молодые галилеяне рассказали учителю из Назарета и то, как убеждал Иоанн молодого и старого, что он не Христос, не Илия, не пророк, а только глас вопиющего в пустыне, которому явивший его доверил приготовить путь идущему за ним, что он крестит только водой, а идущий за ним будет крестить народ Духом Святым и огнем...

Андрей и Иоанн вышли из палатки с просветленными лицами. Сознание, что они первые встретили Мессию, переполняло их радостью, которой не терпелось поделиться со своими братьями. В поисках их они смешались с толпой. Андрей первый нашел своего брата Симона, сына Ионы.

— Симон, где ты пропадаешь? Мы с Иоанном, сыном Зеведея, нашли Мессию! — восторженно крикнул он ему.

— Какого Мессию, о чем ты говоришь?

— Христа! Ты что, не знаешь, что значит Мессия? Весь Израиль целый век ждет его прихода. Он должен спасти мир, взять на себя его грехи!

— Где ты его видел? Ты уверен, что это Мессия?

— Абсолютно уверен! Сам Креститель сказал нам об этом: это тот, чей путь явивший меня доверил исправить, для него я крещу иорданской водой. Мы взяли и пошли за ним и шли до тех пор, пока он не обернулся и не заговорил с нами по-арамейски. Мы и в палатке у него побывали.

— Могу я увидеть его?

— Конечно, Симон, я сейчас же отведу тебя к нему.

Иоанн также отыскал в толпе своего старшего брата Якова, сына Зеведея и Саломеи, приходившейся близкой родственницей матери Крестителя Елизавете, и между ними состоялся такой же разговор, как и между сыновьями Ионы.

Братья тут же отправились к палатке Иисуса, но его там не оказалось. Иисус в это время стоял в иорданской воде и ждал крещения от Иоанна. Когда Иоанн, наконец, остановился перед ним, слова, с которыми он обращался к каждому рабу Божьему перед крещением, замерли на устах.

— Крести меня, равви! — спокойно сказал Иисус, глядя ему прямо в глаза. — Что так напугало тебя?

— Добро пожаловать, Господь! Мне следует креститься от тебя, а ты приходишь ко мне, чтобы я крестил тебя?

Сказав это, Иоанн склонился и, схватив Иисуса за руку, хотел было приложиться к ней, но Иисус не по-

зволил, обеими руками взял его за плечи и заставил выпрямиться:

— Крести меня, учитель!

— Да будет твоя воля! — ответил взволнованный Иоанн и, зачерпнув горсть воды, окропил волосы Иисусу, когда тот покорно опустил голову.

И в тот же миг отверзлись небеса, и все увидели, как сошел оттуда голубь и, кружась, спустился на новокрещенного Иисуса. Это был Святой Дух. Он еще не коснулся Иисуса, как с небес раздался глас глаголящий:

— Се есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение!

Объятый священным ужасом народ пал ниц. Каждый понимал, что стал свидетелем величайшего чуда.

Удивительная, ранее неведомая и неизъяснимая легкость овладела Иисусом. Он почувствовал, как изпод ног ушла опора, и он с головокружительной быстротой вознесся в небо. Он был весь, с головы до ног, пронизан Духом Святым, необыкновенная сила владела его существом, вознося все выше и выше. Внизу осталось множество людей, потрясенных увиденным чудом, отливающая разноцветными огнями под лучами заходящего солнца водная гладь Иордана, Мертвое море, опаленные жарким солнцем горы и холмы, разбросанные там и тут зеленые оазисы. А потом все поглотили серовато-желтые краски пустыни...

Полет, казалось, длился бесконечно. Наконец та же сила осторожно опустила Иисуса, и бескрайняя пустыня дохнула на него жаром угасающего костра. Заходящее солнце палило нещадно, сжигая все вокруг, хотя ничего, что могло гореть, окрест не было видно. Солнце давным-давно спалило и превратило в пепел все живое, оставив только раскаленный песок.

Иисус опустился на колени и истово стал молиться, прося у Отца Небесного крепости духа и умения терпеть невзгоды, дабы исполнить все его заветы.

За полночь, когда пришло время всходить утренней звезде, Иисус почувствовал, что его знобит от холода, и понял, что проснулся. Как он умудрился уснуть в этом адском холоде, сковавшем все члены и заставившем съежиться до предела?

Иисус еще плотнее закутался в обветшалый от дол-

гой носки плащ, но он не грел. Тогда Иисус сел, спря-
тал голову меж локтями и сидел так до тех пор, пока
не рассвело. Перед самым рассветом встал, сложил на
груди руки и принялся ходить взад и вперед. Когда
взошло солнце, он увидел на казалось бы специально
утрамбованном песке след какого-то зверя. Удивился.
Чей это след, и когда этот зверь прошел здесь? В это
время за спиной у него раздалось шипение, от которого
кровь застыла в жилах. Он обернулся и увидел свер-
нувшуюся клубком змею. Выбрасывая раздвоенный
язык, она подняла голову и уставилась на Иисуса вы-
пуклыми мутными глазами и, как видно очень доволь-
ная тем, что жертве некуда деться, пронзительно заши-
пела.

Иисус не шевельнулся, только вознес короткую мо-
литву Отцу Небесному. Змея, как если бы ей наступи-
ли на хвост, зашипела еще яростнее, но чувствовалось,
что она сломлена. Она спрятала голову в клубок, а по-
том уползла.

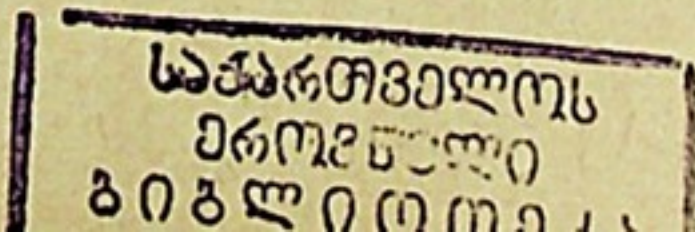
Невыносимая удушливая жара наступила прежде,
чем огромное красное солнце, как бы вырвавшееся из
объятий чудовища, выкатилось из-за безжизненных
холмов и жидким золотом разлилось по пустыне.

Иисус шел по своим вчерашним следам, затем стал
подниматься по склону холма и вскоре был уже на вер-
шине. С той стороны, где, как он предполагал, находи-
лось Мертвое море, дул довольно сильный горячий ве-
тер, поднимавший песок столбом и с шумом уносивший
его в глубь пустыни.

Приставив ладонь козырьком ко лбу, Иисус обозре-
вал окрестности. Перед ним лежала серовато-желтая
мертвая равнина. Высокое жгучее солнце заливало ее
ослепительным светом.

День тянулся до бесконечности. Казалось, солнце
никогда не склонится к западу. Его лучи теперь уже
бурили землю под углом, но удушливая жара не спа-
дала.

Но вот солнце зашло, и незаметно наступили сумер-
ки, а потом и вовсе стемнело. Иисус преклонил коле-
ни, возвел глаза к небу и возблагодарил Отца Небес-
ного за то, что он исполнил его жизненной силы и с ми-
ром помог завершить первый день испытаний. Облегчив
сердце молитвой, он лег у основания холма и укрылся.

с головой плащом. Только сон смежил ему веки, как он почувствовал холод в ногах. Иисус сел, потрогал рукой ноги — обе, казалось, одеревенели, и он не чувствовал их. Он снова закутался в плащ и спрятал голову между локтями, спасаясь таким образом от пронизывающего ветра и холода.

Он считал дни и, когда дошел до двенадцати, понял, если не делать отметины, можно сбиться со счета. Он нашел небольшую выемку в песке, как ему показалось, достаточно защищенную от ветра, и отметил свои двенадцать дней двенадцатью линиями на песке. Затем ежедневно прибавлял по одной отметине. Однажды утром он пришел, чтобы прочертить очередную линию, и с тоской увидел, что полночный ветер, несший песок столбом, до краев заполнил его ямку и стер с лица земли все отметины.

Отныне Иисус жил вне времени и пространства. Он не знал ни того, где находился, ни того, когда и как попал сюда. Но ни разу не пожаловался на судьбу. Ежедневно — утром, в полдень и вечером — обессиленный от жажды и голода, измученный чередующимися невыносимыми жарой и холодом, он горячо молился. Под конец, когда силы оставили его, читал молитву про себя, а потом долго лежал, молча прислушиваясь к биению собственного сердца. По ночам до него доносились неясные голоса. Где-то совсем рядом как будто выли шакалы, дважды или трижды раздавался рык льва, причем так отчетливо, будто он был тут же, за холмом, учуял его запах и вот-вот бросится на него. Он не смог бы оказать сопротивление и покорно ждал своего конца.

Однажды ночью ему приснились братья и сестры не такие, какие были сейчас, а мал мала меньше. Тут же была и мать, которая обливалась слезами, глядя на муки своего первенца. Она протягивала ему деревянную миску со свежей колодезной водой. Иисус хотел взять ее, припасть к воде, но у него не было сил шевельнуться. Мария тоже не могла подойти к сыну, так как между ним и ею разверзлась непреодолимая пропасть.

«Я теряю сознание, — подумал Иисус. — Да славится, Отец Небесный, твоя справедливость!».

Только он подумал это, как почувствовал, кто-то стал перед ним. Иисус догадался — это был дьявол.

— Кто ты? Что тебе надо в моих владениях? —
услышал Иисус.

Не поднимая головы, он ответил:

— Ты лучше меня знаешь, кто я и что мне нужно.

— Почему ты убиваешь себя голодом, что ты хочешь доказать этим?

— Смеешься надо мной?

— Если ты действительно Сын Божий, скажи, чтобы эти камни сделались хлебами. Твое желание — закон! Утолишь голод и спасешься!

Иисус с трудом поднял глаза.

— Не хлебом единым жив человек, — ответил он, — но всяким словом, исходящим из уст Божьих.

Посрамленный дьявол стал топтаться на месте. Не знал он, не ведал, что сущность человеческая состоит из двух начал. Он обращался к Иисусовой плоти, истощенной от длительного поста, своей покорной рабыне, очень земной и поддающейся соблазну. Но разве мог он представить, что душа, божественное начало, управляющее плотью, не нуждается в плотской пище, единственное, чем она жива — это слово, сказанное устами Бога.

Ответ Иисуса показался дьяволу настолько твердым и непреклонным, что он понял, надо менять тактику — ни внушением, ни угрозой здесь ничего не добиться. Он подхватил лежащего на песке обессиленного Иисуса и растворился вместе с ним в пространстве.

Только они оторвались от земли, как у Иисуса закружилась голова, и он потерял сознание. Он не знал, сколько времени пробыл в таком состоянии. Когда он пришел в себя и открыл глаза, в легкие его ворвался прохладный и чистый, как колодезная вода, воздух. Вокруг царил зеленый цвет, и мягкие солнечные лучи ласкали эту удивительную зелень.

«Где я?» — подумал он и тут же узнал окрестности: это был святой город Иерусалим, а сам он стоял на верхнем куполе храма.

— Если ты Сын Божий, бросься вниз! — Черный плащ на красной подкладке облепил тело дьявола, кашошон наполовину скрывал лицо — виднелась лишь розовая полоска рта. — Не бойся! С тобой ничего не будет! Ангелы небесные понесут тебя на крыльях и осторожно опустят на землю.

- Тебе очень хочется этого?
— Не скрою, очень!
— Тогда скажу, что довелось мне прочитать: искушай Господа Бога твоего!

Не успел Иисус закончить фразы, как дьявол взмахнул, словно крылом, подолом своего плаща, накрыл им Иисуса и вместе с ним взмыл в пространство. Под плащом была кромешная тьма, и Иисус ничего не видел. Наконец он коснулся ногами земли, и, когда дьявол приподнял свою полу, перед ним предстала цветущая страна, щедро залитая солнцем. В городах, обнесенных крепостными стенами, купола храмов отливали золотом, рассыпавшиеся по склонам гор или в открытом поле утопающие в зелени деревеньки и большие селения глядели на мир черепичными крышами своих домов и радовали сердце и глаз.

Они стояли на высокой горе и обзревали лежащую перед ними страну с высоты парящего орла.

От дьявола не укрылось, что несмотря на голод и жажду, сорок дней и сорок ночей терзавших Иисуса, он в восторге от увиденного и не может оторвать глаз от этого рая.

— Все, что ты видишь, — сказал он Иисусу, — считай, принадлежит тебе, если преклонишь колени и поклонись мне.

Иисус неожиданно почувствовал прилив сил, в глазах у него сверкнул гнев:

— Отойди от меня, сатана! Не тебе, а только Господу Богу следует поклоняться и ему одному служить!

Услышав эти слова, дьявол, загоревшись гневом и презрением, перекинул край плаща через плечо и удалился. И тотчас же Иисуса окружили ангелы небесные.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

После сорокадневного поста в пустыне, после искушения дьяволом душа потянула Иисуса в родной Назарет. С тех пор, как он крестился в Иордане и познал горечь одинокой жизни в пустыне, прошло не так уж много времени, а история, происшедшая на берегу Иордана в маленьком селении Вифавара, облетела всю страну. Узнали о ней и в Назарете. У всех на устах — у

молодого и старого — было имя Иисуса Христа, Мессии, Спасителя.

Исполнилось реченное ангелом, и Мария с Иосифом пребывали в скорби. Они понимали, такое возвышение ничего, кроме страданий и несчастья, их сыну не сулит. Люди лишь для виду, для отвода глаз поклоняются своему избраннику, в душе же таят злобу, яд и зависть к нему. Никто не желает уверовать сердцем в превосходство избранного, в его заслуженное, либо незаслуженное возвышение.

Еще более были озабочены назаретские священнослужители и учителя веры, которые с детства знали Иисуса и его строптивый характер. Ежели все, что говорилось о крещении Иисуса, нисхождении на него Святого Духа и признании его Отцом Небесным своим любимым Сыном, было правдой, а не домыслом злоречивых, им немедленно следовало собрать свои пожитки и исчезнуть из Назарета, ибо защищенный небесной силой Иисус не дал бы житья никому из них, не пощадил, сделал бы все, чтобы смерть для них стала желаннее жизни.

Совершенно иное мнение бытовало в народе, среди простых назаретян, считавших Иисуса Спасителя частью самих себя и ждавших от него особой милости и отпущения грехов.

Недоброжелателям Иисуса надо было вести себя умно и осторожно, малейшая неосмотрительность могла восстановить против них народ, и тогда все их старания посеять в нем враждебность по отношению к человеку, прозванному Спасителем, пошли бы насмарку.

Тем более, что по Галилее пополз слух, будто царица Иродиада наконец-то добила своего и, преодолев сопротивление суеверного супруга, заставила схватить Иоанна, крестившего Иисуса и почитавшего его Спасителем, Христом, и бросить в темницу.

Можно было предположить, что мстительная царица, не удовлетворившись этим, обезглавит Иоанна, и тогда выяснилось бы, что никакой он не пророк, явленный Богом, а лжесвятой, бессовестно обманывавший невежественных людей. От разоблачения и уничтожения Иоанна был один шаг к разоблачению и уничтожению Иисуса, поскольку крещенный лжецом был ничем не лучше своего Крестителя.

Вот такой логикой руководствовались назаретские богословы, одновременно беря в расчет и то, что Иоанн все еще не казнен, и было неясно, как развернутся события дальше.

Горожане встретили Иисуса за городскими воротами и с почетом проводили до храма. Иисус шел в сопровождении огромной толпы. От его ослепительно белой одежды, казалось, исходил яркий свет, а над головой стоял не менее яркий нимб. Сograждане бросали ему под ноги полевые цветы и ветки сирени и пели осанну.

Иисус заметил в толпе мать, Иосифа, братьев и сестер. Глаза у него наполнились слезами — так ему захотелось немедленно прижать их к сердцу. Но широкий людской поток разделял их, и не было никакой возможности приблизиться друг к другу. Иисус снова увидел мать, когда выходил из синагоги. Она стояла у дверей и ждала, когда сможет молча обнять его. В синагоге же, стоя у жертвенника, он тщетно искал ее лицо в толпе и, не находя, чувствовал, как сердце сжимается в тоске — вдруг ей стало плохо в этой давке и ее увезли домой.

Была суббота. Храм ломился от верующих. Когда Иисус вошел в храм, раздалось пение. После того, как он вместе со всеми вознес Господу молитву, ему подали книгу пророка Исаии. Иисус приложился к ней губами, открыл на интересующем его месте и внятно, так, чтобы всем была ясна главная мысль, прочитал:

— Я, Господь, призвал Тебя в правду, и буду держать Тебя за руку и хранить Тебя, и поставлю Тебя в завет для народа, во свет для язычников. Чтобы открыть глаза слепых, чтобы узников вывести из заключения и сидящих во тьме — из темницы.

Он закрыл книгу и передал ее служке. В храме воцарилась могильная тишина. Только слышно было, как за окном воркуют голуби. Взгляды и чувства верующих были устремлены к Иисусу. Молчали выстроившиеся в ряд у жертвенника священнослужители и учителя веры, которым Иисус был ненавистен в большей мере, чем египетский фараон, и ждали, что же будет.

— Слова пророка сбылись, — обратился Иисус к народу, — и все вы имеете счастье быть свидетелями этому!

Над жертвенником пронесся шепот, как дымок от ладана. Некоторым это показалось дурным предзнаменованием, и, похоже, они не ошибались.

О чем говорил Иисус? Что позволял себе проповедовать? Ведь он был всего-навсего сыном плотника Иосифа и его жены Марии, простым назаретянином, выросшим на их глазах... Почему же он выдает себя за Божьего посредника, присваивает себе Божью благодать? Правда, все только и говорят о чудесах, сотворенных им в Галилее еще до прихода сюда, но кто поручится, что все в действительности было так, как рассказывают, и смертельно больные излечились, а к душевнобольным вернулось ясное сознание?

Иисус понял причину людского ропота и, нимало не смущаясь, спокойно продолжал:

— Я знаю, многим из вас не терпится крикнуть мне: лекарь, излечи самого себя! Покажи здесь, в своем отечестве, на что ты способен! Я отвечу так: в каком отечестве признавали и призревали своих пророков? Ни в каком! Почему вы думаете, что для меня будет сделано исключение? Истинно говорю вам: во времена Илии в Израиле было много несчастных вдов, переживавших страшный голод, когда в течение трех с половиной лет с неба не упало ни капли влаги. И только одной из них из Сарепты Сидонской явился он опорой и спасением. Кто сосчитает, сколько прокаженных жило во времена пророка Илесея, но пусть скажут мне, кто из них исцелился, кроме сирийца Неемана?!

До этой минуты народ молча слушал Иисуса, лишь изредка недовольные возгласы нарушали тишину, но тут сдерживаемый гнев вырвался наружу — сказался результат тайных происков назаретских священнослужителей.

— Что ты хочешь этим сказать? — крикнул кто-то во весь голос. — Довольно нам этой невнятной чепухи. Тебе не удастся заморочить нам головы и убедить нас, что ты тот, за кого выдаешь себя! Или ты забыл, что у тебя ладони в мозолях от рукояти топора? Если забыл, то мы на память не жалуемся. Гоните его! Кто там к нему поближе, вышвырните его вон.

— Правильно! Правильно! — поддержали его остальные, подняв в знак протеста руки, зажатые в кулаки, но среди них не было ни одного священнослужителя.

ля. — У него язык без костей! Гнать его надо, пусть сводит с ума своими проповедями своих же соумышленников!

— Долой! Долой!

Кто-то схватил Иисуса за локоть железной рукой и грубо встряхнул. На помощь добровольцу ринулись и другие, хотя Иисус не думал оказывать сопротивление, и дружно стали выталкивать его из храма. В дверях Иисус увидел мать, за которой стоял мрачный Иосиф. Каким-то чудом он выскользнул из железных лап незнакомца, бросился к Марии, прижал ее к груди.

— Чего они хотят от тебя, сынок? — только и успела спросить потрясенная Мария, приложившись своей щекой к его окровавленной щеке, как тут же подскочили какие-то люди, вырвали Иисуса из слабых объятий матери и прогнали из храма взащей.

Вполне мирные люди за каких-то десять-пятнадцать минут превратились в озверелую толпу. А священнослужители подливали масла в огонь, умело натравливая их против Иисуса.

Площадь перед синагогой, на которой по пятницам по римскому календарю проводились ярмарки, была запружена народом. К правоверным израильтянам присоединились живущие по соседству язычники — греки, римляне, сирийцы — всех интересовало, что так взволновало и возмутило народ или куда ведут завернутого в милоть, измазанного кровью рыжего человека со сверкающим нимбом над головой. Он шел окруженный плотным кольцом крепких назаретян, которые поочередно били его и непристойно ругались.

— Они хотят сбросить его со скалы! — крикнул какой-то мужчина из толпы. Он все ускорял шаг, пытаясь догнать процессию. — Поделом ему! Скажите, пожалуйста, Спаситель! Вот когда сбросят тебя со скалы, спаси себя, раскрой крылья и яви нам чудо!

К счастью, дело до этого не дошло. Конвой, хотя и жаждал крови, проявил терпение и стал выжидать, пока народ соберется на площадке крутой скалы в верхнем квартале города, ибо человека, отрекшегося от истинного Бога иудеев, лгуна-святотатца надо было казнить у всех на глазах.

И тут назаретян действительно поджидало чудо. Когда толпа алчущих крови заполнила узкую площад-

ку скалы и ничто уже не мешало привести приговор в исполнение, оборванный, со следами побоев на лице Иисус отвел от себя грубые волосатые руки насильников так непринужденно, как отряхивают пыль с колен, и, повернувшись в ту сторону, откуда привели его сюда на казнь, на глазах у опешившей, словно волею Божьей лишившейся дара речи толпы, удалился, и никто не посмел остановить его.

Толпа в замешательстве пятилась назад, делилась надвое, уступая дорогу медленно идущему Иисусу. Не прибавляя шагу, он одолел подъем, свернул с дороги и исчез, как будто его и не было.

— Что это? — спрашивали все друг у друга, испытывая трепет перед свершившимся. — Вот так взял и ушел?!

— Грех на душу берем, братья израильтяне, как бы нас не постигла участь Содома и Гоморры!

— Господи Боже, Отец наш Небесный, да святится имя твое, прости нам этот грех. Воля твоя — закон для нас! Помилуй, Господи, ибо одолела нас слабость человеческая, и мы не узнали посланного Тобой Сына Божьего!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Иисус с трудом дошел до Капернаума, где, по его предположению, должны были находиться молодые рыбаки Андрей, сын Ионы, и Иоанн, сын Зеведея, с которыми он свел знакомство в Вифаваре. Кроме того, в Капернауме жил Филипп, тоже рыбак, Иисус встретился с ним по дороге в Вифавару, когда шел на встречу с Крестителем, и даже ночевал у него в палатке на берегу Иордана. Филипп был родом из Вифсаиды. В Капернауме жила его жена, она и перетянула его в свой город, и он обосновался в нем.

Вступив в пределы Завулоновы и Неффалимовы, в которых находился приморский городок Капернаум, Иисус, отложив поиски знакомых на другой день, сразу же направился в синагогу, ибо была суббота. Празднично одетые капернаумцы, все от мала до велика собрались здесь, чтобы вознести субботнюю молитву во славу Бога Авраама, Исаака и Иакова.

Сооруженный из тесаного камня храм с куполами, высокими резными окнами и ионическими колоннами по углам представлял собой захватывающее зрелище, отличаясь от близстоящих строений и высотой и совершенством форм.

Только Иисус появился на пороге, как из глубины синагоги, подернутой фиолетовой дымкой ладана, кто-то крикнул хриплым старческим голосом:

— Люди, смотрите, кто пришел!

Этот крик был настолько неожидан, что молящиеся, шепотом или нараспев благоговейно возносившие молитву Господу, невольно вздрогнули и обернулись на дверь.

Не прошло и минуты, как босой, в грязных ошметках, невымытый и нечесанный старик, с изможденным от страданий лицом подбежал к двери и упал перед порогом на колени.

— Ты пришел погубить нас, Иисус из Назарета? — всхлипнув, произнес он.

Все в Капернауме и его окрестностях знали этого несчастного старика. Знали, что им владеет нечистый дух, и избегали его. Боялись даже проявить милосердие — накормить и напоить или дать какой-нибудь одежды, чтобы ему было чем прикрыть наготу. Никто не знал, что он ел, что пил, где ночевал и где просыпался.

Иисус решительно шагнул вперед.

Старик прикрыл лицо морщинистыми, черными от въевшейся грязи ладонями и всем телом подался назад.

— Я знаю, кто ты, Святой Божий, думаешь, не знаю? Знаю! Знаю!

— Ни звука! Изыди вон! — коротко и грозно приказал Иисус.

Разбушевавшийся от этих слов нечистый дух бросил старика, во плоти которого нашел приют, оземь и со страшным криком, не причинив, впрочем, ему вреда, покинул его.

Народ, наблюдавший за этой сценой, содрогнулся, все сразу поняли, что перед ними Иисус Спаситель, Сын Божий, крещенный в Иордане Иоанном Крестителем. Исполненный Святого Духа он явился своему любимому израильскому народу и всему роду человеческому, да-

бы взять на себя грехи людские и открыть им **врата** Царства Небесного.

И разве не было тому свидетельством **Слово**, с царской уверенностью сказанное им нечистому духу, и покорность, с которой тот подчинился ему?! А сверкающий нимб над головой Учителя, освещающий все и вся, разве не был тому подтверждением?!

Молящиеся как один расступились, давая дорогу Христу. Он прошелся по синагоге тем неспешным шагом, которым удалился от алчущих крови назаретян, чтобы никогда не возвратиться к ним.

Иисус взошел на кафедру и обратился к превратившемуся в слух народу с проповедью. Он говорил медленно, не торопясь, не так, как читают Талмуд, не задумываясь над смыслом прочитанного, не пытаясь постичь его суть. Слово Иисуса Христа было живым, в сердце каждого слушателя оно находило горячий отклик, отвечало на бесчисленные вопросы, пробуждало дремлющий разум, открывало сущность Нового Завета, в основе которого лежали любовь, искупление грехов, очищение души и вознесение в Царство Небесное. Народ затаив дыхание слушал Сына Божьего и, потрясенный услышанным, но и воодушевленный, исполнялся духа нового учения.

Закончив проповедь, Иисус вышел из синагоги и оказался в окружении капернаумцев. Они не хотели отпускать его и готовы были слушать без конца, только бы он оказал эту милость. Многие не слышали проповеди, так как синагога не смогла вместить всех желающих, и теперь они стояли вдоль ограды, надеясь, что Спаситель обязательно пройдет вдоль нее и они узрят его.

Иисус получил немало предложений, особенно от зажиточных капернаумцев, погостить у них в доме, иные предлагали даже целые дома для постоя, но он ограничился словами благодарности и не принял ни одного из них, ибо твердо решил остановиться в какой-нибудь неимущей семье и не привлекать к себе внимания сильных мира сего.

Он отыскал дом вефсаидского Филиппа и вызвал его через соседского мальчонку на улочку.

Увидев Сына Божьего, Филипп возликовал от ра-

дости и, пригласив желанного гостя в дом, бросился открывать для него вместо калитки ворота.

— Нет, Филипп, иди за мной, — произнес Иисус и продолжил свой путь.

Филипп закрыл ворота и поспешил за Иисусом, который не торопясь шел по проселку. Неподалеку находился дом Нафанаила, и когда Иисус узнал об этом, а он слышал много добрых слов о нем от Филиппа, решил познакомиться с ним.

Филипп как свой человек вошел во двор и справился о хозяине дома. Хозяин вышел ему навстречу с упреками, почему он не входит в дом, но Филипп прервал его:

— Нафанаил! Я принес тебе благовую весть!

— Благовую? — лицо Нафанаила расплылось в улыбке, — да не обделит тебя благом Отец наш Небесный! А что ты мне скажешь?!

— Мы нашли человека, о котором писали Моисей и другие пророки, Иисуса, сына Иосифа из Назарета!

Нафанаил на мгновение задумался, покачал седой головой и с грустной улыбкой возразил:

— Значит, из Назарета? Скажи мне на милость, дорогой Филипп, из Назарета может ли быть какое-нибудь благо?

Филипп побледнел, украдкой бросил взгляд на калитку, за которой стоял Иисус, — уж не расслышал ли он?

— Не веришь? Поди и посмотри!

Иисус, стоявший под смоковницей, разумеется, все слышал. Слова Нафанаила не обидели его, ибо скептическое отношение к его родному городу отнюдь не было лишено оснований, и, когда калитка открылась и хозяин вышел на проселок, Иисус совершенно искренне произнес:

— Вот настоящий израильтянин, который всегда говорит, что думает!

Нафанаил вздрогнул, увидев светящегося изнутри Иисуса.

— Ты знаешь меня?

— Впервые увидел тебя, когда ты разговаривал с Филиппом, и слышал, что ты сказал, а так о тебе мне говорили не раз, потому я и решил познакомиться с тобой.

Нафанаил опустился на колени и, воздев руки, произнес:

— Учитель! Ты Сын Божий, Ты Царь Израильский!

Иисус вспомнил рассказы матери о вифлеемских пастухах и восточных мудрецах, также называвших его, новорожденного, Царем, что вызвало страшный гнев Ирода и повлекло за собой избиение младенцев, и он дружески стал выговаривать Нафанаилу:

— Не следует распространяться об этом. Ты веришь в это, потому что я сказал, что впервые увидел тебя сегодня, а слышал о тебе и раньше? Так я обещаю: увидишь и услышишь больше сего, отныне будешь видеть небо отверстым и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому.

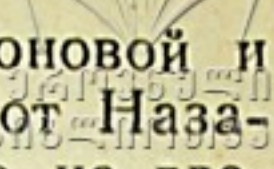
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Этим словам Иисуса вскоре суждено было сбыться. На третий день играли свадьбу в Кане галилейской, на которую пригласили и Иисуса. Он не обманул надежд родителей жениха и невесты, почтил их своим присутствием. Каковы же были его удивление и радость, когда среди гостей он увидел свою мать Марию и мужа ее Иосифа. Иисус покинул Назарет, толком так и не повидавшись с родными, ибо даже тамошние камни и трава восстали против него, и дальнейшее пребывание в родном городе грозило только несчастьем.

Весть о приходе Иисуса в Капернаум, его проповеди в местной синагоге и изгнании нечистого духа из тела бродяги-старика на другой же день достигла Назарета. Весь город только об этом и говорил.

Услыхал о ней и Иосиф и поспешил домой с радостной вестью. После исчезновения сына Мария в отчаянии слегла в постель, и теперь Иосиф, осторожно, стараясь не растревожить ее, рассказал, о чем гудели улицы города. Тут же решили седлать осла и отправляться в Капернаум, но от перенесенного волнения Марии стало хуже, и отъезд пришлось отложить на несколько дней.

Мария уже не чаяла увидеть живым и невредимым своего первенца, любимого своего Иисуса, слава о котором гремела по всей стране.

Капернаум, принадлежащий земле Завулоновой и Неффалимовой, находился не так уж далеко от Назарета. Если Иисус обоснуется в этом городе, а не где-нибудь подальше от родного, но негостеприимного Назарета, Мария в любой момент беспрепятственно сможет увидеться с ним.

Через несколько дней начались новые сборы для поездки в Капернаум, но тут из Каны галилейской от дальнего родственника пришло приглашение на свадьбу. Оно очень обрадовало супругов: Кана находилась на полпути от Назарета до Капернаума, они могли оказать уважение родственнику, побывав на свадьбе, а наутро, помянув Бога, отправиться в Капернаум.

Неожиданная встреча с родителями в Кане страшно обрадовала Иисуса. Он с жаром прижал их к груди — самых преданных, самых верных ему людей.

Мать Иисуса сильно сдала — бесконечные тревоги и страх за первенца, которому постоянно грозила опасность, не прошли для нее бесследно. Иосиф тоже выглядел постаревшим, даже больше, чем Мария. В его густых, щетинистых волосах наточенной косой сверкала седина.

Да и Иисус сильно изменился. Это не укрылось от глаз Марии. Во всем его облике сказывалось отсутствие ее заботы — ведь до тридцати двух лет он находился под внимательным материнским присмотром. Поизносилась шитая руками Марии рубаха, а плащ, тот и вовсе истрепался. Как видно, он часто служил ему постелью. В результате многомесячных постов лицо его посуровело. На губах играла едва заметная задумчивая улыбка. Черты лица утратили округлость, стали более четкими. Он отрастил усы и бороду, ниспадавшие на костлявые плечи рыжеватые волосы по-прежнему были мягкими и блестящими.

Внутренне трепеща, Мария ела сына глазами, подробно расспрашивала о его жизни.

Иисус остановился у одной бедной израильтянки. Жил он в дощатой комнате, перекрытой осокой, напоминавшей ему домик на берегу Нила, в котором прошли грустные годы его детства. Муж и единственный уцелевший после эпидемии чумы сын хозяйки погиб, рыбака в море, после чего она, несчастная, жила на подаяния. Изредка ее навещали сотоварищи мужа и сы-

на, капернаумские рыбаки, и приносили ей часть своего улова.

Свадьба, как и ожидалось, игралась шумно и весело. Танцам и старинным песням, казалось, не было конца. Столы ломились от яств, дарованных Богом, а участники застолья на аппетит не жаловались, жадно поглощали щедрые угощения, запивая их прекрасным вином, привезенным греческими купцами.

В самый разгар застолья прошел слух, что у хозяев кончается вино. Свадебный кутеж да без вина — что может быть ужаснее! И ведь нигде не купишь его так, чтобы молодые даже не узнали, какая им грозит неприятность!

— Боже! Какой позор для этих милых людей! — сокрушалась Мария, когда выяснилось, что вина действительно больше нет, и хозяева метались в поисках хотя бы одного полного сосуда. — Что делать им, несчастным! Пьяные гости перевернут все вверх дном: если не было вина, скажут, зачем нас приглашали?!

Услышав это, Иисус поманил к себе пальцем служителя и негромко, чтобы его не услышали остальные, спросил:

— Все бочки пусты?

— Все, господин.

— Родниковая вода есть?

— Сколько угодно, господин!

— Тогда наполните бочки водою, затем перелейте их в кувшины и подайте гостям!

— Воду, господин?

— Вино!

Последнее слово было произнесено так твердо и с таким убеждением, что служитель не посмел больше возражать, хотя в душе не сомневался, что его и без того опростоволосившийся хозяин наломает ему бока, если он наполнит бочки из-под вина водой.

Не прошло и получаса, как из комнаты, откуда выносили вино, с сияющим лицом вышел хозяин дома. Держа в руках полный вина сосуд, он танцующей походкой подошел к центру застолья, где сидели жених с невестой, не подозревавшие, какой здесь назревал скандал.

— Дайте, дорогие, пейте хоть кувшинами, радуй-

тесъ, веселитесь, слава Господу, вина у нас столько, что хватит и на три свадьбы и еще останется!

Распорядитель пира наполнил чашу водой, претворенной в вино, пригубил ее и, расплывшись в довольной улыбке, тихо сказал жениху:

— Потрясающее вино! Просто напиток богов! Недаром об отце твоём говорят, что он тороватый мужик. Принимает нас от души! Иные хорошее вино подают к столу сначала, а когда уже довольно выпьют, несут похуже. Поди узнай, что пьешь! А он самое лучшее вино берег до сих пор!

На свадьбе в Кане галилейской присутствовали Филипп и Нафанаил. Они сидели напротив Иосифа с Марией и все видели своими глазами и слышали своими ушами. К изумлению участников застолья, не знавших о претворении воды в вино, они пали ниц перед Иисусом как Сыном Божьим, его же волею явленным людям.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Мария не пожелала возвращаться домой из Каны. Она велела Иосифу оседлать осла, и они отправились в Капернаум. Мария хотела провести несколько дней с Иисусом, насладиться его обществом, а потом уже вернуться в Назарет, где ей пришлось хлебнуть столько горя.

Материнским чутьем Мария чувствовала, что ее ненаглядный сын постепенно отдаляется от нее. Место матери в сердце Иисуса занимало нечто более великое и всеобъемлющее. Отчаявшись, Мария цеплялась за свои материнские права, не желая мириться с мыслью, что сын навеки ускользает от нее.

Иисус чувствовал, что мать безмерно страдает. Он старался быть ласковым и внимательным как прежде, но часто ловил себя на том, что делает это принужденно, и мысли его были далеки от преданной ему матери.

Марию страшило, что сын ее привлекал к себе всеобщее внимание, отличался от простых смертных. Она предпочла бы видеть его обыкновенным человеком, как, скажем, Иосиф или многие другие, подобные ему, с обычной мужской судьбой — женой и детьми, и неустанным трудом, способным прокормить их. Тогда ее

сын был бы всегда рядом с ней, и никакая сила не смогла бы помешать их любви.

Марию ужаснуло, что Иисус претворил родниковую воду в вино, а остальные встретили это с восторгом, смешанным со страхом. Это было первое чудо, свидетельницей которого ей довелось стать, и это чудо сотворил ее сын, ее Иисус, зачатый в ее чреве Святым Духом.

Мария прекрасно помнила слова, сказанные ей ангелом в ночь Благовещения и зачатия: «Радуйся, Благодатная! Благословенна ты между женами!» — и она велела себе смириться с судьбой. Волею Всевышнего она лишь родила Иисуса, девять месяцев носила под сердцем, а так он принадлежал не ей одной, а всему роду человеческому.

«Мой сын постольку мой, поскольку я отношусь к роду человеческому!» — говорила себе Мария, не в силах сдержать горьких слез.

После свадьбы за Иисусом последовало множество народу. В дороге к ним присоединялись еще многие и многие. Всем хотелось быть рядом с ним, услышать его голос, коснуться его одежды, причаститься его благодати. Иисус не смог даже переговорить с Марией и Иосифом. Он вел беседы со своими спутниками, знакомил их с некоторыми заповедями своего учения, а народ, изголодавшийся по Божьему слову, жадно внимал ему и передавал услышанное из уст в уста.

К полуночи они, наконец, пришли в Капернаум, и Иисус пригласил родителей в домик, где снимал комнату. Хозяйка не спала. Она всегда ждала Иисуса, заменившего ей сына, и не ложилась до его прихода. Она встретила дорогих гостей скромным угощением: — Дорога из Каны долгая, все, наверное, проголодались, кушайте на здоровье.

Рассветало, когда они легли спать.

Не прошло и часа, как Мария услышала скрип тахты.

— Сынок, ты встаешь? — спросила она Иисуса.

— На улице народ собрался, мама, я должен выйти к людям!

Перед домиком действительно стояло великое множество народу. Люди пришли сюда не только из близлежащих городов и сел, но и с противоположного бере-

га Галилейского моря, Десятиградия и даже из Иудеи. Они привели с собой больных и немощных. Иисус тут же начал исцелять их, изгонять злых духов из тел несчастных, что вызвало восторг окружающих. То и дело слышались слова благодарения:

— Ты Сын Божий! Спаситель! Да славится твое имя, Господи, во веки веков!

Было десять часов утра, и солнце уже завладело небосклоном, когда Иисус во главе толпы направился в центр города к синагоге. Мария, Иосиф и старая хозяйка пошли вместе со всеми. В дороге к ним присоединялись капернаумцы, большие и малые, больные и здоровые, а также жители соседних городов, оказавшиеся в стенах Капернаума, так что толпа росла на глазах.

Люди, пришедшие с Иисусом из Каны, ночевали в синагоге. Наступила суббота, и они вместе с остальными правоверными капернаумцами полагали, что Иисус обязательно появится в синагоге, помолится вместе со всеми и будет учить народ. Они не ошиблись. Иисус пришел в сопровождении огромной толпы народа, которую синагога едва вместила. Он спокойно вошел на кафедру и начал проповедь следующими словами:

— Братья и сестры, покайтесь, ибо близится Царство Небесное!

Народ слушал его затаив дыхание, каждый в толпе чувствовал, что эта возвышающая душу проповедь не имеет ничего общего с проповедями книжников, которые учили народ вычитанным в книгах догмам, будучи сами рабами этих догм. В отличие от них проповедь назаретянина была исполнена внутреннего убеждения и звучала Новым Заветом, который нигде не был записан и никому до сих пор не известен.

Снаружи донесся какой-то шум и крик. Иисус прервал проповедь, устремил взгляд на двери и тихим голосом спросил:

— Что за шум? Что происходит?

— Люди хотят войти в синагогу и послушать тебя, Господи.

— Скажите им, что в синагоге яблоку негде упасть.

— Мы так и сказали, но они не верят, Господи, чем, говорят, мы хуже вас, которые видят и слышат его?

Мария, бывшая свидетельницей этой сцены, почувствовала новый прилив тоски и скорби. До каких пор ее сын, истощенный постоянным постом и молитвами, мог выдерживать натиск такого количества народу, как мог он один быть каждому опорой и поддержкой, отвечать на все вопросы, задаваемые ему! Она долго прощалась со своим любимым первенцем, обливаясь горькими слезами, когда в йомшлиши, по римскому календарю во вторник, оставляла его в Капернауме одного, а сама вместе с Иосифом возвращалась назад, в Назарет.

Однажды, безумно устав от постоянного пребывания на людях, Иисус уединился и оказался на узкой улочке, зажатой в тиски дощатыми хижинами. Она привела его на окраину города, он вышел за городские ворота и очутился на берегу моря. Сырой ветер нес к берегу пенящиеся волны, с шумом ударявшиеся в заросли тростника. Иисус заметил в зарослях лодку. Капернаум был городом рыбаков, и это не удивило его. Горожане кормились в основном рыбой, и море для них было пашней и виноградником, фруктовым садом и горным пастбищем. Лодка наполовину была вытащена на берег и привязана цепью к толстому суку. Рыбаки, а их было двое, стояли по пояс в воде и вымывали сети. Иисус пошел в их сторону, ему почему-то захотелось поговорить с этими честными работягами. Он встал на ту часть лодки, что была на берегу, и громко поздоровался с рыбаками. Оторвавшись от своих дел, рыбаки обернулись и, увидев его, выронили сети. Один остался стоять на месте, а другой подошел к Иисусу.

— Ты Андрей? — радостно вырвалось у Иисуса.

— Я, Господи, — загорелое от постоянного пребывания на солнце лицо рыбака дрогнуло, он приблизился к Иисусу и приложился к его руке, а затем, указав на стоящего в воде второго рыбака, сказал: — А это мой старший брат Симон. Симон! Поди сюда, что ты там стоишь, разве не видишь, кто пришел?

— Что вы здесь делаете?

— Ловим рыбу, Учитель, всю ночь не спали, но ничего не поймали.

Тем временем Симон вышел из воды, бросил сеть на берег, подошел к Иисусу и вслед за Андреем поцеловал ему руку.

Иисус посмотрел на старшего брата **Андрея**, он ему явно понравился.

— Теперь ты наречешься Кифа, — сказал он ему, — что в переводе с арамейского означает камень или Петр.

— Слушаю, Учитель.

— Симон был на Иордане в тот день, когда тебя крестили. Я хотел привести к тебе Симона. Мы долго искали тебя, но не нашли.

— Значит, плохо искали. Ну-ка, Симон-Петр, отплыви на глубину и закинь сети свои для лова, может, что и вытащишь!

— Здесь нет рыбы, Учитель, Андрей ведь сказал тебе, мы всю ночь трудились и ничего не поймали, но по слову твоему закину сеть.

С этими словами широкоплечий здоровяк Симон-Петр поднял тяжелую сеть с земли, намотал ее конец на руку и, перекинув через плечо, решительно вошел в лодку. Отплыв на какое-то расстояние, он обернулся, скорее для того, чтобы убедиться, что за ним наблюдают.

— Закинь, чего ждешь! — ободрил его с берега Иисус, которого неожиданная встреча с братьями привела в хорошее расположение и помогла забыть о безмерной усталости.

Симон-Петр разложил сеть на вытянутой левой руке, взмахнул правой, раскрыл ее, и она, медленно крутясь, опустилась на воду. Только сеть исчезла в глубине, как Симон-Петр пошатнулся, натянул веревку, к которой была привязана сеть, и, подавшись назад, крикнул брату:

— Андрей, скорей сюда, похоже, что-то поймалось!

В тот же миг Андрей сорвался с места, налег на нос лодки, шлепая по воде руками, влез в нее с помощью оказавшегося рядом Иисуса, потом втащил и его, взялся за весла и в мгновение ока оказался рядом с лодкой Симона, который, несмотря на свою исполинскую силу, едва удерживал сеть. Андрей бросил весла в лодку и ухватился за край скользкой веревки. Еще через несколько мгновений братья подняли сеть, полную рыбы, и опрокинули ее в лодку. Дно лодки мгно-

венно наполнилось трепещущей рыбой величиной с локоть.

— А вы говорили, нет рыбы? — с улыбкой спросил Иисус. — Ну-ка, попытайтесь еще раз!

Они попытались и с трудом вытащили полную рыбы сеть через борт лодки. Поскольку дело пошло, братья заработали с прежней ловкостью и охотой. Закинув сеть в третий и четвертый раз, они почти до половины наполнили лодку. Неожиданный успех поднял им дух, братья работали не переводя дыхание, уходя все глубже и глубже в море. Лодка была почти полна рыбы, когда они в очередной раз закинули сеть и, вытащив ее, заметили приближающуюся к ним лодку со своими товарищами, которые увидели их с берега и приплыли узнать, все ли у них в порядке.

— Иоанн, Иаков! — крикнул им Симон-Петр. — Закидывайте сети, видите, сколько рыбы!

Иоанн и Иаков, сыновья Зеведеевы, с первым из которых Иисус познакомился в день своего крещения в Вифаваре, подплыли к ним почти вплотную и закинули свою сеть. Вскоре и их лодка была полна рыбы, вода доходила до бортиков и грозила затопить ее.

Первым это заметил Симон-Петр. Он припал к коленам стоявшего на корме Иисуса и в отчаянии произнес:

— Выйди из меня, Господи, потому что я грешный человек!

Голос Симона-Петра отрезвил остальных, они поняли, что перегруженные лодки вот-вот пойдут ко дну.

— Не бойся, — спокойно сказал Иисус Симону-Петру, — отныне будешь ловить человеков! Следуйте за мной! Чего уставились, беритесь за весла и гребите к берегу.

И лодки, как если бы они были порожние, легко заскользили к берегу.

— Я и мой брат, Господи, готовы следовать за тобой, — сказал Спасителю Симон-Петр, когда лодки тяжело уткнулись в прибрежный песок, — и Иоанн с Иаковом тоже. Говори, что нам делать!

— А что вам делать, — отвечал Иисус, — солнце садится, вскоре стемнеет. Надо обработать рыбу, не оставлять же ее на съедение шакалам! Я живу тут не-

подалеку, и через полчаса буду дома, а вы займитесь своим делом.

— Господи, ты был добр к нам, спас наши семьи от голода и нас самих от верной гибели, — обратился к Спасителю теперь уже Андрей. — Теща моего брата Симона больна горячкой, болезнь почти доконала ее, потому он и не приглашает тебя домой. Пойдем с нами, окажи нам уважение, обрати на больную свой милосердный взгляд, может быть, поможешь ей.

— Значит ты не веришь, что я могу помочь ей?

— Верю, как же не верить!

— Раз так, сегодня я ваш гость!

В дороге они повстречались с седовласым старцем Зеведеем. Услышав о большом улове сыновей, он запряг в телегу откормленных волов, заставил ее бочками и отправился в тихий залив, куда обычно входили рыбачьи лодки.

— Покажи-ка мне больную, — сказал Иисус Симону-Петру, входя в его дом.

Симон-Петр ввел его в небольшую комнату без окон, где на старинной тахте, перекрытой ковром, лежала больная. Большие, потухшие глаза на исхудалом, изборожденном мелкими морщинами лице были устремлены на дверь. У изголовья, на низкой скамье стояла коптилка, освещавшая комнату желтоватым светом и распространявшая запах потрошенной рыбы.

Иисус подошел к больной и гневно произнес: — Выйди из нее, — очевидно, адресуя свой гнев горячке, и, не дождавшись результата, вышел из комнаты.

Симон-Петр и его брат Андрей, а также сыновья Зеведея — Иаков и Иоанн остались в душевной комнатке старухи и, пораженные, вернее потрясенные зрелищем чуда, переглянулись, когда больная, месяцами недвижно лежавшая в постели, вдруг поднялась, провела обеими руками по волосам, как это было свойственно ей в молодости, спустила ноги с кровати и, начав одеваться, сказала своему зятю Симону-Петру:

— Наколи-ка дров, сынок, надо разжечь огонь и попотчевать гостя.

Потеряв голову от счастья, Симон выбежал в соседнюю комнату, где находился Иисус, бросился ему в ноги и в порыве искренней благодарности воскликнул:

— Ты Сын Божий, Господи, ты Спаситель наш!

— Встань, Симон, — с грустной улыбкой произнес Иисус, — не надо кричать об этом на весь мир, сделай лучше то, о чем попросила тебя теща. Рыба у нас есть?

— Сколько угодно, Господи!

— И вино найдется?

— Ты только прикажи!

— Значит ужин нас ждет отличный!

Бодрое настроение Иисуса передалось и остальным. Быстренько распределили между собой обязанности: кто потрошил и резал рыбу, кто отправился с кувшином к колодцу, кто разжигал огонь в очаге и ставил кастрюлю с водой на треножник. Но больше всех хлопотала теща Симона-Петра, столько лет страдающая недугом. Когда она накрыла на стол, Иисус благословил застолье, разлил вино по чашам и, прежде чем произнести тост, преломил хлеб.

К вечеру они поднялись со стола. Иисус отряхнул с колен крошки и собрался было выйти, как Симон-Петр, выглянувший в окно, предупредил его:

— На улице собрался народ, Учитель, он тебя не выпустит отсюда, может быть выйдешь через черный ход?

— Мне не скрыться, Симон, так что надо идти.

Он открыл двери, и в комнату ворвались лучи заходящего солнца. Увидев толпу народа перед домом, Иисус на мгновение заколебался — выходить или нет, но что-то изнутри подтолкнуло его вперед, и он вышел к людям. Его тут же окружили страждущие — кто вел под руку больного, кто молил изгнать нечистого из тела, кто просил его пойти с ним домой.

Иисус подошел к каждому больному, кого излечил одним прикосновением руки, из кого изгнал нечистого духа, и они, воздев руки, молились на него:

— Дай Бог тебе долгой жизни! Ты Христос, ты Сын Божий!

Солнце уже садилось, а больных, требующих чудейственного прикосновения его руки, не убывало. Напротив, толпа росла и росла. И он всю ночь провел во дворе. Только на рассвете пришел домой, чтобы вздремнуть и собраться с силами. А народ встретил восход солнца на ногах.

— Сынок, — сказала Иисусу его старая хозяйка,

— люди не знают, что такое жалость. Каждый думает только о себе, о своей беде. Если ты не заснешь, ты умрешь. Позволь мне выйти и сказать этим людям, чтобы разошлись и пришли к вечеру.

— Нет, мать, — обессилев от усталости, Иисус рухнул на постель, — я только прилягу на минутку и сам выйду к ним и попрошу, чтобы разошлись, меня они скорее послушают.

А люди подумали, что он ушел ночевать к одному из своих учеников и начали искать его по всему городу. Когда через два часа он появился на пороге старушечьей хижины, все очень удивились и молча расступились перед ним.

А он, пройдя мимо них, направился прямо в противоположную от моря сторону — в пустыню.

— Куда идешь, Господи, — возопили люди, — заклинаем тебя Всевышним, не оставляй нас!

Но он сурово устранил всех со своего пути:

— И другим городам благовествовать я должен Царствие Небесное, ибо я послан Богом не только для Капернаума!

Никто не посмел возразить ему, но все как один последовали за ним. Отныне Иисус проповедовал в галилейских синагогах и там исцелял больных.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Когда Иисус был в одном городе, ему преградил путь прокаженный, от которого исходило зловоние, и, прежде чем сопровождавшие его ученики успели что-либо сказать несчастному, пал перед Спасителем на колени, ударил лбом о землю и взмолился:

— Господи, если хочешь, можешь меня очистить. Я измучен тяжкой болезнью. И нет на земле человека, который мог бы помочь мне. Не отказывай, молю тебя! Только тебе под силу очистить меня!

Иисусу стало жаль прокаженного, сердце его сжалось, он простер руку, прикоснулся к его плечу и произнес:

— Хочу очистить тебя! Очистись!

И в тот же миг проказа сошла с него. Он лихорадочно разглядывал свои руки и ноги, тело, прикрытое лох-

мотями, которое еще минуту назад было в гноящихся язвах, потом переводил взгляд на Иисуса и его учеников, не понимая, сон это или явь, и не зная, как, какими словами выразить свою благодарность.

— Чему ты удивляешься? Ты же сам попросил, — сказал ему Иисус, — теперь иди и никому не говори об этом, если не хочешь умножить своих врагов и завистников, покажись священнику и принеси жертву за очищение свое, как повелел Моисей.

Бывший прокаженный встал и пошел своей дорогой. Первое время, пока мог, он честно выполнял наставление Спасителя, ни словом не обмолвился о той страшной болезни, которой болел, и о том, каким чудом излечился от нее. Но потом не выдержал, искушение рассказать людям правду было слишком велико, и он всему миру поведал историю своего чудесного исцеления. Это еще более взбудоражило народ. Люди искали местопребывание Учителя из Назарета, посланного Богом Мессию, Иисуса Христа, и, если с Божьей помощью удавалось разыскать его, они следовали за ним, не отходили от него ни на шаг.

Это усложнило положение Иисуса вдвойне. Он уже не мог свободно входить в большие города и проповедовать в синагогах Евангелие Царства Небесного. Во-первых, трудно было найти синагоги, способные вместить великое множество народу, где бы его Слово, к которому так жадно прислушивались все, могло достичь ушей каждого. Вот он и уходил в пустынные места и появлялся в городах редко, притом неожиданно, чтобы через какое-то время вновь бесследно исчезнуть.

Недели через две Иисус вернулся в Капернаум. С тех пор, как он вылечил от горячки тещу Симона-Петра, ему пришлось столкнуться с еще более сложными проблемами. Против него озлобились книжники и фарисеи, считавшие себя лучшими знатоками божественных книг, и, как некогда в Назарете, вызвали его на публичный диспут по вопросам догматов веры. Народ в напряжении ждал, что будет. Иисус оказался вынужденным принять участие в навязанном ему споре. Он пошел на это, чтобы разоблачить и тех, и других, но каким-то безошибочным чутьем чувствовал, что учителя веры, восставшие против него, отнюдь не одиноки, что у них есть сторонники и единомышленники.

Пройдя долгий путь домой вместе со своими учениками, которые ушли с ним из Капернаума и неразлучно были при нем, Иисус обнаружил, что дом, где он останавливался, окружен горожанами и селянами из окрестных сел. В доме также было полно народу. Несмотря на слабые протесты старухи-хозяйки, люди в ожидании Иисуса, как видно, ночевали здесь, решив дожидаться его прихода. На тахте, перекрытой паласом, где Иисус обычно спал каких-то несколько часов до рассвета, сидели несколько человек, не собиравшихся уступать кому-либо свои с боем завоеванные места.

— Что-нибудь случилось, люди, или дом рушится? — спросил присутствующих Симон-Петр и отскочил в сторону, потому что сверху под чьими-то ногами раздавался треск гнилой дранки и с потолка между шалевками посыпался песок.

Все посмотрели наверх. В это время кто-то на чердаке ударил каблуком по шалевке, и она провалилась, повиснув на одном конце. Не прошло и минуты, как та же участь постигла соседние шалевки, и с потолка в комнату проник дневной свет.

— Что вы делаете, вы в своем уме? — крикнул Симон-Петр тем, кто стоял на чердачной балке и спускал на веревках в комнату носилки.

— А что нам делать, если к дверям не подступиться? Не везти же этого убогого домой, и сюда-то едва доставили! — ответили сверху и быстренько спустили больного с постелью прямо на земляной пол перед Иисусом. Больной глухо застонал. Он давно уже молил Бога принять его грешную душу, но Бог не призревал его и душа еще теплилась в нем. Близкие родственники, приволокшие его сюда и вместо дверей воспользовавшиеся чердаком, сбросили сверху веревки и прыгнули сами.

— Кто вы, люди, что это вы сделали? — полусердито, полуприветливо спросил их Иисус.

— Мы — сыновья этого человека, Господи, — ответил за всех младший, преклоняя колени перед Спасителем. Старшие братья тут же последовали его примеру. — В молодости его разбил паралич, и с тех пор он прикован к постели.

— Почему вы разрушили мой дом?

Это было сказано таким тоном, что молодой человек понял, Господь не сердится на него.

— Мы починим крышу, Господи, — ответил он, мы все четверо плотники, так же как и наш отец, ты только обрати на него свою милость, прикоснись к нему, поставь на ноги!

— А вы верите, что я, Сын Человеческий, могу это сделать?

— Верим, Господи! Кабы не верили, мы не пришли бы сюда из такой дали!

— Ну, коли так, — ублагодворенный искренней и твердой верой молодых людей Иисус прикоснулся к плечу больного и сказал: — Прощаются тебе грехи твои!

Среди находящихся в комнате было несколько книжников и фарисеев. Они внимательно следили за происходящим, стараясь не упустить ни одного слова Иисуса, ни одного его движения.

«Что он говорит? — возмутились они про себя, не смея высказать свои мысли вслух. — Он богохульствует! Кто может прощать грехи, кроме одного Бога?!»

Иисус уразумел их помышления.

— Что вам легче сказать убогому, — обратился он к ним, — «прощаются тебе грехи твои» или «встань и ходи!»? Отныне знайте и остальным внушите, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, а на что; кроме этого, он еще способен, вы сейчас увидите! — с этими словами Иисус повернулся к больному: — Тебе говорю: встань, возьми постель свою и иди домой.

К великому изумлению находящихся в комнате и, в первую очередь, книжников и фарисеев, больной тотчас встал, как будто его никогда не разбивал паралич, взял то, на чем лежал, и, взвалив все это себе на плечи, на цыпочках пошел к двери.

Люди опешили. Раскрыв рты, смотрели на него, славя в душе всемогущего Бога и говоря себе: Божьей милостью, мы никогда не были свидетелями подобного чуда.

После этого Иисус вышел из дома и пошел к морю. Люди, дожидавшиеся его на улице, последовали за ним. Они уже прослышали о новом чуде — исцелении боль-

ного, и их вера в Иисуса и почитание укрепились еще более.

По дороге Спаситель увидел мытаря Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин. Тот смотрел на толпу народа, идущую к морю, и думал: «Хотел бы я знать, куда они тащутся, что там потеряли». А Спаситель, поравнявшись с ним, сказал:

— Чего ты сидишь там, Левий Алфеев, следуй за мной!

Левий Алфеев был гордым, честолюбивым человеком. Да еще порядочным ленивцем, как он сам считал. Потихоньку поддакивал иерусалимским книжникам и фарисеям, не верил в божественное происхождение Иисуса, но когда среди толпы народа тот выделил его, заметил и подозвал, Левий возгордился, вскочил на ноги и, забыв о пошлинах, последовал за ним.

Когда все вышли к морю, Учитель поднялся на пригорок и стал учить народ. Все внимательно слушали его, в том числе и книжники с фарисеями, и дивились его словам, которых прежде никогда не слышали.

Перед заходом солнца привели недужных и убогих, и он исцелил всех без исключения, на кого упал взгляд и к кому прикоснулся.

Левий Алфеев, работая локтями, пролез вперед и, преклонив колени перед Иисусом, почтительно обратился к нему:

— Господи, осчастливь мою семью своим благословенным присутствием! Вместе с твоими учениками и этими учеными мужами, — он указал на столичных книжников и фарисеев, ибо не желал ссориться с ними, — пожалуйста ко мне на ужин! Я пошлю вперед человека и к нашему приходу все будет готово!

— Почему бы и нет! — улыбнулся Иисус, который, несмотря на тяжелый день, ничем не выказывал своей усталости, — мы твои гости, Левий Алфеев, посмотрим, хлебосольный ли ты человек!

Приглашением Левия Алфеева воспользовались и те, кого тот и не думал звать к себе в гости, а тем более угощать, но он был так рад и счастлив, что Иисус Христос согласился посетить его дом, что не обратил на это внимание.

Вокруг стола, кроме Иисуса и его учеников, возлежало много мытарей и грешников. Проголодавшийся Иисус угощался с видимым удовольствием, не отказался и от специально припасенного для гостей вина. Его примеру с охотой следовали и остальные.

Книжники и фарисеи, оказавшиеся вместе со своими учениками в конце стола, злобно наблюдали за Иисусом.

— Как он может есть и пить с мытарями и грешниками? — спросили они у учеников Иисуса.

Иисус услышал их вопрос и ответил им вместо своих учеников:

— Кто больше нуждается во враче — здоровые или больные? Я пришел призвать к покаянию не праведников, но грешников.

За столом возлежали и ученики Иоанна Крестителя, брошенного в тюрьму тетрархом Иродом, и фарисеев, которые ели только постные блюда, брезгливо отворачиваясь от скоромной пищи. Один из них, набравшись храбрости, обратился к Иисусу:

— Почему мы, ученики Иоанновы и фарисейские, постимся, а твои ученики не постятся?

— Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? — улыбнулся Иисус. — Им сейчас незачем поститься! Но жизнь — не вечный праздник, придет день, когда жениха не будет с ними и настанет время поста! Никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленной ткани: иначе вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже. И никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвет мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут; но вино молодое надобно вливать в мехи новые.

— Тогда ответь нам и на это, — поднялся один из фарисеев, привлекая к себе внимание всех сотрапезников. — Раз как-то ты со своими учениками шел по засеянному полю.

— Ну и что? — Иисус улыбнулся, ибо понял, куда клонит его оппонент.

— Была суббота...

— Дальше, ну, говори!

— Твои ученики дорогою срывали колосья, растирали их и ели зерна!

— Ну и что, они были голодны!

— Но я же сказал, была суббота, согласно закону веры в этот день ничего нельзя делать! Чтобы не прогневать Господа, всякое неотложное дело должно быть закончено днем раньше! Для правоверного израильтянина великий грех — нарушать субботу!

Насмешливая улыбка промелькнула на лице у Иисуса.

— Вот вы, книжники, день и ночь проводите в книги уткнувшись, неужели вы никогда не читали, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним? Он вошел в дом Божий при первосвященнике Авиафаре и съел хлебы предложения, которых не должно было есть никому, кроме священников, и дал и бывшим с ним! Так что суббота для человека, а не человек для субботы. И запомните: Сын Человеческий есть господин и субботы!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Эти слова Иисуса, по глубокому убеждению книжников и фарисеев, наглые и кощунственные, возмутили их до глубины души. Признанный невежественной толпой Христом, Спасителем, Учителем, сын плотника Иосифа Иисус из Назарета слишком дерзко обращался с законами веры, поминутно нарушал их и призывал к тому же остальных.

Что это как не богохульство, как не выступление против Господа, простить которое было равносильно тому же богохульству?!

Гнев правоверных израильтян усиливало и то, что Учитель из Назарета столь вызывающе вел себя на глазах у толпы, среди бела дня, показывая тем самым, что никого ни во что не ставит.

Однажды в субботу он пришел в синагогу. Здесь ему, как нарочно, повстречался человек с высохшей рукой. Книжники и фарисеи со всех углов храма, из-за каждой колонны наблюдали за ним. Если он поведет себя как обычно и исцелит сухорукого в субботу, это будет грубым нарушением закона Моисеева, и у них появится повод для возбуждения против него дела в синедрионе.

А сухорукий, которого беспокоили лишь собственные проблемы, пришел в синагогу в надежде встретить Иисуса. И увидев человека, который может исцелить его, естественно, поспешил к нему.

— Стань на середину! — сказал ему Иисус и, обратившись к книжникам и фарисеям, которые вышли из своих укрытий и стали вокруг него, произнес: — Должно ли в субботу добро делать или зло делать? Душу спасти или погубить?

Но книжники и фарисеи молчали, боясь невольно сказать то, что назаретянин потом мог использовать против них.

— Что вы молчите, или не знаете, что сказать?

И на этот раз не получив ответа, Иисус с отвращением и гневом посмотрел на этих ожесточившихся, исполненных злобы и желчи людей и сказал сухорукому:

— Протяни руку твою!

Тот протянул и, как только Иисус прикоснулся к ней, рука его стала здорова.

Вышедши из синагоги, разъяренные учителя веры стали совещаться, как погубить этого богохульника, который наглел на глазах, своим кощунственным поведением смущает верующих и восстанавливает их против служителей истинной веры.

Иисус же, не обратив никакого внимания на шушукующихся возле синагоги книжников, вместе со своими учениками удалился к морю, где его ждало великое множество народу.

Толпы людей пришли сюда со всех концов Израиля: из Галилеи и Иудеи, Самарии и Идумеи, даже из окрестностей Тира и Сидона. Много народу прибыло из Десятиградия, с обоих берегов Иордана, побережья Мертвого моря и из самого стольного города Иерусалима...

На берегу яблоку негде было упасть. Иисус почувствовал усталость, дрогнул при виде такого собрания народу. Ночь он провел в молитве, в молитве же встретил рассвет, глаза у него были воспалены, его то и дело шатало. Впервые родилась мысль вовлечь в дело учеников, наделить их силой изгонять бесов и отпустить на все четыре стороны для оказания помощи стражду-

шим, но вот хватит ли у них веры и благодати, сумеют ли они справиться с этой задачей.

Он сказал Андрею и Симону, чтобы приготовили лодку для него, а сам принялся исцелять больных. Имеющие язвы, тесня друг друга, рвались к нему, чтобы коснуться его и таким образом исцелиться. И одержимые бесами падали пред ним и отчаявшимися голосами кричали:

— Ты Сын Божий! Ты — Спаситель!

Этим они, как видно, хотели вызвать его благорасположение.

— Не надо кричать! — строго говорил им Иисус, — если можете и хотите сделать добро, придержите языки, не кричите обо мне на весь мир, черви в болоте и без того кишмя кишат.

Ближе к вечеру Иисус понял, что силы его на исходе, он взошел на гору и через Иоанна вызвал к себе тех, кого решил призвать заранее. Они не заставили себя ждать, вышли из толпы, поднялись на гору и расположились вокруг него.

Из семидесяти учеников Иисус выбрал двенадцать, постоянно находившихся возле него. Избранными оказались: Симон-Петр и Андрей, сыновья Ионовы, Иаков и Иоанн, сыновья Зеведеевы, Филипп и Варфоломей, Матфей, Фома и Яков Алфеев, Фаддей, Симон Кананит и под конец Иуда Искарот, последний, кто примкнул к нему и кто проявил в беседах завидные познания в новом учении.

Благословив всех двенадцать, нареченных им апостолами, Иисус поднялся и сказал:

— Пора сойти вниз, к людям!

Оставшиеся внизу с нетерпением ждали возвращения уединившихся Иисуса и его сподвижников. Было очевидно, что там, на горе, куда Спаситель призвал избранных своих учеников, свершается нечто значительное, после чего он обратит свою милость на них. Когда они, наконец, появились, народ дрогнул и с упованием уставился на пустынный склон, по которому Спаситель с двенадцатью учениками медленно спускались вниз.

Не дойдя до конца склона, Иисус остановился и, полагая, что его голос отсюда будет слышен всем, начал свою проповедь:

— Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное!

Тут Иисус несколько возвысил голос и обратился к своим апостолам. Он предрек им трудный и тернистый путь. Многие будут поносить их и гнать за духовный союз с ним, но чем сильнее будут гонения, тем больше они должны веселиться и радоваться, ибо за свою мученическую службу они получают награду на небесах. Вот и пророки, которые были прежде них, также подвергались гонениям и мукам!

— Вы — соль земли, — продолжал Иисус, — если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поправление людям...

Он даже больше сказал: он назвал апостолов светом мира и сравнил каждого из них с ярко освещенным городом на верху горы. Зажженную свечу, сказал он, ставят в подсвечник, чтобы она освещала все и вся вокруг, — ни один разумный человек не спрячет ее под сосудом. Так да светит и их свет перед людьми, чтобы они видели их добрые дела и прославляли Отца Небесного.

После этого Спаситель обратился к книжникам и фарисеям, затеявшим с ним спор после исцеления сухо-рукого:

— Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков, не нарушить пришел я, но исполнить. Истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном!

— Дети мои, ученики мои! — повернувшись спиной к своим тайным и явным врагам, Иисус обратился к народу. — Если праведность ваша не превзойдет пра-

ее блудливость. Во всех других случаях мужчина нарушает обет, данный Всевышнему, и разрушает благословенное Господом единение.

— Что вам сказать о клятве? — задался вопросом Иисус. — Не клянись ложно, а если поклялся, имей мудрость исполнять пред Господом клятвы твои. Или не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий, ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя! Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет», а что сверх этого, то от лукавого!

Иисус вспомнил и древнюю заповедь: «око за око и зуб за зуб» и счел выполнение ее грехом перед Богом. Он проповедовал совершенно противоположное: не противься злу! Ударил тебя враг твой по правой щеке? Подставь левую! И если кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду! И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два! Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Любовь к ближнему он провозгласил основой основ человеческих взаимоотношений, но отверг и объявил грехом вторую часть древней заповеди: «...и ненавидь врага твоего».

— Я говорю вам, — взывал он к народу, — любите врагов ваших! Благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас, гонящих вас, дабы быть истинными сынами Отца Небесного, который повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных!

Что удивительного и необычного в том, что вы любите только своих близких, единомышленников и доброжелателей, — продолжал Иисус. — Разве не так же поступают мытари? И если мы приветствуем только братьев своих, что особенного мы делаем?! Совершенен лишь Отец Небесный, и люди должны стремиться уподобиться ему!

Иисус объявил недостойным творить милостыню только для того, чтобы выставить себя перед людьми: вот я какой добрый. Он осудил тех малодушных людей,

которые, сотворив милостыню, ждут от Отца Небесного немедленной награды. Недостойным посчитал он и трубить на весь мир о своих добрых делах. Так поступают лишь лицемеры, творящие милостыню в синагогах и на улицах, дабы люди прославляли их за бескорыстие. Но они уже получают свою награду!

— Когда ты творишь милостыню, — продолжал Иисус, — пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец Твой, видящий тайное, воздаст тебе явно!

То же сказал он и о молитве Господу. И она свершается втайне, и о ней не надо трубить. Молиться в синагогах и на углах улиц, чтобы показаться людям, — удел лицемеров. Истинный верующий войдет в свою комнату, затворит дверь и, оставшись один, помолится втайне. И Господь, видящий тайное, воздаст ему явно. Молитва не должна быть многословной. Многословие свойственно язычникам, ибо они верят, что чем больше они скажут слов, тем скорее их услышит Бог и тем милостивее будет к ним.

— Прежде вашего прошения, — сказал Иисус, — Отец ваш знает, в чем вы имеете нужду. Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое! Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам по сей день. И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим. И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила, и слава вовеки. Аминь!

Иисус осенил себя крестным знаменем и возвел очи горе.

— Аминь! — как один выдохнула толпа и, крестясь, опустилась на колени, вслед за Иисусом взывая к небесам:

— И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого, ибо Твое есть Царство, и сила, и слава вовеки. Аминь!

Иисус поднял руку и, когда народ поднялся и вновь установилась мертвая тишина, нарушаемая лишь шумом разбивающихся о берег волн, продолжил:

— Прощайте людям их согрешения, а вам Отец ваш Небесный простит их. А если не будете прощать, то и Отец ваш не простит вам. Когда поститесь, не будь-

те унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, который видит тайное и воздаст тебе явно.

Наступила пауза, и вдруг тишину прорезал звенящий от волнения голос:

— Что делать нам с сокровищами нашими?!

Это, собрав свою волю, прокричал выжженный солнцем пустыни человек, стоявший позади апостолов и ловящий каждое слово Спасителя. Вокруг раздались голоса неудовольствия. Но Иисус, не обращая на них внимания, отыскал глазами спрашивающего:

— Думаете, надо зарыть их в землю?! Там ведь моль и ржа истребят их, либо воры выроют и украдут. Место сокровищ — на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше!

Посчитав ответ исчерпывающим, Иисус вновь обратился к внимающей ему толпе:

— Светильник для тела есть око! Если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло! Но если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?!

Тут он перевел разговор на духовное и телесное раздвоение человека. Он прямо сказал: никто не может служить двум господам. Из них двоих одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Под двумя господами он имел в виду с одной стороны Бога, с другой — мамону.

Можно ли в одно и то же время поклоняться Господу и мамоне?

— Посему говорю вам, — говорил Иисус, — не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, а тело — одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?

Иисус растолковал людям бессилие человеческое. Человек ведь не может, как бы ни старался, прибавить себе росту хотя бы на один локоть. Что меняет в при-

роде человека столь желанная одежда? Абсолютно ничего! Кто видел полевую лилию, как она растет? Она ни трудится, ни прядет! Но сам Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них.

— Если же траву полевую, — возвысил голос Иисус, — которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, то человека, сына своего, разве не мог он одеть лучше? Итак, маловеры, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть», или «что пить», или «во что одеться». И то, и другое, и третье ищут язычники, вы же ищите Царство Божие и правды Его и все это приложится вам. Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.

Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в своем глазу не чувствуешь? Брату говоришь: «Дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот в твоём глазе бревно. Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего. Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, ибо они попрут его ногами своими и, обернувшись, растерзают вас.

Просите и дано вам будет, ищите и найдете, стучите и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? И если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него.

И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки.

Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими. Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград

или с релейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое — плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь.

Не всякий, взывающий к Господу, войдет в Царство Небесное. Царства Небесного будут достойны лишь те, кто исполнит волю Отца Моего Небесного. Иные скажут мне: «Господи, не от Твоего ли имени мы пророчествовали? И не Твоим ли именем бесов изгоняли? И не Твоим ли именем многие чудеса творили?» И тогда я скажу им: «Я никогда не знал вас, отойдите от меня, делающие беззаконие».

Всякого, кто слушает слова мои сии и исполняет их, я уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот, и он упал, и было падение его великое!

Иисус закончил проповедь. Сгущались сумерки. Потрясенный народ, исполненный какой-то удивительной благодати, оставался недвижим, как бы ожидая чего-то. Все понимали, это была необычная проповедь. Она скорее походила на чудо. Иисус учил народ не как книжники и фарисеи, знатоки божественного учения и законов веры, а как власть имеющий, могущественный Сын Божий.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Иисус намеревался после проповеди переправиться на лодке на другой берег, чтобы побыть одному и отдохнуть немного. Апостолы Симон-Петр и Андрей по его просьбе даже заготовили лодку, но, закончив проповедь, Иисус почувствовал такую усталость, что отказался от своей затеи и в окружении учеников напра-

вился в Капернаум, собираясь перекусить там и при-
лечь ненадолго. Народ последовал за ним.

В Капернауме, где стояли римские когорты, жил сотник, у которого заболел любимый слуга. Сотник слышал об Иисусе и уверовал в него. Он отправился к иудейским старшинам и обратился к ним с просьбой ходатайствовать за него перед Иисусом, чтобы тот смилоствивился и исцелил его умирающего слугу. Сам он не рискнул просить его об этом, опасаясь, что он откажет в своей милости римлянину.

Старшины встретили Иисуса у городских стен.

— Он добрый человек, — сказали они, передав просьбу сотника, — обращается с нами по-человечески, старается по мере возможности облегчить нашу рабскую участь. Он достоин того, чтобы ты обратил на него свою благодать и излечил его слугу. Он любит наш народ, даже синагогу нам построил.

Иисус, забыв об усталости, пошел за старшинами. Апостолы с недоумением переглянулись: говорил, что силы на исходе, даже в лодку сесть отказался. Но кто бы посмел произнести это вслух, поэтому все покорно последовали за Учителем. Когда они приблизились к дому сотника, навстречу им вышли его друзья. Не трудись, Господи, — сказали они от лица сотника, — ибо я не достоин того, чтобы ты вошел в дом мой, потому я сам и не посмел прийти к тебе, не считая себя достойным этого. Скажи слово, и слуга мой выздоровеет.

Сотник верил, что Иисус непременно одолеет болезнь и исцелит его слугу.

Иисус подивился и сказал сопровождавшим его:

— Истинно говорю вам, что и между израильтянами я не нашел такой веры. Скажу и то: многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном, а сыны царства низвержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов!

Когда друзья сотника вернулись в дом, они нашли умирающего слугу здоровым. Он убирал свою постель. Дом и двор сотника наполнились людьми, потрясенными этим неслыханным чудом. Сам сотник на коленях благодарил Господа, который пощадил его любимого слугу и послал ему спасителем Иисуса.

А Иисус тем временем направлялся к морю. Он

жалел, что отказался от своего намерения перебраться на другой берег. Если он не сделает этого сейчас, то на глазах у толпы рухнет от усталости, как срубленное дерево, ибо ни ходить, ни говорить был уже не в состоянии.

Ученики поняли его и дали знать сыновьям Ионы Симону-Петру и Андрею, чтобы они вытащили лодку из тростниковых зарослей и подогнали поближе к месту, где находился Учитель.

В этот момент появился один из апостолов — Варфоломей. Он сообщил друзьям скорбную весть о кончине своего отца, сожалел при этом, что не сможет идти со всеми, ибо должен предать земле тело покойного.

Услышав это, Христос позвал к себе Варфоломея.

— Что случилось?

— Господи, позволь мне вернуться и похоронить отца моего.

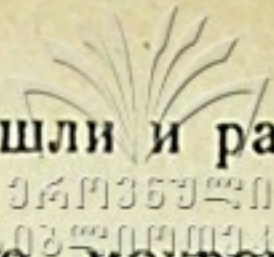
— Иди за мной, — отвечал ему Иисус, — и предоставь мертвым погребать своих мертвецов!

Варфоломей понял: под мертвецами, которым он должен был доверить погребение отца, Господь подразумевал его родственников и членов семьи — неверных язычников, еще не приобщившихся к новому учению и по-прежнему пребывавших во мраке.

— Стало быть мне остаться, Господи? — нерешительно спросил он, боясь, что не так понял Учителя.

— Остайся и иди за мной!

Иисус первым вошел в лодку, за ним последовали апостолы, в том числе и Варфоломей. Море было беспокойно и гнало к берегу крупные волны. Но как только апостолы взялись за весла и поплыли вглубь, волнение моря усилилось вдвое. Иисус, прислонив голову к борту лодки, мирно спал. Не прошло и десяти минут, как море, казалось, совсем взбесилось. Волны перекачивались через лодку, кружили ее, как унесенный ветром сухой лист. Дрогнули и опытные рыбаки, им приходилось переживать на море всякое, но такого волнения они не помнили. Охваченные животным страхом, апостолы спрашивали друг у друга, что их спасет, если этот ужас продлится и проклятый ветер не утихнет. Никто не смел нарушить мирный сон Иисуса.

Но поняв, что иного выхода у них нет, подошли и разбудили.

Иисус открыл глаза, провел рукой по мокрому лицу и сел.

— Спаси нас, Господи, мы погибаем!

— Что вы так боязливы, маловерные? — спросил он в ответ.

— Разве ты не видишь, что делается? Еще немного, и небо обрушится на наши головы.

— От вас я этого не ожидал!

С этими словами Иисус встал, грозно запретил ветру и морю бесноваться, и волнение тут же улеглось. На смену оглушительному грохоту, сотрясавшему, казалось, весь мир, пришла великая тишина.

Апостолы, не раз бывшие свидетелями чуда, творимого Иисусом, на сей раз лишились дара речи. Кто же он, их Учитель? Неужели и ветры, и море повинуются ему?

Перебравшись на другой берег Галилейского моря, они вошли в устье реки Иакок и некоторое время спустя поднялись на берег. Здесь, в нескольких часах пути на верблюде, начинались земли арабов. Неподалеку, у горячих источников, бивших из-под земли, стоял город Гадара, город язычников. Основное население его составляли греки, но в прилегающих селах говорили и по-сирийски.

Они не прошли и половины стадия, как у подошвы скалы им повстречался человек, мучимый бесами. Он жил тут же в одной из пещер, которые служили усыпальницами. Его не раз пытались связать и заковать в цепи. Но всякий раз он разрывал цепи и оковы, убегал в горы, день и ночь ревел диким голосом и бился о камни.

Издали увидев Иисуса, бесноватый мгновенно узнал его, бросился навстречу, упал перед ним на колени и закричал душераздирающим голосом:

— Что тебе надо, Иисус, Сын Божий? Какая сила привела тебя сюда? Ты пришел сюда раньше времени мучить меня?!

Иисус подошел к нему, положил руку ему на голову.

— Выйди, нечистый дух, из этого человека! — сказал он. — Как тебя зовут?

— Легион мне имя, ибо много нас! — ответил бес и горькими слезами стал молить Иисуса не изгнать его из этого края, поскольку здесь, в этом краю, жили родственные ему по духу язычники.

Неподалеку на склоне горы паслось большое стадо свиней, которые с громким хрюканьем рыхлили красноватую землю. Иисус взглянул на стадо, потом перевел взгляд на бесноватого.

— Не выгоняй нас, — взмолился бес, — а если выгонишь, пошли нас в стадо свиней.

— Идите! — приказал Иисус и протянул руку в сторону стада.

И бесы, вышедши из человека, вошли в стадо свиней. Свиньи взбесились, подняли дикий визг. Все стадо, а их было не менее двух тысяч, вдруг бросилось с крутизны в море и там и погибло. А пастухи, наблюдавшие за этой сценой, разбежались и, пришедши в город, рассказали все, чему оказались свидетелями. И вот и стар и млад поспешили к тому месту, чтобы самим убедиться в происшедшем. Приблизились они к Иисусу и что же видят: бесноватый, которого они так боялись, мирно сидит у его ног и внимает ему.

Горожане содрогнулись при виде этой сцены, а те, кто были свидетелями чуда, в сотый уже раз рассказывали, что случилось с бесами и свиньями, в которых вселились они, выйдя из человека.

Тем временем из городских ворот выплеснулась новая волна разгневанных горожан. Многие в толпе были вооружены. Размахивая копьями, цепами, дубинами, они бежали туда, где находился Иисус.

— Что им нужно? Кому они угрожают? — спросил он, когда толпа оказалась в поле его зрения. Он не мог понять, что кричали люди.

— Неужели нам? — в недоумении переглянулись апостолы.

А разгневанная толпа между тем приблизилась настолько, что уже были слышны отдельные выкрики:

— Убирайтесь вон отсюда! Хулители Божьи, вам нечего здесь делать!

Иисус дал знак апостолам возвращаться в лодку. Они уже садились в нее, когда исцеленный бесноватый подошел к Иисусу.

— Молю тебя, Господи, возьми меня с собой, не оставляй меня здесь!

— Иди домой, к своим близким, и расскажи им, что сделал с тобой Господь, как милостив был к тебе.

И пошел исцеленный бесноватый и начал проповедовать в Десятиградии и пограничных с Сирией странах: смотрите на меня, люди, каким я был и каким я стал, за это благодарен я Христу Спасителю. Люди слушали его, даже трогали руками и выражали искреннее удивление. Иные видели несчастного прежде, когда в теле его обитал нечистый дух, и теперь, глядя на него, не верили своим глазам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Незаслуженно оскорбленный гадаринскими жителями Иисус сошел вместе с апостолами в лодку и отправился в обратный путь. Все безмолвствовали. Кто восстановил против них гадаринцев? Кто внушил им, что Иисус из Назарета не Сын Божий, а хулителю Его?

Одолеваемый горькими мыслями, Иисус прибыл в Капернаум и возле дома старухи, где останавливался на ночь, вновь обнаружил большое скопление народу.

При появлении Иисуса в сопровождении апостолов от толпы отделился священнослужитель. Убедившись, что перед ним действительно Иисус, священнослужитель опустился перед ним на колени.

— Я священник, начальник синагоги по имени Иаир. Нужда привела меня к тебе. Никто другой помочь мне не сможет. Единственная моя дочь, волею Господа, смертельно больна. Пойдем со мной, — взмолился он, — да помогут тебе все святые земли и неба, коснись ее своей чудотворной десницей, может быть исцелишь ее.

— Пойди с ним, Господи, — стали упрашивать Иисуса люди, тронутые отцовским горем, хотя каждый из них пришел сюда со своей бедой и рассчитывал на помощь Спасителя.

— Ну что ж, покажи мне свою больную, — мягко произнес Иисус, обращаясь к потрясенному горем отцу.

Иаир и не надеялся, что Иисус пойдет с ним, поэтому, когда он осознал смысл сказанного им, в глазах

его зажглись огоньки надежды; как если бы он уже увидел свою любимую дочь исцеленной. Он живо поднялся и, не оглядываясь, пошел вперед. Спаситель последовал за ним. Через несколько минут возле дома старухи не было ни одного человека — все пошли за Иисусом.

Людей вело острое любопытство. Каждый хотел увидеть собственными глазами, что произойдет, сможет ли Сын Человеческий спасти смертельно больную, которой никто не смог помочь. Ведь ее отчаявшийся отец, начальник синагоги, сделал все, чтобы вырвать ее из рук смерти.

— Сможет! — утверждали те, кто безоговорочно верил в Божескую благодать Иисуса и его связь с Всевышним. — Сможет, и это лишит его недругов возможности клеветать на него и распространять о нем сплетни!

— Теперь-то уж он точно выроет себе могилу! — ликовали другие, в основном книжники и фарисеи. — Он собирается сотворить чудо?! Посмотрим, как это ему удастся!

Улочка, которой шел Иисус, была тесной, народ не умещался в ней. Апостолы кольцом окружили Иисуса, никого не подпуская к нему.

Давкой и переполохом воспользовалась одна женщина, которая в течение двенадцати лет страдала кровотечением. Она протиснулась поближе к Иисусу, кого обошла, кого вперед пропустила, и, исполнившись надежды, дотронулась до полы его плаща. Она получила исцеление. Кровотечение тут же прекратилось, и женщина всем телом почувствовала, что излечилась от страшной своей болезни.

Иисус тоже почувствовал, что какая-то сила ушла от него, и, обернувшись, громко спросил:

— Кто прикоснулся ко мне?

— Учитель, — ответили апостолы, — разве ты не видишь, как народ теснит тебя, а ты спрашиваешь, кто прикоснулся к тебе!

Женщина, превозмогая дрожь в ногах, выступила вперед, опустилась на колени перед Иисусом и сказала: — Прости меня, Господи, что без твоего милостивого разрешения я дотронулась до твоей благословенной одежды.

Но Иисус не гневался на нее.

— Дочь моя! — сказал он, — твоя вера спасла тебя. Иди с миром и будь здорова!

В это время к начальнику синагоги подбежали его близкие.

— Несчастливая твоя дочь умерла, — сообщили они ему, — пошли домой, не беспокоя Учителя!

Услышав это, Иисус взглянул на начальника синагоги. Тот схватился за голову и в горе вырвал у себя клочок седых волос.

— Не бойся, Иаир, — утешил его Иисус. — Ты только веруй, как верил до сих пор!

Он велел всем оставаться на месте, разрешив сопровождать его только Симону-Петру, Андрею, Иакову и брату Иакова Иоанну. Подошел к дому начальника синагоги, где царило полное смятение. Плакальщицы громко причитали, царапали себе щеки, били себя по лицу:

— Что это с нами случилось, до чего это мы дожили, Боже, да славится твоя справедливость!

— Кого оплакиваете? Почему причитаете, по ком скорбите? — обратился к ним Иисус. — Дайте пройти!.. Ребенок не умер, он спит!

Домашние заголосили.

— Вот тебе и на! Откуда взялся этот шут! — крикнул кто-то. — Выходит, мы все здесь ненормальные, если живую от мертвой отличить не можем!

Иисус, конечно, услышал эту брань, но не обратил на нее никакого внимания. Он выдворил всех из прихожей, позволив остаться только отцу и матери ребенка, вместе с ними вошел в комнату усопшей и, приблизившись к ней, положил свою руку на скрещенные на груди ее руки и по-арамейски сказал:

— Встань, девица!

Девочка подняла длинные ресницы и села без чьей-либо помощи.

— Где я?

— Ты дома, дитя, в своей спальне!

— Где мой отец?

— Здесь я, здесь, твой несчастный отец!

— Что за шум доносится снаружи?

— Это люди, дочка, они пришли навестить тебя и подарки принесли.

— А почему вы плачете?

— Мы не плачем, с чего ты взяла, что кто-то плачет!

— Дайте мне честное слово, что будете молчать о случившемся, — сказал Иисус родителям девочки, — а теперь покормите ее. У нее ведь несколько дней ни крошки во рту не было.

Когда он вышел из дому, люди встретили его, стоя на коленях и опустив головы. Иные крестились и бормотали молитву. Иисус молча прошел мимо толпы, словно не видя ее. Несомненно это были те же люди, что совсем недавно позволили себе брань в его адрес. Когда он дошел до конца улицы и апостолы вновь окружили его, из толпы отделились двое слепых с палками в руках и с криком побежали за ним:

— Сжался над нами, Сын Давидов!

Иисус замедлил шаг, остановился и велел апостолам, недовольным его чрезмерно докладистым характером, привести к нему слепцов.

— Вы верите, что я могу исцелить вас?

— Верим, Господи! Ты воскрешаешь мертвых, вдыхаешь душу в безжизненное тело, что тебе стоит вернуть нам зрение!

Этот искренний ответ пришелся по душе Иисусу. Прикоснувшись пальцами к их глазам, он сказал:

— По вере вашей и будет вам!

Слепцы схватились за глаза. Яркий свет, неожиданно ударивший им в лицо, не на шутку испугал их. С материнской утробы привыкшие ко тьме, они и не подозревали о его существовании и теперь стояли, оцепенев, привыкая к своему счастью и сдерживая дыхание, чтобы сердца не разорвались от переполнявшего их чувства.

— Никому не рассказывайте об этом, — прощаясь, сказал Иисус, — вы сослужите мне службу, если будете держать язык за зубами.

Прозревшие, наверное, могли бы исполнить любой завет, но только не этот.

Слух о чудесном исцелении слепых и воскрешении мертвой девочки в несколько дней облетел всю Галилею.

Мертвая девочка была не первой, кого воскресил Иисус. Первое воскрешение произошло в иудейском го-

роде Наине, который Иисусу довелось посетить. Здесь он стал свидетелем скорбного зрелища. Когда в сопровождении двенадцати апостолов и огромной толпы народа он вошел в город, то увидел, как из одного дома, убранного черными полотнищами, вынесли покойника — прекрасного ликом юношу. Он напоминал спящего, казалось, достаточно разбудить его, и он встанет. За одром шла несчастная мать, вырастившая своего единственного сына, свою единственную надежду в муках и лишениях одна, без мужа, и теперь, когда, казалось бы, Бог смилостивился над ней и она обрела защиту и опору, сын покинул ее. Она шла с распущенными волосами, исцарапанным в кровь лицом, голос ее сел от громких причитаний, и она жалко хрипела. Несчастную не могли успокоить.

Иисус со своими попутчиками стоял у края дороги и смотрел на проходящую мимо процессию. Когда несчастная мать, которую вели под руки две рослые женщины, поравнялась с ним, он оставил апостолов и, преисполненный сочувствия, подошел к ней и сказал:

— Не плачь, сестра!

Несчастливая бросила на него мимолетный взгляд, приняв за обыкновенного соболезнующего, он же, ускорив шаг, догнал одр, остановил людей, несших его, и, коснувшись рукой усопшего, сказал:

— Юноша, тебе говорю, встань!

И юноша тотчас поднялся и сел. Стоящие вокруг схватились за головы и закричали. Парни, несшие гроб, чуть не выронили его.

— Что случилось? Куда мы идем? — ни к кому не обращаясь, спросил тот, кто еще минуту назад был мертв. Огромная процессия поразила его. Содрогнувшись, он посмотрел себе под ноги и увидел, что сидит на одре, а вокруг него стоят близкие родственники и друзья.

— Вот твой сын, мать! — сказал Иисус вдове и поспешно удалился от потрясенных чудом людей...

Прозревшие слепцы в тот же день привели к Иисусу немого бесноватого. Иисус изгнал из несчастного беса, и он заговорил. Это произошло на глазах у великого множества людей. Как только немой обрел дар речи и заговорил обычным человеческим голосом, по-

трясенные свидетели чуда упали на колени и, осеняя себя крестным знаменем, говорили:

— Ты — Сын Божий, Спаситель, призванный избавить род человеческий, да славится имя твое во веки веков!

А книжники и фарисеи шепотом, боясь вызвать народное возмущение, изрыгали яд:

— Он изгоняет бесов силою князя бесовского!

Иисус знал, о чем они шепчутся, но у него не было ни времени, ни желания вступать с ними в спор. Он делал свое дело — ходил из города в город, из села в село, проповедовал пребывающим во тьме язычникам под открытым небом или в синагогах, лечил больных и немощных. Слушать его собирались несметные толпы народу. Откуда только ни шли люди, — уставшие, голодные, жаждущие, рассеянные, как овцы без пастыря.

— Жатвы много, — сказал однажды Спаситель апостолам, когда после долгого поста обессиленный невыносимой жарой и исполненный небесной благодати возвратился из пустыни, — делателей мало. Так что молитесь Господа, чтобы он выслал делателей на жатву свою.

Этими делателями должны были стать апостолы, числом двенадцать, которым он дал власть изгонять нечистый дух и отпускать грехи. Пора было этим двенадцати, помазанным Христовой благодатью, идти в мир, чтобы облегчить труды Господни.

— На путь к язычникам не ходите, — наставлял напоследок Иисус апостолов, благословляя их на служение роду человеческому, — в город Самарянский не входите. Идите прежде всего к погибшим овцам дома Израилева. Идите к ним, утешьте и внушите, что приблизилось Царство Небесное. Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте. Этот дар каждый из вас получил даром, даром и отдавайте...

Апостолы не должны были брать с собой в дорогу ни злата, ни серебра, ни меди, ни суммы, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха. Они были тружениками, и каждый должен был почесть своим долгом накормить их. В какой бы город или селение они ни вошли, заранее следовало бы знать, кто самый достойный

здесь человек, чтобы остановиться именно у него. / А входя в дом, надо было помнить о благословении: «Мир дому сему!» И если дом будет достоин этого благословения, мир придет на него, если же нет, то мир возвратится к благословляющим.

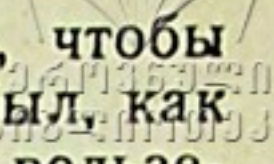
Как поступать апостолам, если никто не захочет услышать слова Божьего и закроет перед ними двери, не желая, подобно гадаринцам, давать им приюта? Они должны выйти из дома того и у порога отряхнуть прах от ног своих. В день суда земле Содомской или Гоморрской будет отраднее, чем городу тому.

— Я посылаю вас как овец в стаю волков, — продолжал Иисус, — будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь людей, ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих бить вас. И поведут вас к правителям и царям из-за меня и будут ложно свидетельствовать в пользу ваших врагов, дабы оправдать язычество.

Иисус дал совет апостолам, как поступать им, если они попадут в подобную ситуацию. Когда их будут допрашивать, им не надо будет ломать голову, что и как отвечать. Ибо в тот час дано будет, что сказать им, поскольку не они будут говорить, а Дух Отца их будет говорить в них. Поднимется каждый на защиту зла и попрание добра. И придет страшное время, когда брат предаст брата на смерть, отец — сына, и восстанут дети на родителей и умертвят их. А апостолы за свою проповедь истинного учения и самоотверженную поддержку нуждающихся в ней будут ненавидимы всеми за то, что являются посланниками Христа. Спасется и вознесется в Царство Небесное лишь тот, кто претерпит все муки до конца.

— Когда же будут вас гнать в одном городе, — продолжал Спаситель, обращаясь к потрясенным его предсказаниями апостолам, — бегите в другой. Не успеете вы обойти всех городов Израилевых, как придет Сын Человеческий.

Так Иисус называл себя, в виду своего земного происхождения, давая тем самым надежду апостолам, что в миг испытания он будет рядом с ними и разделит их горести и беды. Сам Учитель, безусловно, был сильнее своих учеников, ибо не найдется на свете ученика, который был бы выше своего учителя, или слуги—

выше своего господина. Для ученика довольно, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его. Если народ знает хозяина дома вельзевулом, то что можно сказать о домашних его? Не надо бояться их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы рано или поздно, и тайного, что не было бы узнано!

— Что говорю вам в темноте, — призывал Иисус апостолов, — говорите при свете. И что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях! И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне. Веробей и тот не упадет на землю без воли Отца вашего. У вас же и волосы на голове все сочтены, и ни один из них не падет, не будь на то воли Господней. Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц, что продаются за один ассарий!

Под конец Иисус еще раз сказал апостолам, что каждый человек должен получать по заслугам своим. Кто исповедует Спасителя пред людьми, того исповедует и он пред Отцом своим Небесным, а кто отречется от него пред людьми, отречется от них и он пред Отцом своим Небесным. Спаситель пришел на землю отнюдь не для того, чтобы принести мир, не мир принес он, но меч для того, чтобы разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее и превратить домашних каждого из нас во врагов наших. Кто любит отца или мать более, нежели Спасителя, тот не достоин Спасителя, и кто любит сына или дочь более, нежели Спасителя, тот не достоин Спасителя, и кто не берет креста своего и не следует за Спасителем, тот не достоин его. Сберегший душу свою, потеряет ее, а потерявший душу свою ради Спасителя — сбережет ее. Кто принимает апостолов Христа, тот принимает самого Спасителя, кто принимает пророка во имя пророка, получит награду пророка, и кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника. И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды во имя ученика, не потеряет награды своей.

Когда Иисус кончил наставлять апостолов и они разошлись по разным городам, чтобы нести людям

слово Учителя, он пошел в их города учить и проповедовать.

Иоанн Креститель, будучи в темнице, услышал о делах Христовых и послал к нему двух своих учеников спросить его: — Ты ли тот, который должен прийти, или ожидать нам другого?

Иисус сказал им в ответ:

— Пойдите и скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают, хромы ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют. И блажен тот, кто верит в меня и не ошибся в своей вере!

Ученики Иоанновы отправились своей дорогой, а Иисус начал говорить об Иоанне людям, собравшимся вокруг него:

— Что смотреть ходили вы в пустыню? Тростник ли, ветром колеблемый? Что же смотреть ходили вы? Человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящих мягкие одежды полно в царских чертогах. Что же смотреть ходили вы в пустыню? Пророка? Иоанн более, чем пророк, о нем написано: «Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою». Иоанн не только пророк, он в то же время — несущий благовестие. Ангел проторит Иоанну путь ко мне. Истинно говорю вам: из рожденных женами никто не поднимался выше Иоанна Крестителя. И все же самый малый в Царстве Небесном более велик, чем он, ибо от дней Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется и насильники владеют им. Закон прорекали и до Иоанна. Он есть Илия, чье пришествие было предсказано! Имеющий уши, да слышит!

Этими словами Спаситель еще раз подчеркнул высокое назначение Иоанна. Род людской уподобил он детям, сидящим на площади и кричащим своим товарищам: мы играли вам и вы не плясали, мы пели грустные песни, и вы не плакали.

— Вот пришел Иоанн, — помолчав, продолжал Учитель, — не ест, не пьет, и все зашипели вокруг: в нем бес, он его и кормит. Иначе как может прожить человек без еды? Пришел Сын Человеческий. И пьет и ест. И снова шипение вокруг: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам.

Сказав это, Иисус вспомнил те израильские горо-

да, где ему пришлось затратить немало сил, взывая к людской совести, но никто не захотел покаяться.

— Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! воскликнул он. — Ибо, если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись. Поэтому в день суда им будет отраднее, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься. Ибо если в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня. Поэтому говорю: земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе.

Воздев руки, Иисус обратился к Всевышнему:

— Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли! Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам. Никто не знает Сына, кроме Отца, и Отца не знает никто, кроме Сына, и того, кому Сын пожелает открыться. Придите ко мне, труженики и обремененные, и я утешу вас. Возьмите иго мое на себя и учитесь у меня, ибо кроток Я и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим, ибо иго мое благо, и бремя мое легко.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Ученики Иоанна Крестителя, которых он послал к Иисусу-назаретянину, вернувшись, не застали своего учителя в живых. Перед дворцом Ирода на площади, выложенной базальтовыми плитами, собралась огромная толпа. Только что в одном из глубоких подвалов дворца, служивших темницами для непокорных и строптивых, отсекали голову Иоанну Крестителю, и народ на площади готов был взять дворец приступом.

Дворец сверкал огнями. Сквозь прозрачные занавеси на высоких окнах свет свободно лился наружу, освещая площадь, обрамленную великолепными зданиями.

Пир во дворце был в разгаре. Вокруг щедро накрытого стола возлежало блестящее общество, специально приглашенное из ближних и дальних стран.

Ирод праздновал день своего рождения, и большинство приглашенных составляли истинные владельцы мира — римские патриции.

Четверовластнику исполнилось сорок семь лет,

впрочем, благодаря моложавому виду и крепкому здоровью ему можно было дать не более тридцати пяти.

Пиршество переходило в разнузданную гульбу. Было выпито несколько бочек вина, а оно все не убывало. Часть гостей поднялась из-за стола и разошлась по углам ярко освещенного зала. Кто пел, кто заставлял пить и без того уже пьяных музыкантов, требуя от них быстрой и громкой игры.

Вино не делает различий между господином и рабом. Заметно охмелел и сам Ирод. Откинувшись на своем ложе, он подозвал пальцем слугу.

— Я не вижу царицы, — недовольно произнес он.

— Она удалилась в свои покои, господин.

— Удалилась в свои покои?! Разве гости уже разошлись? Немедленно позвать!

— Слушаюсь!

Иродиада не заставила себя ждать, хотя не прошло и пяти минут, как она прилегла, чтобы отдохнуть. Она поднялась, поправила тунику, взглянула на свое отражение в огромном, в полстены, овальном зеркале, надавила кончиками пальцев на морщинки на лбу и в уголках губ и вошла в зал, полный пьяных мужчин.

— Где Саломея? — спросил ее Ирод, когда жена опустилась на ложе рядом с ним. — Я попросил ее сплясать для меня. Или моя просьба для нее ничего не значит?!

При имени Саломеи по лицу Иродиады пробежала тень, и глаза, некогда сверкающие, а теперь полные неизбывной тоски, хищнически сузились, как у зверя, вырвавшегося из клетки.

Ирод был неравнодушен к своей падчерице. Он постоянно наблюдал за нею, тая в сердце неутолимое желание. И Саломея, несмотря на свою юность, безошибочным женским чутьем догадывалась об этом. Отчим был ей омерзителен, и она всячески избегала его. Именно поэтому она отказалась танцевать перед ним, не желая демонстрировать свое прекрасное тело перед похотливым кобелем.

— Саломее нездоровится, господин, — со сдерживаемой яростью отвергнутой женщины отвечала царица, — не заставляй ее делать то, чего она не хочет.

— А я хочу! — воскликнул Ирод тоном распушен-

ного, упрямого мальчишки. — Или мое желание не закон в этом доме?!

Оскорбленная Иродиада встала и вышла из зала. Она нашла дочь в ее покоях в окружении подруг, которые бесшумно удалились при появлении царицы.

Иродиада и Саломея, чутко прислушивавшаяся к тому, что творилось в зале, особенно после того, как мать покинула свои покои, без слов посмотрели друг другу в глаза. Выдержав паузу, Иродиада разжала плотно сжатые губы.

— Он стоит на своем... В этом доме, говорит, мое слово закон.

Глаза у Саломеи наполнились слезами.

— Ни за что! — крикнула она и убежала в заднюю комнату. Раздался звук задвигаемого засова.

Иродиада подошла к двери и тихо постучала.

— Открой, Саломея, матери!

— Что ты хочешь? — плача, спросила девушка.

— Ты должна сплясать! Мы не можем отказать ему... Он вконец разъярится.

— Ни за что! Нет, я сказала!

— Открой дверь, Саломея, не заставляй меня кричать, ты же знаешь, здесь и у стен есть уши!

Но Саломея не спешила открывать дверь, и только после того, как Иродиада повторила свою просьбу, она, чтобы не обидеть мать, отодвинула засов.

— На кого ты похожа, и так собираешься выйти к гостям?

— Я ни к кому не собираюсь выходить!

— Ты хочешь сократить мне жизнь? Ирод никогда не простит нам твоего упрямства. Ты должна сплясать, Саломея, ты должна исполнить желание тетрарха, но взамен ты потребуешь величайшей награды!

— Меня неволят?

— Я твоя мать, прошу тебя, до сих пор, по-моему, я ни о чем тебя не просила и не попрошу впредь! Хочешь, я стану перед тобой на колени!

— Встань, мама, что ты делаешь?!

— Не встану, пока ты не обещаешь мне, что сплясешь.

— Ладно, спляшу, раз ты этого так хочешь. Но что мне потребовать в награду?

— Голову Иоанна Крестителя!

— Голову?! Иоанна Крестителя?!

— Он оскорбил твою мать. И должен умереть! Но тетрарх никак не соглашается на это. Он даже не хотел бросать его в темницу. Боятся толпы. Она его считает пророком. Ирод любит тебя. Легче умереть, чем признаться в этом вслух! Любит больше, чем можно любить дочь жены от другого мужа! Он не сможет отказать тебе, если даже ревущая толпа ворвется во дворец и разнесет его на куски.

— Кто скажет ему о моем условии? — Саломея нахмурилась. Она почувствовала себя оскорбленной за мать, которую кто-то посмел унижить, и из трепещущей голубки вдруг превратилась в разъяренную тигрицу.

— Я скажу, дочь, никому другому это доверить нельзя!

— Иди, мама, я переоденусь и приду.

Ирод опешил, когда Иродиада сообщила ему об условии Саломеи. Кровь прилила к ушам, ком гнева подкатил к горлу — он понял, это дело рук Иродиады. «Вот где взяла верх коварная баба». Но желание увидеть пляску Саломеи, не желание даже, а вожделение оказалось сильнее гнева. Он принял это условие и, чтобы развеять сомнения Иродиады, приказал позвать к себе тюремщика, у которого содержался Иоанн Креститель, и в ее присутствии отдал ему свое высочайшее повеление.

Музыканты заиграли плясовую. Гости поднялись из-за стола и окружили небольшое возвышение, на котором должна была танцевать Саломея. Ирод стоял в стороне от них и, упершись локтем в горельеф на стене, с трудом сдерживал охватившую его страсть.

Музыканты старались вовсю. В нежную мелодию арфы и цимбал врывались стоны бубен, от которых захватывало дух и волновалась кровь. В зале как будто стало светлее. От золотых светильников, казалось, исходил какой-то неземной свет. В зал вбежала наполовину нагая Саломея — распущенные волосы, золотая тесьма вокруг головы, на лбу — граненый алмаз. Она ворвалась, как вихрь, подняла руки над головой и, щелкнув хрустальными пальцами, завертелась в огневой пляске.

На мгновение встретились взгляды восторженного Ирода и преисполненной к нему ненависти Иродиады.

— Сладострастник! — отчетливо услышал Ирод голос охваченной смертельной ревностью жены, скорее походивший на звериное шипение, — мало было тебе матери, теперь ты на дочь заришься?

Никто не мог сказать, как долго плясала Саломея, как долго кружилась она вокруг костра, зажженного ее собственной пламенной пляской. Но вот танец кончился, и Саломея, вся еще во власти зажигательных ритмов, опустила голову в знак благодарности за восторг, который выражал ей обезумевший зал. В это время тяжело открылась дверь, и на пороге появились палач и следовавший за ним тюремщик. В руках у палача было огромное золотое блюдо. На блюде лежала окровавленная голова Иоанна Крестителя. За стенами дворца бушевала толпа, как видно, людям стало известно о казни в темнице, и они выражали свой гнев криками и свистом.

Саломея подошла к палачу, опустив глаза, взяла блюдо, царственной походкой приблизилась к застывшей на месте Иродиаде и положила к ее ногам голову Иоанна Крестителя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Войска разогнали бушующую перед дворцом толпу, а многочисленным ученикам Иоанна было милостиво разрешено взять тело пророка из темницы и предать земле где-нибудь в пустынном месте.

Только после погребения Иоанна Иисусу стала известна его судьба. Казнь Иоанна свершилась на юге Переи, неподалеку от Мертвого моря, где пророк когда-то крестил людей и сеял любовь и добро между ними.

Иисус любил Иоанна и верил, как человеку близкому и совершенно бескорыстному. Пока Иоанн был на свободе, фарисеи делали все, чтобы разжечь вражду между ними, восстановить их друг против друга. Когда же им это не удалось, они взялись за учеников Крестителя, подстрекая их к враждебным действиям против учеников Иисуса. Что за пророк этот ваш учитель, говорили они им, когда Христос, Иисус из Назарета, приход которого как будто готовит он, уже пришел, крестит народ Святым Духом и имеет в сто раз более по-

следователей и единомышленников, нежели ваш пожиратель акрид. Ученики, попавшись на удочку, бросились к Иоанну и рассказали ему о своей обиде.

Иоанн ответил сдержанно и спокойно, и ответ его слово в слово был передан Иисусу:

— Ничто человек не примет на себя, если не будет дано ему с неба. Разве вас не было в Вифаваре, когда я сказал: я не Христос, но я послан перед ним. Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью его радуется. Эта радость моя исполнилась, когда я увидел его подле себя в иорданской воде. Ему должно расти, мне умаляться. Приходящий свыше и есть выше всех, а сущий от земли земной и есть и говорит, как сущий от земли. Приходящий с небес есть выше всех. Он говорит о том, что видел и слышал, но люди не принимают свидетельства его. Тот, кто принимает его слова, верует, что Бог истинен. Тот, кто послан Богом, говорит словами Божьими; ибо сполна одарил его Господь Духом Святым. Отец возлюбил Сына своего и одарил его властью над всем. Тот, кто уверует в Сына Божьего, обретает жизнь вечную, тот же, кто ослушается Сына Божьего, никогда не получит ее и на том будет гнев Божий.

Когда ошеломляющая весть о коварном убиении Иоанна Крестителя дошла до Иисуса, он удалился от всех, не пожелав даже встретиться с матерью и братьями, приехавшими из Назарета повидаться с ним, на лодке переплыл Галилейское море и скрылся в пустыне.

Народ, следовавший за ним по пятам и не оставлявший его ни на минутку, нашел его и здесь. Первыми появились возвратившиеся из своих благотворительных походов апостолы. Следом пришли жители Вифсаиды и окрестных поселений.

Истощенный постом и молитвами Иисус, увидев любезных его сердцу апостолов и с ними великое множество народу, приободрился, поспешил им навстречу и принялся исцелять больных. Апостолы тут же стали помогать ему. Но народ все прибывал, в том числе увечный и страждущий.

Раскаленное солнце стало клониться к западу. Надвигались сумерки, и тени в пустыне удлинились.

Иисус со сверкающим нимбом над головой работал не щадя себя. К нему подошел Симон-Петр.

— Место здесь пустынное, Господи, — сказал он, утирая пот со лба, — и время уже позднее. Велилюдям, чтобы они шли в селения и купили себе пищи, не то спустится ночь, и они останутся голодными.

— Не нужно им идти, — спокойно ответствовал Иисус, — вы дайте им есть.

— У нас здесь только пять хлебов и две рыбы.

— Принесите сюда и хлеб и рыбу, а народу велите сесть на траве.

Симон-Петр, пожав плечами, отправился выполнять поручение. Что собирается делать Учитель? Кому могут хватить пять хлебов и две рыбы? Остальные апостолы выразили не меньшее недоумение, когда Симон-Петр сообщил им о велении Иисуса.

Наконец принесли ему требуемое. Он возвел глаза к небу, преломил хлеб, благословил и дал апостолам со словами: — Раздайте всем!

Апостолы раздавали хлеб и с изумлением отмечали, что его становится все больше и больше. Уже наелась досыта огромная толпа народу, а было в ней до пяти тысяч человек, кроме женщин и детей. Собрали оставшиеся куски и наполнили ими двенадцать корзин.

Оказавшийся свидетелем чуда народ в один голос вскричал:

— Воистину это пророк, которого мы ждали! Чего же мы медлим?! Понесем его на руках и возложим на него царский венец!

Апостолы сообщили Иисусу о намерении народа. Рассердившись, он велел им сесть в лодку и отправляться в Капернаум. Сам же поднялся на пустынную гору помолиться наедине. До позднего вечера он оставался там. Молился горячо, от всего сердца, как мог молиться он один.

А лодка апостолов была уже на середине моря. Ее било волнами, потому что ветер был встречный и мешал плыть вперед. В четвертую стражу ночи перед рассветом Иисус догнал их, идя по морю, как по земле. Первые три стражи буря не утихала, и лодка апостолов смогла пройти всего лишь двадцать пять — тридцать стадий.

— Смотрите! — с тревогой вдруг воскликнул Симон-Петр, увидевший Иисуса, — не призрак ли это? Видите!

Все, конечно, увидели его, но не смели признаться в этом, ибо думали: мне кажется. Однако убедившись, что и остальные видят то же, закричали в страхе.

— Не бойтесь, — подал голос Иисус, — это я!

Но Симон-Петр, все еще не веря своим глазам, крикнул:

— Господи! Если это ты, повели мне прийти к тебе по воде!

— Иди!

Убедившись, наконец, что это действительно Учитель, Симон-Петр шагнул в воду, но в тот же миг страх одолел его, он начал тонуть и закричал:

— Господи! Спаси меня!

Иисус, к счастью, оказавшийся рядом, простер руку, поддержал его.

— Маловерный! Зачем ты усомнился? — упрекнул он Симона-Петра. Только они вошли в лодку, как ветер утих, и минуту назад еще бушующее море успокоилось. Апостолы поклонились Иисусу:

— Истинно, Ты Сын Божий.

На другой день собравшийся на берегу народ увидел только одну лодку, из которой вышли ученики Иисуса. Все знали, что Иисуса в лодке не было — отплыли одни ученики его. Между тем и на противоположном берегу, у места, где ели хлеб по благословению Господнем, собралось великое множество народу. Весь берег был усеян лодками. Когда люди убедились, что Иисуса тут нет и нет учеников его, то вошли в лодки и поплыли в Капернаум. Они нашли Иисуса в синагоге, где он учил народ.

— Равви! Когда ты пришел сюда? Мы искали тебя на том берегу!

— Для чего вы искали меня? — вопросом на вопрос ответил Иисус, и едва заметная улыбка промелькнула на его лице. — Неужели потому, что были свидетелями чуда? Нет, потому что ели хлеб и насытились и сегодня не теряете надежды, что это повторится. Заботьтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо Господь наградил его этим даром.

— Что нам делать, чтобы творить дела Божьи?

— Надо веровать в того, кого Он послал!

— Какое же ты дашь знамение, чтобы мы увиде-

ли и поверили тебе? Что ты можешь сделать такого, чего еще не делал рожденный женщиной? Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: хлеб с неба дал им есть Моисей.

— Истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец мой дает вам истинный хлеб с небес, ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру!

— Господи, подай нам всегда такой хлеб!

— Я — хлеб жизни. Кто придет ко мне, не будет алкать, и верующий в меня не будет жаждать никогда. Воля Пославшего меня в том, чтобы всякий видящий Сына и верующий в него, имел жизнь вечную. И я воскрешу его в последний день.

Галилеяне никак не могли смириться с тем, что проповедовал Иисус, они тихо роптали и вознегодовали, когда он заявил: — Я есмь хлеб жизни, сошедший с небес!

Иные уже, не сдерживаясь, громко говорили друг другу:

— Не Иисус ли это, сын плотника Иосифа и его жены Марии? Мы прекрасно знаем отца и мать его! Как он смеет говорить, что сошел с небес, когда нам достоверно известно, откуда он вышел!

Иисус бросил взгляд в их сторону.

— Всякий слышавший Отца моего и научившийся приходит ко мне. И не потому, что кто-то видел Бога, кроме того, кто есть от Бога. Бога видел только он. Истинно говорю вам: верующий в меня получит жизнь вечную. Я есмь хлеб жизни, сошедший с небес. Кто ест этот хлеб, будет жить вовек. Хлеб, который я дам, есть плоть моя, которую я отдам за жизнь мира.

Иудеи-фарисеи вконец вышли из себя, просто взбеленились.

— Он сам не понимает, что болтает! Как он может дать нам есть плоть свою?!

— Что если вы увидите Сына Человеческого, восходящего туда, где был прежде? — вопросом на вопрос ответил Иисус. — Дух животворит, от плоти же проку никакого. Слова, которые говорю я вам, суть дух и жизнь, но некоторые из вас не понимают и не верят этому.

Многие, поразмыслив над тем, что он говорил, от-

вернулись и отошли от него. Им было абсолютно непонятно, что проповедовал пророк из Назарета, Иисус, прозванный Христом.

— Может быть и вы предпочитаете уйти? — спросил тогда Иисус избранных своих двенадцать апостолов.

— Господи, к кому нам идти? — ответил за всех Симон-Петр. — Ты имеешь глаголы вечной жизни. И мы уверовали и познали, что ты — Христос, Сын Бога живого.

— Не двенадцать ли вас избрал я? — отвечал ему Иисус, — но один из вас дьявол. Придет время, и он проявит себя.

Последние слова поразили апостолов. «Не я ли?» — с тревогой подумал каждый про себя. И только Иуда покраснел и, чтобы скрыть это, опустил голову. Неужели Иисус говорил о нем? Нет, невозможно! Иуда был не настолько глуп, чтобы сокровенные свои мысли, в которых с трудом признавался самому себе, поверять кому-либо и делать предметом обсуждения. Он чувствовал духовную мощь Учителя, Божественную благодать на нем, его преимущество перед всеми апостолами, но необузданное самолюбие не позволяло ему под этими «всеми» подразумевать и себя. Будучи вечно недовольным, он невольно выскивал в Иисусе то, что, на его взгляд, говорило о его несовершенстве. Как бы это утешило его, как оправдало бы его собственное несовершенство: сам Спаситель подобен ему.

Был среди фарисеев человек по имени Никодим, один из начальников иудейских. Опасаясь доноса, он тайно пришел к Иисусу ночью, заранее договорившись с ним, и сказал:

— Равви, мы знаем, Ты — Учитель, посланный Богом, ибо таких чудес, какие ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог.

Почувствовав, что высокий иерусалимский гость пришел к нему как друг и говорит с ним вполне искренне, Иисус проникновенно произнес:

— Истинно говорю тебе, если кто не родится заново, не сможет увидеть Царства Божьего.

Смысл слов Иисусовых не дошел до сознания Никодима.

— Как может родиться человек, проживший свою

жизнь? — с сомнением спросил он. — Неужели он может в другой раз войти в утробу матери своей и заново явиться на этот свет?

— Истинно говорю: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся, что я сказал тебе: должно родиться заново. Ветер дует, куда пожелает, и ты слышишь его голос, но не знаешь, откуда приходит он и куда уходит. Так бывает и со всяким, рожденным от Духа.

— Как это может быть? — допытывался Никодим.

— Ты учитель Израилев, и этого ли не знаешь? Об этом же говорится в Ветхом Завете! Мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства нашего не принимаете, сомневаетесь в нем. Я говорю вам о земном, и вы не верите, как же вы поверите, если буду говорить вам о небесном? Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах. Как Моисей вознес змею в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий верующий в него не погиб, но имел бы жизнь вечную, ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в него не погиб, но имел жизнь вечную. Бог послал Сына Своего в мир не для того, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез него. Верующий в него не будет судим, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет, ибо всякий делающий зло ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его злые. А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

После памятной встречи с Никодимом Иисус со своими учениками пришел в землю Иудейскую, граничащую с севера с Самарией, с юга — с Вирсавийской пустыней, с запада — с филистимлянской низиной, а с востока — с рекой Иордан, впадающей в Мертвое мо-

ре. Здесь он жил, крестил вместе с учениками народ, исцелял больных.

Закончился праздник Кущей, лето вступило в свои права, прошли жаркие дни. С приближением праздника Обновления храма Иисус отпустил апостолов по домам, чтобы они отдохнули от трудов своих и провели праздничные дни в кругу близких, а сам отправился в Иерусалим. Близ Овечьих ворот Иерусалима находилась купальня, называемая по-еврейски Вифездой, что означает дом милосердия, приют убогих. К ней вело пять крытых ходов.

Вода в купальне издавна считалась чудодейственной. Согласно древней легенде, в нее иногда сходил ангел Господен, возмущая воду, и, если больной успевал прыгнуть в нее, прежде чем она успокоится, он тотчас же выздоравливал.

Поэтому в любое время года вокруг купальни под арками можно было увидеть толпы слепых, хромых, немощных и страждущих, которые дни и ночи проводили здесь в ожидании, когда заволнуется вода.

Тут был человек, который мучился своей болезнью тридцать восемь лет и все никак не мог излечиться.

Иисус любил приходить к купальне. Идя в Иерусалим, он непременно заглядывал сюда и освежал разгоряченный лоб ее живительной водой. И на этот раз он не изменил своей привычке. Миновав арку, набитую людьми, он вошел во двор, где находилась купальня, и, поскольку никто не обратил на него внимания, как видно, не узнал его, решил остаться здесь до захода солнца. Только он собрался нагнуться и ополоснуть руки чудодейственной водой, как заметил среди больных, прислонившихся к борту купальни, того несчастного, что страдал тридцать восемь лет, и, узнав его, сжалился над ним.

— Хочешь ли быть здоровым? — спросил Иисус.

— Господи, — отвечал несчастный, — нет у меня человека, который опустил бы меня в купальню, как только возмутится вода. Пока я дотащусь до воды, другие успевают сойти в нее. Как это не хотеть быть здоровым! Ведь я тридцать восемь лет мучаюсь!

Иисус нагнулся к нему и негромко приказал:

— Встань, возьми свою постель и иди!

И болезнь немедленно покинула несчастного. Он

сел. Уставился на Иисуса расширенными от изумления глазами. Хотел что-то сказать, но не мог, взял свою грязную циновку, на которой провалялся столько лет, свернул ее, положил на плечо и пошел.

Была суббота. К исцеленному бросились иудеи, ревнители закона Моисеева, и, тыча в него костылями и палками, закричали:

— Ты не должен был нести постель! Как ты посмел сделать это, бездельник, разве ты забыл, что сегодня суббота?

Исцеленный не дал себя в обиду.

— Кто исцелил меня, тот сказал, возьми свою постель и иди, — огрызнулся он.

— Кто исцелил тебя? Кто сказал тебе эти богохульные слова?

Исцеленный никогда прежде не видел Иисуса. Он оглянулся по сторонам, но Иисус уже смешался с толпой. Они встретились вечером в храме. Иисус сразу узнал его и, подойдя к нему, сказал:

— Вот я и исцелил тебя, не грехи же, чтобы не случилось с тобой худшее.

А тот, неблагодарный, пошел назад к купальне и сообщил иудеям, что целителем его был не кто иной, как Иисус из Назарета.

— Это тот самый, что грозился разрушить храм и в три дня отстроить его? — крикнул кто-то в толпе.

— Нарушитель субботы оскверняет закон Моисеев, он должен получить по заслугам!

— Смерть! Смерть ему!

До десяти лихих молодых иудеев отделились от толпы, чтобы задержать Иисуса и по достоинству наказать его. Они, наверное, убили бы его в самом храме, не запрещай им это закон веры. Тем не менее толпа окружила Иисуса, осыпала его ругательствами и оскорблениями.

А Иисус, не обращая никакого внимания на ее бешеные выкрики, спокойно отвечал:

— Отец Мой доныне делает, и я обязан делать!

Иудеи, для которых превыше заповедей Моисеевых ничего на свете не было, точно с цепи сорвались. Этот Иисус из Назарета, плотничье отродье, не только нарушает и оскверняет святую субботу, но и называет Бога отцом своим, равняет себя со Всевышним!

Иисус терпеливо стал объяснять им, что зря они ропщут и губят свои души, ибо в его словах нет и крупицы лжи. Да, он действительно Сын Божий, несморя на то, что рожден женщиной, но он ничего не может творить сам от Себя, если не увидит Отца творящего, ибо что творит Он, то и Сын творит так же. Отец любит Сына и все, что творит Сам, показывает ему, и покажет более великие дела, которые весьма удивят любого человека. Как Отец воскрешает мертвых, так и Сын воскрешает, кого пожелает. Отец никого не судит судом, ибо право судить передал своему Сыну, дабы все почитали его, как почитают Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего его. Да услышат все слово истины: кто внимает словам Спасителя и верит в пославшего его, того ждет вечная жизнь и не будет судим он, ибо прямо из смерти перейдет в жизнь вечную. Наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божьего и услышавши оживут, ибо как Отец имеет жизнь в самом себе, так и Сыну дал иметь жизнь в самом себе. Спаситель ничего не может творить по своей воле. Как слышит, так и судит, и суд его праведен, ибо не ищет он своей воли, но воли Пославшего Отца его.

Воспользовавшись тем, что сумел привлечь внимание своих врагов, Иисус продолжал:

— Вы посылали к Иоанну, спрашивая обо мне, и он засвидетельствовал. Впрочем, я не принимаю свидетельств от людей, но говорю это для того, чтобы вы спаслись. Он был светильник, горящий и светящий, а вы хотели малое время порадоваться при свете его. Я имею свидетельство больше Иоаннова — мои дела, которые Отец мой дал мне совершить. Пославший меня Отец сам засвидетельствовал обо мне, а вы ни голоса его никогда не слышали, ни лица его не видели. Его слова не пребывают в вас, потому что вы не верите тому, которого он послал. Я не принимаю славы от людей. Я знаю каждого из вас: вы не имеете в себе любви к Богу. Я пришел во имя Отца моего, а вы не принимаете меня, если же иной придет во имя свое, примете его. Как вы можете верить во Всевышнего, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от единого Бога, не ищете? Не бойтесь, что я буду обвинять вас пред Отцом моим, есть на вас обвинитель Мо-

исей, на которого вы уповаете, ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и мне, потому что именно он писал обо мне. Если же вы его писаниям не верите, то как поверите моим словам?

Иисус оставался в столице до конца праздничных дней и в течение всего этого времени жил у своих друзей. Исцелял в храме безнадежно больных, изгонял бесов и бесстрашно проповедовал в народе.

Враждебно настроенные к нему иудеи, число которых день ото дня все росло, несколько раз пытались преградить ему дорогу в храм, не пустить вовнутрь, но послушать Иисуса приходило столько народу, столько народу приняло новое учение, что они не смели в открытую выступить против него и ждали более удобного случая для исполнения своих коварных замыслов.

На восьмой день, как и было условлено, в Иерусалим пришли апостолы, и Иисус решил перейти вместе с ними в землю Галилейскую. Путь из Иудеи в Галилею лежал через Самарию. К концу первого дня они подошли к Гевадской горе, близ самарийского города Сихарь, и остановились в поле, которое Иаков пожаловал своему сыну Иосифу. Там был известный колодец Иаковлев, откуда близлежащие села да и сам Сихарь брали питьевую воду.

Уставший от долгого пути Спаситель сел у колодца, и не менее утомленные апостолы опустились подле него. Но голод дал о себе знать, и вскоре им пришлось отправиться на поиски еды. Если бы ее не оказалось в ближайшем селе, делать нечего, пришлось бы идти за ней в Сихарь.

Солнце клонилось к западу. Часов около шести к колодцу подошла самаритянка. Сняв с плеча деревянный сосуд, она обвязала его цепью и с грохотом опустила в колодец. Тут она заметила Иисуса, который в одиночестве возлежал в тени кизила и, как показалось самаритянке, ожидал кого-то.

Тем временем из-под колодезного покрытия показалось мокрое горло сосуда, женщина вытащила его, поставила на крышку, сняла цепь и вдруг услышала:

— Ты не дашь мне попить?

Женщина нахмурилась, положила сосуд на плечо.

— Ты кто?

— Я путник. Увидел колодец и сел в тени. Думаю, придет добрый человек за водой и даст мне пить.

— Откуда ты идешь?

— Что за вопрос? Конечно, из Иудеи.

— И ты, иудей, просишь у меня, самаритянки, воду? Что у нас общего с иудеями?

Иисуса обидели резкие слова женщины.

— Если бы ты знала, какую милость оказал тебе Господь и кто просит у тебя воды, ты не отказала бы, ты сама попросила бы у него, и он дал бы тебе воду живую!

Услышав этот несколько надменный ответ, женщина устыдилась собственной резкости.

— Господин, тебе почерпнуть нечем, а колодец глубокий, откуда же у тебя вода живая? Неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодец? Он пил из него сам, и дети его пили, и скот его.

— Всякий пьющий воду сию, возжаждет опять, — Иисус едва заметно улыбнулся. — А кто выпьет воду, которую я дам ему, тот не будет жаждать вовек! Та вода делается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную!

Женщина, услышав эти слова, оттаяла вконец. Сняла с плеча сосуд и поставила его на колодезное покрытие.

— Не пожалей для меня этой воды, господин, чтобы не иметь мне жажды и не приходиться сюда черпать.

— Пойди позови своего мужа и оба приходите сюда.

— Нет у меня мужа.

— Это ты хорошо сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей и всех пятерых ты проводила на тот свет, а кого ты ныне имеешь, не муж тебе. Правду ты сказала!

— Господи! Вижу, ты пророк! Отцы наши поклонялись этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме.

— Поверь мне, женщина, наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы, иудеи, знаем, и спасения надо ждать из Иудеи. Но настанет

время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников ищет Отец себе.

— Я знаю, что придет Мессия, то есть Христос, — сказала женщина, — когда он придет, то возвестит нам все.

— Это я, который говорю с тобой.

В это время показались ученики с провизией и очень удивились, увидев Иисуса, разговаривающего с женщиной. А женщина, потрясенная последними словами Иисуса, вдруг повернулась и, забыв о своем водоносе, пошла в город, где рассказала людям, что с ней приключилось у колодца Иакова.

— Пойдите, посмотрите человека, который сказал мне все, что со мной было, не он ли Христос?!

Люди вышли из города, поспешили к колодцу Иаковлеву, где, по словам самаритянки, находился Христос. Путник все еще сидел там в тени кизила. Апостолы разложили еду на траве и просили его:

— Равви, ешь!

Он же, бросив на них косой взгляд, отвечал:

— Ешьте, меня не ждите. У меня есть пища, которой вы не знаете.

Удивились апостолы, уставились друг на друга: разве кто принес ему есть, когда их не было.

— Исполняя волю пославшего меня, я утоляю голод, — пояснил Иисус, — не говорили ли вы, что еще четыре месяца, и наступит жатва? Ну-ка оглянитесь вокруг и посмотрите, как побелели и поспели к жатве нивы! Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий и жнущий вместе радоваться будут. Ибо в этом случае справедливо изречение: один сеет, а другой жнет. Я послал вас жать то, над чем вы не трудились, пот не проливали. Другие проливали пот, а вы разделили с ними плоды сего.

Самаритяне слышали все, и многие тут же уверовали в него по слову женщины, свидетельствовавшей, что он сказал все, что с ней было.

— Господи! — почтительно обратились они к Иисусу. — Остайся у нас дня на два, мы воздадим тебе должный почет.

— Ну как, останемся? — для вида спросил Иисус апостолов, ибо уже решил остаться у сихарян, чтобы не обмануть их надежд.

За те несколько дней, что Иисус провел в самарийском городе Сихаре, число его поклонников и последователей еще больше увеличилось. В храме яблоку негде было упасть. Все жаждали услышать живое слово Спасителя, преисполниться его благодати. Многим больным облегчил он страдания. Иисус творил чудеса одним прикосновением своей руки. Возвращал здоровье и жизнь людям, годами прикованным к постели.

Сихаряне говорили той женщине:

— Уже не по твоим речам веруем, сами слышали и узнали, что он истинно Спаситель мира, Христос.

На третий день Иисус вышел из Сихаря и направился в Галилею. У городских ворот его встретила женщина, лицо которой скрывал головной платок. Видны были лишь глаза, сверкающие, как уголья. Иисус узнал ее — это была та женщина, что у колодца отказалась напоить его.

— Прости мне, Господи, мою глупость.

— Прощаю тебя, — улыбнулся Иисус, — но истинно говорю тебе: в воде никому не отказывай — ни иудею, ни самарянину.

— Это мне урок, Господи, прости еще раз.

Продолжение следует

Перевод Лланы ТАТИШВИЛИ

РАССКАЗЫ

Из цикла «Робинзоны в городе»

СОБАКА И УЛИЦА

Собака ни о чем не подозревала. Она сломя голову гонялась за воробьями, потом оказалась рядом с пьяным, и он ударил ее ножом. Отрывистый лай, в котором захлебнулась боль. Пьяный, хватаясь за стену, пошел по улице. Он сыпал проклятиями, словно его отвлекли от важных дел. Собака осталась на мостовой, ей неудобно на острых камнях, но трудно разгуливать с порезанным горлом.

Я вижу глаза собаки, затуманенные страданием.

— Держитесь подальше, — предупреждает незнакомая женщина, — собака может укусить.

Я слышу топот множества ног — к собаке спешат любопытные. Они боятся опоздать, ведь не часто на улице ножом ударяют собаку. Ударяют так удачно, что собаке не выкарабкаться. Потом они стоят рядом и смотрят на темную струйку, которая стекает на камни. Голова собаки бессильно откинута набок. Она вздрагивает всем туловищем, и тогда струйка стекает быстрее. По мостовой расплывается темное пятно. Когда у собаки вытекает столько крови, ей крышка. И всем любопытно взглянуть на собаку, которая цепляется за жизнь. Люди тесным кольцом окружили собаку и запах крови щекочет им ноздри.

Я смотрю на умирающую собаку, и беспокойство мое растет: с минуты на минуту подойдет Мадо. Я медленно иду к дому. Солнце бросает мне в спину сотни сверкающих ножей, они кусают кожу и не причиняют вреда. Нож пьяного острее, он пригвоздил собаку к пыльной мостовой. Я поднимаюсь на второй этаж. Как много ступенек у короткой лестницы. Я

одолеваю ступеньки и попадаю в комнату. Дверь с грохотом захлопывается за мной, со страшным ударом, после которого все кончено.

Я прислушиваюсь к голосам снаружи. Я слышу шаги на пороге моей комнаты. Нас разделяет глухая дверь.

— Почему вы позволили ее убить?

Это Мадо, бывший портной. Он живет в комнате, выходящей на мостовую. Никто не знает, откуда пришел Мадо, и это считают не в его пользу. Мадо спрашивает, почему мы позволили убить собаку. Я отвечаю молчанием. В моей комнате умирает собака, и Мадо ждет ответа за закрытой дверью. Я многое мог бы рассказать о собаке, но молчу. Мне трудно говорить со стариком. Никто не помнит, чтобы к старику кто-либо приходил. В середине месяца забегал почтальон. После его ухода Мадо шел в гастроном. Он жарил яичницу и смотрел, как собака ест. И это видела наша улица. И люди удивлялись, что собака ест, а старик только смотрит. У Мадо подозрительно блестели глаза, но ведь к старости глаза сами собой начинают слезиться.

Теперь собака умирает на мостовой, и старик спрашивает: за что? Мы были хорошими соседями, и он спрашивает: почему мы позволили?

Я падаю на постель, зарываясь лицом в подушку. Пойманной птицей в руке трепещет пульс, и подушку швыряет из стороны в сторону. Я слышу глухой шум толпы. Я вижу мостовую в крови. Толпа нетерпеливо напирает. Все мои соседи вышли на улицу. Мы были хорошими соседями, нас связывают годы дружбы. Я вижу своих старых партнеров по футболу. В детстве мы играли в футбол на мостовой. На мостовой умирает собака, умирает на футбольном поле, и никто не знает, сколько ей осталось жить. Толпа напирает, смотрят с интересом, обмениваются репликами. Смотрят, как занимательный фильм, историю одной собаки. Смотрят мультфильм, рисованный кровью. И все смотрят.

Кто-то идет по улице и упирается невидящими глазами в телефон-автомат. Скорая обещает помочь.

На улице появляется машина кремового цвета. Взвизгнули баллоны, как собака, которой раздавили

лапу. Из машины выходит человек в белом и спрашивает, кто умирает на нашей улице. Его подводят к несчастной собаке, и собаке уже не гоняться за воробьями.

В комнату вползают сумерки. Ритмичный стук за стеной, это соседи, распаленные жарой и ничегонеделаньем, кинулись в любовное беспамятство.

Я выхожу на улицу, забитую народом. Я думаю о Мадо: старик вешает на дверь игрушечный замок, и его можно раздавить ладонями, как грецкий орех. Сейчас дверь в комнату распахнута, но старика не видно, он там, на острых камнях.

Улица растворилась в темноте. Темнота, одна темнота. В темноте бегут люди. Они натываются на меня и вскрикивают от неожиданности. Собака мертва и спешить им незачем. Этим людям здорово не повезло — вечерний сеанс отменен, но они не подозревают об этом. Они подошли, когда все кончено. Но люди пока не знают, им не терпится увидеть собаку. И люди пока не знают. Не знают, что все кончено. Не знают и бегут. Бегут по темной улице.

На нашей улице убили собаку.

РОБИНЗОНЫ В ГОРОДЕ

«Не нравится мне этот матрос», — сказала тетя, собирая к ужину. «А почему, собственно, он тебе должен нравиться?» — спросил дядя, не отрываясь от бумаг на столе. «Не знаю, — стояла на своем тетя, — что-то в нем есть такое». Сказала и задумалась, не замечая, как горячая кастрюля жжет ей пальцы.

Я тогда подумал, в чем провинился молодой матрос, который днем лежит в саду, как бревно, не видя яблоки над головой, которые так и просятся в руки. От хозяев дома мы знали: он друг их сына, убитого в самом конце войны, и приехал погостить у моря.

Гость нигде не работал и вскоре предложил тете купить у него шелковую сорочку, голубую и красивую, но дяде она оказалась мала. Матрос этим несколько не огорчился и под вечер пошел с младшим сыном хозяина Гошей и со мной на дикий пляж, разрисованный сухими коровьими лепешками. Он раз-

делся, татуированный, как маорийский вождь, ласточкой юркнул под вздыбленную волну, высотой с наш дом, и так долго не появлялся на закипающей морской поверхности, что я забеспокоился. Ныряльщик, отчаянная голова, все-таки всплыл. В полусотне метров от нас. Потом поплыл быстрым кролем, и мне захотелось его сфотографировать допотопным гомзовским аппаратом, выпрошенным у двоюродного брата в Тбилиси. Я знал о съемке спортивных сюжетов из книги по основам фотографии, которую перед отъездом купил в магазине на площади Берия. Вместе с коробкой фотопластинок очень низкой чувствительности — у меня с ними решительно ничего не получалось из-за солнца, которого здесь было слишком много.

Видя мои фотомытарства, Гоша обещал учить меня плавать, что было нелегко после того, как мы поймали в речке пару сытых неповоротливых бычков и носом к носу столкнулись с красивой змеей, которая, как я выяснил дома по картинке в учебнике, оказалась гадюкой. Гоша не растерялся — ударом палки перешиб ей голову, но этот случай надолго отбил у меня охоту заниматься водными процедурами.

В самом городе пляжи были знаменитые: с крупной галькой, добросовестно отмытой морем, некогда облюбованные царствующими особами. Но дядя, занятый строительством завода мясных полуфабрикатов, редко выбирался в город, и мы, дети, поневоле оставались робинзонами на этом малолюдном берегу, известном как Сухой лиман. Пригодной земли поблизости маловато, приусадебные участки подступают к железнодорожному полотну, и дядя, по-человечески понимая хозяина, сохранил ему, ради достатка в доме, кусище яблоневого сада, который попал под план застройки и подлежал вырубке.

Трудно было не только с землей, но и с рабочими руками. В эти райские кущи приезжали отдыхать, не работать, и у дяди не было выбора, приходилось принимать на стройку и случайных людей, кто сами к нему шли. Раз в месяц в городской сберкассе он получал зарплату на всех, а деньги до выдачи рабочим держал в нашей комнате, в мешке под кроватью.

Основания беспокоиться у него были, но он виду не подавал. Только раз не сдержался, когда мы

поехали в город на служебной грузовой машине, и он грохнул кулаком по крыше кабины, когда что-то ему не понравилось. Машина как бы нехотя остановилась на шоссе, и над бортом показалась кудрявая голова Артема. «В чем дело?» — спросил он у дяди. «Стоячий, — сказал дядя. — Как ты это разговариваешь со старшим?» Артем обиженно посмотрел на начальника, а потом заулыбался: к машине подходили две приятные девушки с перекинутыми через руку полотенцами. Они явно спешили на пляж, а что им было делать далеко за полдень, когда высокое солнце зло кусало их налитые плечи. И знакомые девушки, хотя с виду и приезжие, ласково глядя на нашего водителя, занятого на работе, тут же с ним договорились встретиться вечером, называя при этом Алешей, а может быть, он сам им так представился — для конспирации.

Я подумал, с чего это мамин брат вдруг кидается на людей как бешеный. Может быть, оттого что детство у него было трудное — малолеткой начал работать. Для сына купца второй гильдии поступить в институт, устроиться на работу в те годы было не просто. Дедушка надежду на лучшие времена не терял, но однажды до слез расстроился, когда его, надевшего шляпу-котелок, мальчишки на улице встретили криком: «Буржуй воскрес!» Он почти бегом вернулся домой и в сердцах забросил шляпу на самый большой шкаф, в котором мы любили прятаться. А дедушка никогда ни от кого не прятался, был честен и прям, что подчас было важнее капитала. В страшном тридцать седьмом, во время обыска, в его доме нашли в печной трубе толстенную пачку пятисотрублевых николаевских ассигнаций с изображением Государя Императора Петра Великого. На вопрос красноармейца: «Для чего это прячешь, отец?», он ответил с обезоруживающим прямодушием: «Кто знает, может, когда и пригодятся». Чекисты то ли план по арестам уже выполнили, то ли пребывали в хорошем настроении, только рассмеялись и простили нашего дедушку, который умер естественной смертью в тридцать восьмом году.

Теперь что-то недоброе было разлито в сыром ночном воздухе, угрожая его сыну. Первая это по-

чувствовала невестка. Я скоро об этих страхах забыл, уехав домой, а вспомнил через месяц, когда узнал от вернувшейся тети, что того матроса арестовали. Он, действительно, ночью собирался убить дядю, обычно спавшего во дворе, на балконе. И только дожидался очередной получки. И подбивал на это злодейство рабочих с дядиной стройки, сколачивал свою разбойничью шайку, а один из них проговорился, просто оказался совестливым. И топор их нашли, спрятанный под хозяйским домом, острый, как бритва.

И каждому воздалось. Ибо сказано в Священном Писании: нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы.

Я удивился, как это тетя издалека почувствовала беду, а потом думать об этом перестал. Меня больше интересовало, почему на проявленных стеклянных негативах море и берег сливаются в одну сплошную линию, как в летний день, особенно если смотришь, прищурив глаза.

СТРАХ

По утрам мальчик просыпался от стука молотков. Невидимые дятлы долбили пористый туфовый камень, которого было вдоволь всех цветов и оттенков, но более всего розового, будто в него однажды вошло холодное утреннее солнце и осталось. Дятлы на поверку оказались обыкновенными каменотесами, дома у них получались легкие, аккуратные, как коробки от тортов, немислимо дорогих и недоступных, которые после голодных военных лет мальчик подолгу рассматривал в витрине коммерческого гастронома, открытого на улице Кирова.

Бабушка про утренних дятлов сказала, что это их соотечественникам разрешили вернуться домой, и мальчик вспомнил песню о страннике, который спрашивает у журавля, нет ли вестей из стран родных. Он впервые видел эту зависшую в небе двуглавую библейскую гору с не тающими на близком солнце снегами, и в долине розовый город, который проснулся после многовековой спячки и стремительно рос. Дядя, в чьем доме гостил мальчик, был одним из винов-

ников строительного бума. В свое время он отстроил полгорода, а теперь шел на рекорд — за пятнадцать дней предстояло собрать двухэтажный блочный дом. Рекорд состоялся, о нем даже писали в газете; его отметили воскресной вылазкой в Долину цветов, где позднее вырос центр олимпийской подготовки спортсменов. А в то первое послевоенное лето дядя со своим стройуправлением на радостях опорожнили уйму бутылок. Мальчик, хотя и пил одну родниковую воду, на обратном пути заснул, и его сонного, после поломки машины, внесли в крестьянский дом, где их угостили виноградом и теплым хлебом.

Возводя дома другим, дядя строительство собственного жилья забросил — руки не доходили, хотя предстояло построить половину, другая — принадлежала приятелю Гаро, жившему с семьей за стенкой, в одной большой, как и у них, готовой комнате, с окнами в сад, часть его пришлось вырубить. Сухие ветви абрикосов лежали в подвале и мягко пружинили, когда мальчик прыгал на них с высоты второго этажа, с безрассудством молодости, зажмурив глаза, чтобы не напороться на сучок. Соседский сын так прыгать не умел, а у него получалось, делал он это из озорства, от избытка энергии, вовсе не рисуясь перед девочками — своими двоюродными сестрами и соседской дочкой, которая была мала и наивна, — не закрывала дверь нужника на краю огорода и показывала хорошенькую щелку. Он считал ее гадким утенком и удивился, случайно увидев в расцвете женской привлекательности через много лет, в оперном театре, на гастрольном спектакле болгарского драматического тенора Димитрия Узунова.

Немцы появились неожиданно, высадились на берег Гетар, как десант. В зеленоватых френчах, припудренные мелом, они сновали по участку, обмениваясь короткими командами, смысл которых мальчик смутно улавливал: его сестра по отцовой прихоти изучала с репетитором непрестижный немецкий язык, и он частенько заглядывал в ее учебники. Немцы безоружные были совсем не страшные, как и подобает пленным, и верилось с трудом, что недавно они убивали и жгли, гнали на морозе юную девушку, раздетую и босую, прижигали ей щеки лампой, вешали в

Петрищеве, как в тысячах других деревень. А теперь их, смиренных и покорных, привозили к соседу-генералу строить трансформаторный киоск на углу сада, темного и большого, как лес. В лесу как-то незаметно поспели все фрукты, которые охраняли неразговорчивые красноармейцы. Они появлялись, как тени, из-за густых деревьев, когда их не ждали. Правила домом женщина с надменным неулыбчивым лицом. Когда мальчик вырос, он наткнулся на громкую фамилию соседа в увесистом томе истории войны, где современные плутархи жизнеописали заслуги генерала, крепыша со смуглым моложавым лицом, который сейчас спешил наверстать упущенное в войну. Гости приезжали в трофейных мерседесах и опелях, виденных мальчиком в кинофильме «Подвиг разведчика», не спеша, с шутками входили в просторный удобный дом, освещенный как на пожаре, благо светомаскировку отменили. Их встречала оживленная, похорошевшая хозяйка, в которой ничего не было от обычной генеральши-несмеяны.

Поработав в саду, немцы садились обедать, говоря окружавшим их мальчику и его команде, что в привезенном супе воды много-много, а риса мало-мало, на что дети довольно бестактно спрашивали у недовольных этой, отнюдь не генеральской кухни: «Гитлер капут?» Пленные с ними не спорили и предлагали крестики, которые вырезали из оргстекла, в обмен на помидоры, ревниво охраняемые стариком-садовником, который явно не ладил с немцами. Мальчику вначале казалось, что крестики немцы отрывают от себя, а потом он понял, что нельзя кому-то одному обладать таким великолепием, даже самому доброму католику.

Кто-то из этих крестоторговцев мог оказаться убийцей его двоюродного брата, чья похоронка пришла из Белоруссии в первые месяцы войны. Дядя побывал на месте недавних боев и даже видел неоплаканную братскую могилу, но верил в чудо...

А известия с фронта были одни хуже других, и мальчик боялся траурно-черной радиотарелки, подвешенной над старым холодильником-ледником, в нем хранили хлеб, но его всегда не хватало, хотя отец работал в аппарате Наркомпищепрома, курировал хлебозаводы, а в выходные дни выезжал с сослуживцами в

подсобное хозяйство под Поти, где им выделили участок. Кукурузу, которую он привозил, относили на водяную мельницу; здесь, засыпав зерно в ненасытные жернова, можно было спуститься на первый этаж и подставить мешок под струйку теплой сладковатой муки.

Строительство генеральского киоска шло ни шибко, ни валко. Мальчик интерес к пленным потерял, собирая гербарий в книжечках Аркадия Аверченко, улыбчивых и грустных, случайно обнаруженных в шкафу, истинную цену «русскому Марку Твену» он узнал, будучи студентом. Двоюродный брат, научный сотрудник, вместе с дядей и старым садовником создавал это садово-огородное пиршество красок и поощрял его интерес к природе. Но сам оплошал — выкупал в средстве от блох приبلудную собаку, не очень чистых кровей, отчего она тотчас сдохла. Собаку они закопали в саду, положив сверху бетонный кубик с эпитафией, передающей смятение их душ и печаль от загубленной собачьей жизни, а когда закончили работу, увидели немцев, стоявших у них за спиной и читавших эти нехитрые слова. Было видно, что они понимают ребячьи чувства и разделяют их, вспомнив оставленных дома фрау и киндер, но уходя все же унесли камень, взятый детьми со стройки.

Солнце клонилось за гребни гор, с ближнего обнаженного плато подул северный бриз, когда взволнованный садовник сообщил, что кто-то опустошил огородные грядки. Дети восприняли это, как сигнал к игре, рассыпались по саду, громко обсуждая услышанное, призывая все беды на головы воров и угрожая им скорой расправой. Разгоряченный бегом мальчик вбежал в ближний отсек недостроенного киоска и вздрогнул от неожиданности: в шаге от него, на бетонном полу, сжался в комок немолодой немец, закрывая сидящую голову натруженными руками. Его большое тело была мелкая дрожь, а рядом стхла горка помидоров и огурцов, теплых от солнца. Он смотрел на мальчика глазами затравленного зверя, обреченно и заискивающе, готовый нести наказание за кражу, осуждаемую у всех народов и во все времена, а тут вина усугублялась положением пленного.

Мальчик ростом с его ногу, которого сейчас мож-

но было ушибить одним пальцем, увидел высокое безучастное небо и, чувствуя в сердце жалость и печаль, молча вышел наружу. «Ты никого не нашел?» — спросила подбежавшая сестра, но он только покачал головой.

«БЕСАМЕ МУЧО»

Женщину он скоро отпустил, как только пробежал глазами ненужную ему справку, которую начальство ведомства исправно присылало, подчиняясь некогда заведенному порядку. Он спокойно отметил ее неброскую привлекательность и, подписывая пропуск, задержался на редкой фамилии и спросил, не родственница ли ей такая-то, о которой вспомнил. И женщина подтвердила, что это ее двоюродная сестра, живет, как он и предполагал, в другом городе, у нее муж и два сына. Эта скупая информация о чужом благополучии его вполне удовлетворила и даже обрадовала. Он больше ни о чем не спрашивал, не попросил передать привет, как это принято. Она определенно его забыла, а он вспомнил и все с ней связанное. Видно, сказалась его профессиональная память, которой он в душе гордился, не выставляя напоказ. Он усмехнулся собственной шутке, подумав, что тогда деревья были молодыми, а бедняга Радж только вышел из тюрьмы, куда его упрятали за украденную булку...

Наира, сказала она, протягивая хорошую руку, мягкую и прохладную, и он понимал Виктора, знакомого по школе, который скучал и места себе не находил до приезда сестры с подругой, но ждал, конечно, не сестру. Сестра стояла тут же на перроне вокзала, блондинка в голубом, чуть полноватая для своих лет и старше их всего на год, но уже студентка политехнического института, известного джазом, баскетболом и анекдотами про чудаковатых доцентов по сопромату и прочим мудреным предметам, которые ему не по зубам. Избалованная ранним вниманием мужчин, она смотрела на них, как на желторотых птенцов, а Виктор был покорен и околдован той второй, что не так вызывающе красива, но тоже хороша в свои неполные семнадцать. Уже сидя в машине, он сокру-

шался, что оставил на стуле у открытого окна **новый** коричневый костюм, что так ему шел, и ночью его **его** стянули с деньгами, которые дал, не считая, его богатый папа. Это в корне меняло программу развлечения встреченных двух юных особ, и, чтобы как-то компенсировать моральный урон, Виктор рассказал, как они не просыхали в сочинских кабаках — он и два друга. И это была истинная правда. Виктор среди ровесников особо выделял чемпиона по боксу с забавным воробьиным прозвищем и влюбленного в математику и поэзию Блока близорукого красавца, который, не таясь, посылал на киностудии свои фотографии, наивно полагаясь на классический профиль и бескорыстное внимание посторонних людей.

Он вспомнил, как через год они с боксером и математиком пришли на панихиду Виктора, который, запутавшись в делах, застрелился из редкого в те времена пистолета, и уже на пороге зарешеченного особняка-крепости слышали: «Витины товарищи пришли!»

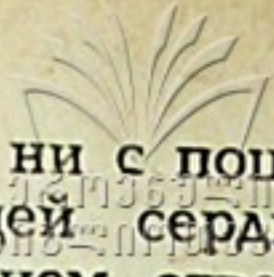
Так могла кричать только мать.

...Это Виктор тогда предложил пойти на танцы, и все беспечно согласились, не зная, какая недобрая слава у этого парка, бывшего Английского, а потом, неизвестно за какие подвиги, нареченного Комсомольским.

Богом забытый уголок на окраине города.

Опасность он почувствовал почти физически, когда они вышли к танцплощадке, чей наследенный тысячами ног овал тонул в тусклом больничном электрическом свете, и уселись на разбитую садовую скамейку, осевшую под ними. Опасность исходила от плохо освещенного парка и щемящей тоски заезженного шлагера «Бесаме мучо». Он смотрел на Наиру и видел, как ей хочется танцевать, но именно этого сейчас делать было нельзя, как и громко разговаривать и смеяться, привлекая к себе внимание. Это он понял шестым чувством, а потом увидел тех юнцов, свободно развалившихся на противоположной скамейке, их глаза, бесцеремонно щупающие ноги девочек, которые ничего не замечали и смеялись.

Так случилось, что первое любовное чувство, ис-

пытанное им к женщине, не было связано ни с поцелуем, робким и щадящим, ни с обрывающей сердце близостью, а с не менее острым ощущением ответственности за нее. Смотри сейчас американские видеофильмы, которыми их потчуют по всем телеканалам, где за первым глотком спиртного следует молниеносное соитие, долго и откровенно смакуемое режиссером, всей съемочной группой, после чего взмогшая героиня в халате хозяина квартиры исчезает в ванной, охотно демонстрируя по пути длинные ноги и другие пострадавшие прелести, он вспоминал, как сильнейшее потрясение, мгновенное касание упругой молодой груди, когда они спешили выбраться из парковой западни.

Они все-таки настигли их на открытой местности, откуда было рукой подать до выхода на улицу, к троллейбусной остановке, где всегда люди; они откровенно ухмылялись, привычно-плотоядно преследуя свою жертву. «Уходите скорее!» — успел он сказать Виктору, останавливаясь и оборачиваясь лицом к преследователям. В те мгновения, пока они преодолевали это ничтожно малое расстояние, он только успел подумать: хорошо что ходил в боксерскую секцию на стадионе. Несмотря на запрет школы, куда даже вызвали его отца, который не на шутку встревожился, что сын растет хулиганом. Он страшно удивился, когда его старик, в общем далекий от спорта человек, спросил, как бы невзначай, у кого он тренируется, и назвал фамилии двух известных динамовских тренеров.

А сейчас он был готов к самому худшему — и драться, бить в эти подлые потные рожи, пока не подспеет Виктор, который не станет отсиживаться на остановке, за спинами других. Боковым зрением он видел, что девочки в безопасности, за воротами. Его действия и слова, видно, озадачили подонков, но потом он услышал: «Которая твоя? Забирай ее и уходи!», но не согласился, чувствуя за собой в эту минуту силу, от которой могут бежать и львы...

Вечностью показались ему те минуты, когда он вышел на остановку троллейбуса, где его ждали, волнуясь.

Он невесело подумал, что шансы его возросли

после того, как Наира предложила ехать домой вместе, в дядиной «Победе» по дороге мимо озера, сла-
вящегося красотой и форелью, но он этим не воспользовался и вернулся поездом.

Наиру он встретил довольно скоро, в автобусе на Университетской улице, по пути к двум вузам, куда тем летом они готовились поступать. Она похудела, выглядела неважно и нервничала из-за тройки, которая была некстати, а у него, как назло, одни пятерки и ему неловко перед ней.

Больше они не виделись, хотя жила она по соседству, на улице, которую старожилы по-прежнему называют Сергиевской. Он помнил неудачную вылазку в парк и нерастраченную злость вложил в боксерские перчатки, выступая за команду филфака, в которую призвали почти всех учившихся мальчиков. Наверное, у него было очень свирепое лицо, потому что после того спартакиадного боя, сумбурного и больше похожего на откровенную драку, однокурсница Лина сказала: «Я не знала, что ты такой».

Он промолчал, не зная, каким она его увидела, а через несколько дней, сидя в пустом библиотечном зале, обнаружил в только полученном журнале декадентские стихи Юрия Живаго, которые на самом деле за него написал Борис Пастернак в процессе работы над романом. Именно в тот день ему впервые признались в любви. Лина подошла неслышно, села рядом и, рассеянно скользнув взглядом по незахвачанному журналу, сказала, что любит. Он растерялся от неожиданности, глядя прямо перед собой, на свои руки, вены которых мгновенно набухли от притока крови, а она, серьезная и решившаяся, смотрела пылливо, готовая отстаивать свое чувство.

Это было после мимолетной встречи с Наирой, когда мало-помалу, по замечанию Доктора Живаго, ушли на дно его души ее черты и формы. Но на потайной глубине остался летний вечер, когда они, чувствуя в себе тревожное и новое, поднимались по обсаженной чинарами красивейшей улице южного города, к горе, увенчанной гигантским бронзовым идолом в широкой маршальской шинели, в одном рукаве которой могло уместиться отделение солдат.

Страх не было, страх пришел позже, дома, ког-

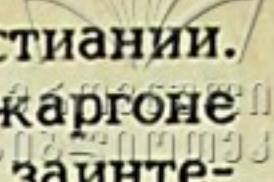
да, наскоро рассказав о случившемся, он увидел, как бледнеет лицо брата, и услышал: «Вы с ума сошли, несколько дней назад там, в парке, убили человека!».

ИДУЩИЕ НОЧЬЮ

Утро подкралось незаметно, как кот на мягких лапах, просочилось в окна, высветило осунувшиеся лица участников застолья. Нагрузившись за ночь вином, они старались взбодрить себя апельсинами и сладостями, принесенными неугомонной Тамарой, у которой сна не было ни в одном глазу.

Я вышел размять ноги, по пути заглянул в ванную и долго плескался под краном, подставляя под холодную воду разгоряченное лицо, и, не оборачиваясь, почувствовал — в который раз за ночь — ее пристальный, как бы оценивающий взгляд. Она стояла рядом, почти касаясь моего бедра. Я мог дотронуться до нее и даже услышать, как бьются наши сердца, если бы не громкая музыка, бьющая в открытую дверь, и неторопливый разговор куривших на лестничной площадке. Тамара молча ждала, я видел, как ей не хотелось вернуться домой одной, из этой мужской компании, где она, не считая невесты, была единственной женщиной в суматошной суете свадьбы, где намеками и с пьяной развязностью говорили о любви, о море любви, волны которой сейчас закружили ее, как безвольную щепку. Ей хотелось своего счастья, пусть маленького, как у Ламары, которая, уступая ей в женской стати, выходила замуж, прикупив законного спутника жизни к цхнетской даче и связям отца-военного.

Ночь как-то сразу сникла и умерла. Наступила предрассветная пора, время обнимать и уклоняться от объятий, которые помогают забыть, как слаб человек и как он одинок. Я вдруг понял, что хочу быть обманутым, испытать эту сладкую ложь; ведь я был очень молод и меня тоже не ждали дома. Потом в моей нетрезвой голове мелькнула мысль, что у меня под пиджаком лопнувшая по шву, нарядная снаружи сорочка, а я об этом дома не подумал, затягивая никчемный здесь галстук-удавку, и теперь некстати вспом-

нил гамсуновского героя, журналиста из Христиании. Его отвергла молодая девушка, говорящая на жаргоне и не строгих правил, которая сначала всерьез заинтересовалась им и позволяла себя ласкать, а потом узнала, что он умирает от голода. Он еще придумал ей имя, скользкое и волнующее: Илаяли... Быстро трезвея, я, как ребенок, продолжал плескаться в воде, притворяясь более пьяным, чем был на самом деле, и чувствуя ее разочарование, которое она не пыталась от меня скрыть.

На свадьбу я попал неожиданно, можно сказать, случайно. Поднявшись по ступенькам особняка, удостоенного в двадцатые годы золотой медали и Гран-при парижской выставки, все еще чопорно-красивого, я деликатно утопил пуговку электрического звонка, вылитый сосок женской груди. Дверь открыла незнакомая молодая женщина с блестящими черными глазами, для которой я был никем, не был даже другом человека, в доме которого она находилась. Я прошел в лоджию, где Ловард в спортивных трусах неловко гладил брюки от костюма. «Знаешь, завтра женюсь, — объявил он мне с места в карьер, — и ты будешь на свадьбе». Я невольно посмотрел на большеглазую молодую женщину, которая впустила меня в квартиру, и заметил улыбку на припухлых губах и еще высокие блюда груди под красным пуловером, и всю такую ладную и желанную, что другой кандидатки в невесты здесь просто не видел. Проследив за моим взглядом, Ловард засмеялся: «Нет, это не она». И, обратясь к ширме, попросил: «Ламара, высунь руку». Рука тотчас показалась — обнаженная, очень полная и белая — и приветственно пару раз помахала в воздухе. Вскоре к нам вышла сама невеста, пышная, как сдоба тех лет, уже одетая, чуть смущенная и в меру влюбленная, и повторила приглашение, что они с Ловардом меня ждут и все такое отменно-вежливое, что принято говорить у воспитанных людей.

Я сбежал со свадьбы, когда под голыми ветвями деревьев заскользили первые троллейбусы с полупустыми салонами, разгоняясь на близком мосту, но подниматься в машину не стал, спустился на набережную и пошел вниз по течению реки, на которую возле

гребной станции и динамовских теннисных кортов спускали лодку-плоскодонку.

Я шел по Пескам, где трудолюбивый ремесленный люд обычно лудил и паял сковородки и кастрюли, ставил заплаты на камеры автомашин, а теперь отсыпался после встречи невыдуманного праздника. Я шел по этому сонному царству, провожаемый настороженными взглядами потерянного поколения кошек, которые, как старые сплетницы, разглядывали меня и не собирались дать стрекача.

На Майдане, возле опустевшей хашной, я купил со стола на улице маленькую, объемом в общую тетрадь, книгу рассказов покойного Уильяма Фолкнера, и каждый из них оказался шедевром. Этот американский писатель с внешностью римского сенатора был очень мал ростом, изящно сложен, худощав и мускулист. Но каким гигантом духа он остался в мировой литературе! Маленькими аристократическими руками Фолкнер в одиночку построил округ Йокнапатофа, миниатюрную копию родного Юга. Восемь лет назад, 10 декабря 1950 года в речи на торжественной церемонии вручения Нобелевской премии в Стокгольме он сказал глубоко запавшие мне в душу слова: «Я верю, что человек не просто выстоит, он восторжествует. Он бессмертен не потому, что никогда не иссякнет голос человеческий, но потому, что по своему характеру, душе человек способен на сострадание, жертвы, непреклонность».

Этот старый район был моим домом. Стараясь идти не шатаясь, я срезал угол сквера, где сейчас стоит коленопреклоненный Пиросмани с каменными мышцами молотобойца и боксерской челкой, прижимая к крутой груди неживого от страха молодого барашка, который, кажется, прыгнул к нему на руки из строчки Мандельштама.

Дома я прочитал книгу Фолкнера, впервые у нас изданную, населенную индейцами и неграми, не желающими умирать, а потом, ближе к полудню, пошел к Сандрику, в его живописный дом-скворечник, прилепленный к скале с Комсомольской аллеей наверху. Вечера мы скинулись и купили свадебный подарок — чемодан, незаменимую в хозяйстве молодоженов вещь. В доме — полная чаша — аппетитно пахло вином, жа-

реной индейкой, поросенком, блинчиками с мясом и другой вкусной снедью, приготовленной добрейшей тетей Аней. Все братья Чиковани были в сборе: гладко выбритые и — как всегда — приветливые.

Сандрик встретил меня ликующей улыбкой: «Я только что от Тамары. Ты знаешь, я ее сделал». Он без утайки рассказал, как она утром поспешно провела его в свою комнату через открытый тифлисский балкон, делающий личную жизнь разведенной молодой женщины доступной взорам, как игральная карта, а я слушал и не слушал его, довольного собой и неожиданно привалившим счастьем, смотрел на щегольские усики курортного ловеласа, никогда не упускающего того, что плывет в руки. «Тамара мне рассказала, — продолжал он, — как кто-то из ребят приставал к ней во время танцев. Сначала я решил, что это ты, а оказалось — Жора. Тамара сказала, что ты наоборот...»

В эту минуту он очень напоминал избалованного домашнего кота, наевшегося до отвала свежей сметаны и жмурящегося от удовольствия. Обиды на него я не держал, глупо было обижаться и горевать. В их большом хлебосольном доме уже собирались родственники и друзья отца, такие же крепкие, знающие себе цену мужчины, и каждый, как положено, приходил с бутылкой коньяка. Был первый день нового года, и его следовало хорошо начать и достойно прожить, зарабатывая на жизнь и любовь прекрасных женщин, которых суждено встретить.

МАЛЬЧИК НА СТУПЕНЬКЕ

Он сидит на ступеньке вагона, взъерошенный, как воробей, и кричит, опьяненный волжским простором. Оглушительный перестук колес глотает слова. Мост гудит от быстрого хода поезда, от потоков воздуха, несущихся над рекой. Волга раскинулась далеко вокруг и нежится под лучами солнца, пленительная в своей наготе, упругий ветер доносит чистое дыхание реки.

Я окликаю мальчика на ступеньке. Он удивленно вскидывает голову и поднимается в тамбур. Лукаво

смотрят глаза, в них столько света, кажется, сорвется с губ радостный крик. Вот он метнулся к краю площадки и машет шоферу полуторки, ползущей к переезду. От километровых знаков рябит в глазах. Поезд отщелкивает расстояние с проворством кассового аппарата.

В нашем вагоне студенты университета. Мягкий хмель кружит головы. Мы пьянеем от бесконечных полей, от взгляда девушки в окне встречного поезда, знакомых мелодий, насвистываемых ветром, и от споров, которые ведем с самого дома. Мы пока верим в добрую волю администрации, пославшей нас убирать урожай, и, распевая бодряческую песню Пахмутовой о первых целинниках, вслед за Хрущевым думаем, что весь хлеб будет нашим. Мир еще молод, как и мы, двадцатилетние. Только через три месяца уйдет с Байконура первый искусственный спутник Земли. Все еще живы: Комаров, Гагарин, Добровольский, Волков, Пацаев и ребята из нашего вагона...

Появление русоголового Юры в нашем грохочущем доме на колесах разом прервало споры, и сам он доверчиво тянулся к людям, двенадцатилетний человек. Юра жил у дяди, который днем где-то работал, а вечером пропивал заработок, он долго слонялся по двору, бормоча нескончаемую песню о суровом капитане и девушке из маленькой таверны, и все порывался стукнуть Юру тяжелым кулаком. Весной дядя продал баян Юрино отца, не вернувшегося с войны, и мальчик в одной майке ушел из дому. Непрерывное волнение, от него, как от голода, кружится голова, жесткие скамьи станционных залов и несговорчивые проводники, ветер, фамиллярно хлопающий по спине, загорелые студенты на ступеньках вагонов, и юная жизнь, настолько беспокойная, что половина услышанного кажется вымыслом.

Мальчик знает, что поезд идет в Кустанай, и просит взять его с собой. Но что это? Я слышу, как кровь тяжелым потоком приливает к голове. Кто-то, роня слова-кувалды, говорит, что Юра и не думает ехать на целину, а сойдет ночью, прихватив кое-что из наших рюкзаков.

Коренастый, со скользким взглядом, он много старше своих однокурсников и покровительственно

называет нас романтиками. «Ребята, нам вешают лапшу на уши, — убежденно говорит он, читая в газете о четверке Зиганшина. — Вы не знаете, какой у них там на барже НЗ — тушенка, ведра картошки... Так что людоедство им не грозило». Он всю дорогу предается воспоминаниям, но стоило ли побывать в этих городах, если житейский опыт ржавчиной оседает на его сердце?..

Юру на ночь оставляют в вагоне. Остаток вечера проводим с ним, но разговору недостает доверия, с которого началось наше знакомство.

Ночью я проснулся от резкого толчка. Вскрикнул испуганно тепловоз и, словно смутился, умолк надолго. На стыках вагон трясет, и тогда вздрагивают плечи Юры, лежащего у входа. Соленый запах близких озер влетает в опущенное окно. Из темноты выскакивают огни жилья, и снова бесконечная ночь, снова тишина, от которой звенит в ушах.

Юра исчез перед самым рассветом.

Мы обступили его полку и долго смотрим на аккуратно сложенную телогрейку, которой ночью кто-то укрыл мальчика. Мы слышим упреки совести, и время лишь усилит их. В жизни будет много озорных и упрямых мальчишек. Потом они возмужают и успеют состариться, но память удержит боль в детских глазах, сломленные обидой худые плечи Юры, который в то далекое лето мог стать нашим другом.

ВОТ КАКАЯ БЕДА

Посылку мы получили к вечеру. Мы сидели в номере гостиницы и чувствовали себя обеспеченными. Потом пришла Наташа и предложила пойти в кино. Кинотеатр был в двух шагах, и мы знали, что сегодня идет «Старик Хоттабыч». Мы видели афишу днем. Я уже днем знал, что не пойду в кино. Я смотрел фильм в Тбилиси. Старик комик, но я сидел в первом ряду и боялся, что во время полета он выронит свою фальшивую челюсть и проломит мне голову.

Толя вышел переодеться, и я занимал нашу гостью. Наташа хохотала, как сумасшедшая. Она сказала, что представляла меня другим. Интересно, каким я был,

по ее мнению? Серьезным и скучным чудаком, который разбирает партии матча Ботвинник — Смыслов?..

После их ухода я послонялся по комнате, потом подошел к столу и принялся рассматривать посылку. Эту бутылку следовало откупорить сегодня. Можно пригласить Нодара, отметить его приезд в Казахстан, но на троих вина маловато. Несколько лет назад Нодар играл за сборную университета. Он пробивал любой блок, и когда выходил к сетке, болельщики в восторге кричали: «Ложись!» Теперь Нодар важная шишка в комсомоле, и неудобно приглашать его на скромный ужин.

Вино мы могли бы распить с Толей, но он предпочел кино. Он согласен на любой фильм. Они сидят рядом в полумраке зала и смотрят, как Хоттабыч изощряется в ловкости перед пионерами. Толе, конечно, наплевать на его ловкость. Ему просто хорошо с Наташей. Я знал, что ему нравится Наташа, и держался с ней официально. Это было на руку Толе, но сегодня Наташа разгадала мою хитрость. Я чувствую себя мальчишкой, с которым возится Хоттабыч. И мне неудобно за наш босяцкий вид при первой встрече.

Мы приехали ночью, когда свободных мест не было, и, делать нечего, завалились спать в конце коридора, на полу, где утром нас обнаружила Наташа. Хороши же мы были после многодневного мотания по степи в кузовах самосвалов с зерном, запыленные до самых глаз, несмотря на жару в негнущихся брезентовых плащах, но спокойные и гордые за переданные в редакцию материалы. Как сказал поэт, жив ты или помер — главное, чтоб в номер материал успел ты передать. Сраженные усталостью, но победившие, мы лежали навзничь на обшарпанном гостиничном полу, пряча лица от настойчивого света, бившего из близкого окна, и нас, спящих, с изумлением и пробуждающимся интересом разглядывала молодая женщина.

Я растерянно постукиваю по столу. Мои пальцы натыкаются на что-то твердое. Это банка рыбных консервов. Ее не стоило открывать вечером: утром эту сельдь придется выкинуть вместе с томатом. Я кладу себе на тарелку кусок рыбы, жую волокнистое мясо и не чувствую вкуса, словно ем старую газету.

Я все еще не знаю, как убить время. Я наполнил стакан водой из графина. Я осушаю его наполовину и отодвигаю подальше — вода на редкость соленая.

В комнате дежурной бывает хорошая вода. Сегодня день дежурства Гали. Я выхожу в коридор, заглядываю в окошечко дежурной и слепну от золотых волос. Галя склонилась над книгой. Она поднимает голову, я вижу, что это «Семья Тибо».

— Лорелея, умираю от жажды.

— Скоро у нас будет вода, — говорит Галя. — Об этом заботится Наташа. Вы знаете, не сегодня-завтра они дойдут до воды.

Я знаю об этом. Наташа только по вечерам ходит в кино, днем они бурят скважину в полукилometре от гостиницы.

Гале нравится Наташа. Она говорит, что Наташа хороший инженер, и скоро будет хорошая вода.

— Отлично, — говорю я, — а пока она не уступает по вкусу лугеле. Это такая вода в Грузии, хлористый кальций. Ее пьют при больных легких. Вы болели воспалением легких?

Галя качает головой.

— Это скверная штука, — говорю я. — Хуже одиночества в летний вечер.

— Вам следовало пойти в кино.

— Я должен написать кое-кому.

— Я чувствую себя одинокой, когда остаюсь одна.

— Это испытываешь и в компании. Перед отъездом кто-то из нас вспомнил о знакомой и подошел к телефону. Он долго шептался с трубкой, а когда вернулся к столу, я предложил выпить...

— За ту, с кем он разговаривал, — улыбается Галя.

— За тех, кому мы не позвоним.

— Вы должны были пойти в кино, — повторяет Галя. — Хотя бы на «Хоттабыча».

— Я буду писать письма. Спасибо за воду.

Я иду по длинному коридору. Встречаю нашу соседку, артистку Одесской филармонии. Она несет стакан воды, несет бережно, как молодая мама своего первенца. Мне хочется именно этой воды, но прохожу мимо. Я захожу в нашу комнату. В комнате слабый запах рыбы. Я ложусь на кровать, стиснутый этими

стенами, как рыба в коробке. Далеко отсюда, в городе Черкесске живет девушка, мой верный гид по Лермонтовским местам. Она такая юная, что себе я кажусь современником Лермонтова. Я словно хлебнул из бутылки на столе и не смогу написать ни строчки, Письмо получится излишне откровенным и не стоит его отправлять.

Бум! Я слышу раскаты грома. Дождь все же пошел. Я открываю глаза, в комнате темно. Я вижу Толю, он опрокинул коробку с сельдью.

— Прости, что разбудил, — говорит он, — не хотел зажигать свет. Ты не откупорил бутылку.

— Мне она не нужна.

— Что ты хочешь?

— Я хочу в Черкесск.

Мы молчим и каждый думает о своем. Потом слышу голос моего друга:

— Ты только не удивляйся, но Наташа весь вечер расспрашивала о тебе.

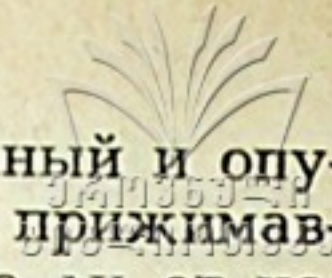
Утром мы уехали в город Рудный, что, как крепкий гриб-боровик, вырос на месте Соколовско-Сарбайского месторождения, и больше не наезжали в Пешковку, островок районного масштаба, в ее невзрачную гостиницу, где в комнатах на столах графины из простого зеленого стекла с соленой водой, не утоляющей жажду. Не возвращались мы и к разговору о Наташе, хотя многие годы помнили о нем, и она, невидимая, стояла между нами. Я тогда ничего не сказал, никак не отреагировал на неожиданный интерес к моей скромной персоне, а теперь сказать некому. Толю недавно похоронили, и его смерть, неприметная и тихая, как и все, что делал при жизни этот умный красивый человек, потрясла скоропостижностью конца. Я сидел среди чужих людей за длинным поминальным столом, пил горькое кахетинское вино, привезенное его родственником, и думал, что человеку на всю жизнь дается один настоящий друг, о чем он не знает до самого порога могилы.

Я тогда в гостинице ничего не сказал. Теперь это ему безразлично, и Наташе безразлично давно.

«Не плачь! — сказал он огорченной жене, присев, по обычаю, перед дальней дорогой, которая для него неожиданно пролегла через пол-Европы. — Меня не убьют: я домой копейку не принес, заработанную нечестным путем». И хотя этот факт никак не способствовал пополнению их нехитрого семейного бюджета, сказано было не ради красного словца, но предельно искренно перед смертельной опасностью, которая отныне угрожала миллионам его сограждан, братьям и сестрам, как к ним обратился вождь, преодолев недельное потрясение.

Маленький винтик в разладившейся гигантской машине, он видел, как рушится то, что создавалось с превеликим трудом; для понимания этого ему хватало собственного опыта, которым он, не окончив Пром-академии и Института красной профессуры, обходился вполне. Рано повзрослевший сирота при живом отце-старике, знавшем иные времена, когда парон* Арутюн, поэт и городской голова в вилайете соседней страны, внушал уважение и трепет отпетым головорезам, которые, похитив, по незнанию, его красавицу-дочь, тотчас вернули домой с извинениями и богатыми подарками. Но все это в прошлом, теперь он, младший в семье, привык полагаться только на свои умелые в обращении с металлом руки, что давало ему преимущество перед другими, желанную многими броню, за которую он не стал держаться, как за женину юбку. Он просто представить себя не мог на улицах города, который с каждым днем обрастал приметями далекой пока войны. Знакомые его, те, что правдами и неправдами остались дома, неслыханно разбогатели, нажились на людском горе, кутали своих жен в шубы, втискивали слоновьи ноги в модельные туфли-«лодочки», на улицах, как застоявшиеся жеребцы, не давали прохода женам фронтовиков, завели в домах зоопарк чернобурок и рыбок в бассейнах, а позже, так и не понюхав пороха, разжились льготными книжками участников войны, но он об этом узнал, лишь вернувшись домой с несгибающейся

* Парон — господин (арм.).

кистью руки, а пока, непривычно растерянный и опустошенный, смотрел на плачущую жену, прижимавшую к груди дочку, которая вся горела то ли от неведомой им болезни, то ли из-за реакции на отъезд отца.

Это ощущение рушившегося очага, скромного домика на краю оврага Кибальчича, откуда видны Сирачхана и Чугурети, Авлабар, которые все видели и знали, даже то, что было неведомо пытавшим их особистам, что засовывали головы своих жертв в печку и стреляли у них под ухом, вырывая признание того, чего не было и быть не могло, он пронес через Кировабад и Ленинакан, районы формирования их воинской части, пока, минуя Туапсе, вместе со своими пушкарями не оказался весной сорок второго на огромном, раскисшем от дождей поле, вобравшем в себя небывалое скопление плохо вооруженных людей, которые, видя свою гибель, шли вперед, подгоняемые жестоким и бессмысленным приказом, туда, где угадывались белесые лиманы Азовского моря. Он потом многократно возвращался воспаленной памятью к тому страшному полю, каждый раз умирая под косым металлическим дождем артобстрелов, от снарядов то ли своих, то ли немцев. Пронзенный, как болью, физическим предчувствием большой беды, он снова видел себя среди безусых мальчишек, которые, обезумев от страха и неизвестно откуда жалящих пуль и осколков, поднимались в полный рост, готовые бежать куда глаза глядят. И он, охрипший от крика, который никого не мог предупредить в этом грохочущем мире, догонял и прижимал к земле тех, кого успевал. Но как он мог помочь всем им, рожденным в муках женщиной и в муках завершавших свои короткие, как вздох, жизни, когда их судьбы предопределили ошибки амбициозных генералов, которых ничему не научило октябрьско-ноябрьское отступление к Керченскому полуострову в первом году войны, и теперь май довершал кровавую жатву. «Будьте вы прокляты!». Он не мог тогда знать про это сталинское проклятие, которое услышал представитель Ставки после керченской катастрофы, прибыв на доклад в кремлевский кабинет с дубовыми панелями и длинным столом под портретами Суворова и Кутузова. Воз-

можно, его и не было, этого проклятия. Но в симоновских военных дневниках допускается эта психологическая возможность, и мы не будем ее отвергать.

Пуля его все же нашла. Он неловко упал на руку после сумасшедшего бега по неровному полю, когда сердце было готово выпрыгнуть из груди, и очнулся уже в крытой машине в куче других военнопленных и конвоиров с овчарками, которые подскакивали на ухабах и скулили от неуголимого желания повиснуть у них на горле. Кто-то невидимый болевым приемом выкручивал ему руку, и эта кричащая неммым криком боль осталась в нем навсегда, просыпаясь 9 Мая, в день поминовения погибших, когда на экране телевизора появлялась картинка с вечным огнем и диктор за кадром привычно читал текст, сопровождая его списком жертв, напоминая, что люди по своей натуре еще слишком звери и недалеко ушли от ветхозаветного ковчега, в котором спасались, когда разверзлись все источники великой бездны и окна небесные отворились.

Упрятанный на годы за проволочные ряды, он, как и шесть миллионов других солдат войны, хлебнул через край лиха положения несудимых преступников, которые, вопреки людоедскому приказу июля сорок первого года, панике не поддались, при первой угрозе оружия не бросали, не тянули за собой других. Ему не в чем было себя упрекать и строго судить, как это пытались делать после войны бериевские охранники в фильтрационном лагере Новороссийска. В своих он не стрелял, в карателях не пребывал, а вот однажды пожалел пленного немца, которого ему вместе с красноармейцем-земляком поручили доставить в штаб полка. Напарник трусил идти в стылую ночь, не видел корысти в этом поручении и по дороге чудовищно просто предложил застрелить немца, а когда он сделать это отказался, все же урвал момент для выстрела. Обернувшись на хлопок, он увидел огненно-рыжую голову лежавшего на земле паренька, который уронил фуражку при падении, а теперь непослушной рукой сгребал снег и тащил в рот, видно, горело у него все внутри... Уже после войны вблизи своего дома он встретил того душегуба который оказался

его соседом, но ни тогда, ни позже с ним не заговаривал, вынеся приговор презрением.

«Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...»

Эта блоковская строчка, неведомая герою моего рассказа, вся как бы пронизана поэзией Генрика Ибсена и музыкой Эдварда Грига, великих сынов небольшой страны на северной окраине Европы. В Норвегию он попал не туристом, а узником одного из самых страшных лагерей смерти, откуда не выпускали живыми. Одно упоминание его названия дало ему вольную, спасло от спецлагов НКВД, заготовленных впрок для защитников родины. Из Новороссийска его отпустили без каких-либо хвостов и проволочек — свой счет со смертью он давно выправил. От пережитого он не ожесточился сердцем, только стал немногословным, словно ушел в себя, оправдывая слова большого писателя, удивившего меня неожиданным признанием. «Конечно, к моей радости, — писал Константин Симонов, — я не раз встречал потом на войне и тех, кто остался в живых, пройдя невредимым через тяжкую крымскую эпопею весны сорок второго. Но они даже в дни самых больших побед не любили вспоминать о ней. На разные воспоминания тянуло людей во время войны, в том числе и на трудные. Но на воспоминания о случившемся тогда на Керченском полуострове — нет, не тянуло!»

Он оправдал сполна эту характеристику писателя-фронтовика, хотя какая-то информация мне все же перепала.

Во время кратковременного пребывания в рейхе его вместе с несколькими узниками отвезли на работу в имение, чей хозяин, большой военный чин, был на восточном фронте. А еще через несколько дней пришла легковая машина с офицерами, лица которых красноречивее слов сказали о хозяине. Пленные приготовились к самому худшему, когда вышедшая к ним госпожа объявила, что ее Зигфрид погиб, как подобает гоину, и пригласила всех к столу выпить за упокой его души.

Но самое неправдоподобное ждало впереди. В норвежском лагере (я до сих пор не знаю, что они там изготавливали — оружие возмездия или бочки для

трески) уже в середине апреля, в самом конце войны, подошел к ним, работающим, охранник-немец и спросил: знают ли они, для кого роют вот этот ров. Они, конечно, догадывались, что всех их ликвидируют, заметая следы. «Вы должны бежать сегодня ночью, — продолжал немец. — Ножницы, чтобы резать проволоку, найдете в условленном месте. С вышек будет стрелять конвой, но поверх ваших голов, а если кого зацепит, — не обижайтесь. На то и война». Этот призыв к побегу мог оказаться обычной провокацией, поводом для массовых расстрелов, но выбора у них не было. Ночью они перерезали проволоку, и хотя пулеметы били с вышек, ушли в лес, где скрывались трое суток до прихода союзников. Так они выжили, вырвались из ада, ворота которого, казалось, захлопнулись за ними навсегда.

Хотя, если быть точным, спаслись они много раньше. И вот при каких обстоятельствах. Вы, конечно, помните, как русский солдат Андрей Соколов, герой шолоховского рассказа и не менее известной его экранизации Сергея Бондарчука, выпил, не закусывая, три стакана водки, которая могла влить жизнь в истощенный организм не одного — нескольких военнопленных. Как-то утром, пересекая территорию лагеря, мой герой был остановлен властным окриком высокого офицера в немецкой форме, который сделал знак: дескать, следуй за мной. Зайдя в помещение и плотно закрыв дверь, он задал узнику вопрос на отнюдь не немецком языке: «Откуда ты родом, парень?». «Армянин из Тбилиси». Офицер вышел в соседнюю комнату и вернулся с хлебом и банкой консервов: «Ешь!». Но он есть не стал, сказав, что отнесет в блок, где такие же, как он, голодные, умирающие от голода. Офицер одобрительно кивнул головой и в дальнейшем не раз переправлял через него такие передачи, которые спасли жизнь многим.

И самое неожиданное. Уже вернувшись в Тбилиси после репатриации, мой герой встретил на Колхозной площади офицера из норвежского концлагеря. Гражданская одежда так же ловко сидела на его ладной фигуре, как и военная форма. Он узнал его издалека, сделал невольное движение навстречу, чтобы обнять своего спасителя, привести к себе домой, уго-

стить в ресторане. Но бывший офицер неуловимым движением показал: не обращай на меня внимания. И мой герой понял, что лучшей благодарностью для знакомого будет, если он его сейчас не узнает. Ни сейчас, ни когда-либо. Они разошлись в разные стороны, чтобы уже больше никогда не встретиться.

Мой герой, твердо храня обет молчания, ушел из жизни, не оплатив долг их спасителю. И только много лет спустя рассказал об этом мне, своему зятю, ведь девочка, провожавшая на войну отца и горевшая от жара из-за разлуки с ним, стала потом моей женой.

У НАС В ГОСТЯХ „ГУЛАНИ“

Ассоциация «Гулани»: образована в апреле 1990 г. С 1991 г. существует издательство «Гулани». Из Устава ассоциации молодых писателей «Гулани»: «Независимая ассоциация молодых писателей «Гулани» создана по волеизъявлению юридически независимых профессиональных писателей. Ее деятельность основывается на принципах самоуправления и полной демократии. Ассоциация признает и защищает полную свободу творчества и мировоззрения своих членов, исходит из принципа самоопределения, является независимым юридическим лицом и подчиняется только Конституции Республики Грузия».

Маквала Гонашвили, поэт, драматург, журналист, автор трех поэтических сборников. Первая книга увидела свет в 1985 году. За сборник стихов «Я вас люблю» удостоена в том же году премии за лучшую книгу молодого автора. Президент ассоциации «Гулани».

С Маквалой Гонашвили беседует Динара Кондахсазова, переводчик представленных в нашей публикации рассказов О. Турманаули, В. Талахадзе, М. Цоцколаури и Л. Хубашвили.

— Маквала, а с чего все это начиналось?

— С дружбы. Нашу ассоциацию основала дружба. Мы еще задолго до создания ассоциации вместе проводили поэтические вечера, ездили на фестивали и семинары в Россию, Литву, Армению, Казахстан, выступали в Домах ребенка и в колониях. Словом, вначале было единодушие, затем появилось желание иметь свой альманах, а уже потом родилась идея ассоциации.

— А что означает «Гулани»?

— Как толкует Сулхан-Саба, гулани — это сборник, составленный по велению души для благостного чтения. В старину свой «гулани» был чуть ли не у каждого монастыря.

— А вы не боитесь утонуть в водовороте новоиспеченной прессы?

— Знаешь, ведь в начале века в Грузии было гораздо больше изданий, чем сейчас. Быть может, именно поэтому в то время грузинские писатели знали о своих собратьях по перу во всем мире гораздо больше, чем мы сейчас. Именно это обстоятельство и подвигло нас к изданию альманаха. Ведь это возможность не только, что называется, «себя показать». Хотим

знать, чем живет молодая литература во всем мире, почувствовать ее пульс. Наше поколение не представляет себе, какие нынче в мире существуют литературные течения, что пишут наши сверстники. Мы собираемся тесно сотрудничать с ассоциацией, с переводчиками и надеемся не отстать от жизни. Заботы об альманахе сплотили нас еще сильнее. Так родилась идея ассоциации.

— А каковы ваши принципы и цели?

— Мы назвали себя независимой ассоциацией писателей, а это значит, что мы свободны от влияния какой бы то ни было политической партии. Не хотим и покровительства госструктур, несмотря на то, что материальной базы у нас практически нет. Ассоциация сама должна дать возможность своим членам жить профессиональным трудом, помогать талантливой молодежи издаваться, посылать их в творческие командировки. Профессионализм — вот наше кредо. Талант плюс эрудиция — вот наши основные требования. Наш альманах — литературно-публицистический и художественно-философский. Стараемся предоставить каждому из наших членов максимальные возможности для самовыражения.

— Маквала, все это звучит очень привлекательно и убедительно. Но ведь за желанием «предоставить возможности» должны стоять конкретные и весьма прибыльные по нашим временам дела?

— Поначалу нам, конечно же, очень помогли. И я не могу удержаться, чтобы еще раз не поблагодарить издательство «Мерани» и его директора. Они выступили нашими спонсорами, и первый номер альманаха был издан полностью за их счет. Низкий им поклон. Но потом началась работа — каждодневная и скрупулезная. Знаешь, чего нам стоило составить выходящий сейчас сборник «Судьба»? В него вошли произведения безвременно погибших молодых писателей. Удивительные судьбы. Каждый из них словно бы предчувствовал кончину. Увы, наше время запомнится обилием безвременно ушедших из жизни талантов. И наряду с такими известными у нас именами, как Джемал Топуридзе и Тамаз Бадзагуа, в сборник вошли стихи и рассказы никому не известных доселе писателей из самых что ни на есть глубинных уголков Грузии. Книга иллюстрирована работами безвременно умерших замечательных художников Дато Крацашвили и Сосо Церетели. На выходе также книга, посвященная погибшим в недавней братоубийственной войне. В ней помещены фотографии погибших, независимо от того, на чьей стороне настигла их пуля, их короткие биографии. В книгу

войдут произведения и высказывания писателей о Грузии, о грузинском характере, о прошлом и будущем нашего народа. Задумана она как книга-предупреждение, книга-набат, возвещающий о том, чтобы никогда не повторилось больше подобное бессмысленное кровопролитие. Но оставим скорбную тему. Ведь жизнь всегда берет свое. И вот перед нами чистые листы первой книги, открывающей серию самых знаменитых, самых светлых сказок, любимых детьми всего мира. Надеемся на то, что серия принесет солидную прибыль, ведь мы стараемся распространять книги не только в городах, но довозить их и до глухих деревень. Там они сейчас нужнее всего. Думаю, поддержит и издание «Витязя в барсовой шкуре». Ведь в Грузии издавна существовал обычай включать эту книгу в приданое. Издание очень дорогое, печататься книга будет по рукописному списку. Живем мы и за счет того, что издаем нужные всем нынче пособия по медицинской рецептуре и фармакологии, сборники задач по химии и т. д. Как видишь, сугубо коммерческой деятельностью мы пока что и не занимались. Но могут настать такие времена, что придется заняться и этим. Сейчас подписывается контракт с одной французской фирмой, готовящей фотоальбом по живописным местам Грузии. Взались им в этом помочь. Кому, как не писателям, знакомить иностранцев с родиной? Повозим, покажем, постараемся заснять самые заповедные и труднодоступные уголки.

— При том, что это — ближайшие планы, вам ведь удалось уже кое-кому и помочь.

— Да, стараемся. Выделили средства детям безвременно ушедших из жизни писателей. По нынешним временам — это суммы уже символические. Но мы собираемся помогать им регулярно. И если отцов уже нет, то мы, их друзья, просто обязаны разделить с родственниками заботы о детях. Помним об этом всегда.

— А нет трудностей с выплатой зарплаты?

— Сейчас в штате шестнадцать человек. Несколько раз мы уже были, что называется, на мели. Но в самый последний момент на счет приходили очередные суммы. Словом, зарплата сотрудникам ни на день задержана не была. Наверное, удача нам сопутствует. Не сглазить...

Пока материал готовился к печати, Маквала Гонашвили стала мамой — у нее родилась первенец-дочка Марех. А это самое что ни на есть живое свидетельство тому, что жизнь продолжается. **Счастья и удачи!**

Манана ЧИТИШВИЛИ

Колыбель

(Картинки покинутого села)

Пеплом осыпан очаг одинокий,
Высокая бузина робко стучится в дверь,
В доме твоём с пустыми глазницами окон
Ветер неслышно пустую качал колыбель...
Белою нитью на прялке висит паутина,
Дождь на окне на цветные осколки разбит,
Бусы стеклянные над колыбелью старинной,
Только молчанье теперь этот дом наш хранит.
Филин кричит на потухшие плоские крыши,
Доски на двери прибиты крестом торопливо,
Словно насильники турки-сельджуки, все выше
По лестницам длинным бежит, спотыкаясь, крапива.
Как одиноко становится в сумерках диких,
Не вспыхнет нигде огонек, тьму осветя,
Входит луна из распахнутых окон, и тихо
В твою колыбель ложится она, как дитя.
Пеплом осыпан очаг одинокий,
Высокая бузина робко стучится в дверь,
Боже мой, видела я, как в доме без окон
Ветер неслышно твою качал колыбель.

Стихотворение Марсу

Ты ранил, Марс, меня без сожаленья,
Как птичку коноплянку на пути,
В овчарне слов хотя б стихотворенье
Загородить пыталась я, спасти.

Но в ожидании безмолвно замирая,
Я слышу трепет тетивы тугой,
Святыми именами заклинаю. —
Приди, убей меня и успокой.

Дождем и снегом ты пришло, дождем и снегом,
 И перевясло дикими цветами заплело,
 О время, ты пришло за мною следом,
 О юность, ты нечаянное зло.
 Смотрю я на очаг, давно угасший,
 Где потеряла трут я и огниво,
 Дроздов так много быть должно в местечке нашем,
 Но почему-то их не слышу переливов.
 Тропинки стерлись между скал тревожных,
 Года сбиваю, утирая пот,
 Отняли у меня, что невозможно
 Отнять, пока нас в жизни что-то ждет,
 Не удержать улыбку на устах,
 Судьба тоску мою в слезах замесит,
 То ль нет в лесу ни одного дрозда,
 То ли не слышу больше я их песен.

Перевод Е. ЛЕБЕДЕВОЙ

Давид ТИГИНАШВИЛИ

На народный лад

О, приблизься, жизнь моя,
 Ты прекрасна!
 Сердце рвется на куски —
 Все напрасно.
 Под замком фиалок, роз,
 Тайну прячешь.
 Не смеешься ты при мне
 И не плачешь.
 Озарит ли свет мечты
 Очи эти?
 Знай, моей любви сильнее
 Нет на свете.
 Ты мне солнце, звездный луч,
 Месяц ясный,
 Так открой же сердце мне,
 Ты прекрасна.

* * *

Куда исчезло давнее тепло?
 Соломенная хижина такую
 Мне крохотной казалась. За собою
 Уносят годы, покрывая мглою
 Былые дни и ночи. Все прошло...
 Теперь другие делят пироги,
 Выхватывая из печи Вселенной
 То дармовые сладкие куски,
 А то одну обузу и долги,
 Под взглядом Рока, в злобе неизменной,
 Я свистом, как зачинщик мятежа,
 Сопровождаем, сколь живу на свете.
 В глаза глядят мне счастья сторожа,
 И патлы их лохматит буйный ветер.
 Вот переулок, а за ним тупик.
 Паша́, была твоя здесь раньше биржа.
 О зоне ты рассказывал, старик,
 Паша́, я как сейчас все это вижу.
 Твой, Коба, двор сегодня тих. И дождь
 Вальсирует, как всякий раз в апреле.
 Я верю, что в могилу не сойдешь,
 Пока своей ты не добьешься цели.
 Дружище Пачо, хохотун Бачи,
 Кто учинит без вас дебош в борделе?
 Бежали девки с криком, и в ночи
 Вдогонку им вы, пьяные, свистели.
 Цопе, где ищешь счастья, баламут,
 Где ты, Чопур, где ты, Бакар-шустрила?
 Без вас тоскует мир. И словно жгут,
 Мне душу ностальгия охватила.
 Наверное, финита. Воспарив,
 Покинуло нас время золотое,
 Но в памяти о нем начертан миф.
 О, миф, пора, предстань пред аналогом.
 На миг я разбудил тебя, душа,
 Чтоб рассказала ты о первоизданном.
 А годы все проходят и, спеша,
 Захлопывают за собой капканы.

Селяви

Это песенка, припев ли,
«Было то иль не было»...
Как был мудр извлекший древле
Лестницу из небыли.
По ступенькам поднимался,
Шел Адам по лестнице.
Вниз никто не собирался,
Всем наверх не терпится.
Спорят здесь Маляр и Мастер:
В душу плюнь! Под дых ему!
Жизнь такая, смех и страсти,
Селяви по-ихнему.
К трону лестница и к свету,
Есть и к храму лестница,
Есть — мираж. Она — поэту
Счастья провозвестница.
Сед — подумаешь да выждешь,
Желторот — взлетаешь вмиг.
Есть ступеньки Кобы — выжег
След сапог тяжелый в них.
С облаков же снимут пенки
Только духом сильные.
И нужны им не ступеньки —
Крылья соколиные.

Имир МАМЕДОВ

Стихотворение, написанное в дни безработицы

Я так устал, свинцом налиты ноги,
И тает лед под ними, словно студень...
Простите, потревожу вас немного,
Дозвольте мне присесть, подвиньтесь, люди,
И жажда гложет, и в желудке пусто,

Но все равно вам — что со мною будет,
А я пришел к вам с самым чистым чувством,
Дозвольте мне присесть, подвиньтесь, люди.
Пернатых всех мастей — ворон и галок
Я приглашу за стол — не обессудьте.
Грузинский стих дарю вам — пусть он жалок.
Дозвольте мне присесть, подвиньтесь, люди.
И если я мешаю вам, и если
Меня застолье холодно осудит,
Не прерывайте вашей сытой песни,
Я постою. Не беспокойтесь, люди.

Заза МАГАЛАШВИЛИ

Ноктюрн дождливого города

А в сумерках, расщедрясь, хлынул дождь!
Смыкаю пальцы снова вокруг стакана.
Ни слов, ни слез. С тоской чего-то ждешь,
И тешит слух твой капелек сопрано.
Июнь, ознобом плоть мою пробрав,
Насквозь промок, и город разморило.
Вот женщина, чей нежный взгляд лукав,
Вошла ко мне и легкий зонт закрыла.
О, тайна встречи...
Перестрелка глаз.
Аккорды гулкие фортепиано.
И вновь печаль охватывает нас:
«Какой бальзам мою излечит рану?»
Ответ неведом. Взглядом ухожу
В поля очей твоих, дождем умытых,
Я в душу, словно в книгу, положу
Фиалки цвет, молчанием укрытый.
И будет прошлым то, что мы вдвоем,
И горькою струя воспоминанья.
И змей дождя в сознание мое
Вползет и угнездится тяжелой данью.

Аве-Мария, тебя дожидалась я, Аве-Мария!
Зиму отверг ты, степенную, мудрую зиму,
Дух твой на пепле пожарища, дух твой — **СТИХИЯ.**
Линия жизни, как искра, ладонь рассекает,
Нет, не спасенья — надежды лишь, Аве-Мария!
Снова к любви прикасаюсь рукою кровавой,
День угасающий краски лелеет скупые...
Я и палач, я и жертва любви, но ответь мне,
Кару за что ниспослала ты, Аве-Мария!

Давид ТАКИДЗЕ

Поэзии

От каждодневной, одноцветной,
Наполненной мертвой скукой прозы,
От жалоб, сплетен кабинетных,
От столбиков непостижимых цифр
Бегу к тебе...
И если встретишь
И распахнешь врата лазурные
И дашь послушать воркованье
Лесных пичуг,
Дыхание фиалок,
Таинственный и тихий шепот трав...
За этот миг, единственное это
Мгновенье боли,
Радости, смятенья
Благодарю тебя!

Гия ГРИГОЛАШВИЛИ

Из цикла „Последний раз о прошлом“

1

Вчера во сне ты проплыла...
Что было дальше — не запомнил...
Как будто старость подошла,

Мученьем душу переполнив...
Быть может, это был обман —
Борьба печали и сомненья.
Шептал я: «Прочь, любви дурман!»,
Но... будоражило виденье.

2

Мы повстречались утром. Ты
Шла по размокшему асфальту...
И были радугой мечты.
И нежность слез — звучаньем альта...
Клятвопреступничества боль
В дыханье проклятом всплывает,
И только сердце, сердце знает —
Откуда в струях ливня соль.

3

Встревожит давнюю мечту
Твой силуэт, как из тумана,
Скользнувший в памяти моей,
О, нет, не заживает рана...
Когда-то снова полюблю,
И всех обид забуду жженье,
Но чувству первому не жду
Уже вовеки повторенья.

4

Иные очи соблазнят,
С нетерпеливыми губами
Страсть, на мгновенье воспылав,
Затопчет собственное пламя...
И беспощадные года пройдут,
В свой час пленясь другою,
С уставшей ждать останусь я,
Но все же сбывшейся мечтою.

5

Зачем твой взор тревожен так,
Тая жестокие вопросы?
Недобрым холодом блещат
Твои каштановые косы...
Не червь ли ревности, ответь?

Заметно так мое волненье...
Иль с одиночеством борьба?
Плач по растроченным мгновеньям?
Хоть думы с чувствами в ладах,
Напрасно в сердце заштормило.
Тебе же горе — не беда,
Все, как всегда, как раньше было...

Маринэ ЦХВЕДИАШВИЛИ

Исповедь

Как бесплодное древо, терзает меня,
Май, расцветший в садах, повсеместный владыка,
Топоры разгулялись среди бела дня.
Ствол под ними дрожит, крона грустно поникла.
Брошу якорь — влюбленную пару стихов
Приведет ко мне муза, что в траур одета,
И иссохшие корни заплачут без слез,
Не напоены соком земли, не согреты.
Мне величья друзья и враги не простят.
Знать, сокровищ оставить других не судьба мне.
Одолею я смерть, одолею стократ
Мягким светом добра, отраженным от камня.

Иза ДЖАЧВАДЗЕ

* * *

Все как будто в тень подались,
Я ж всегда под сенью солнца.
Шелестят, как листья, мысли.
Уж весна. И растерялись
Хлопья снега. Вот повисли
И уплыли тучи. Знать бы,
Нынче думаешь о чем ты?
Щебет ласточкиной свадьбы...
Гость — весна на ней почетный.
В белых платицах ткемали вдоль дорог.
Боль глаза мои в рыданьях затопила.
Но увидеть эти слезы ты не мог.
Та же боль их в майских ливнях растворила.

Монолог Родерика Ашера

«Меня гнетет грядущего мерцанье...»
Боль в мутных генах выбивает дробь.
О, Меделайн, молю, останься в склепе,
О, Меделайн, не покидай свой гроб.
Моя душа на глыбах распласталась,
Накрыл ее сырого мха бугор.
Ах, Меделайн, так плоть моя печальна,
Как стершийся и выцветший фарфор.
И через край глаза полны безумьем...
Кошмары пляшут, скачут во всю прыть...
До смерти, неизменно, непрерывно,
Неистребимо вьется жизни нить.
О, в свой кровавый завернувшись саван,
Придет, со стоном дверь толкнет она...
Пусть только в срок разверзнутся болота,
Пусть только в срок обрушится луна...
«Меня гнетет грядущего мерцанье»...

Бесик ШАКИАШВИЛИ

* * *

Раскаянье теперь зовут ошибкой,
Любовь теперь изменою зовут,
Вздросг сердца... Жаром воск растоплен липкий,
И перья крыльев по морю плывут.
Я опоздал. Капканом благолепья
Обманный черный мир к себе манил,
Дождь снов моих сменял на черствый хлеб я,
И хлеб водою ключевой запил.
Когда же в грудь швырнул мне ветер скалы,
И не мечтал уж о спасенье я,
И покрасневших глаз моих усталых
Коснулся свет из теплого жилья,
В тот миг, когда разрушенная церковь,
Как солнца луч расщеплена, померкнет,
Когда настигнут пуля и цветок
Меня — воскликнуть должен: «Славься, Бог!»

Волчья ночь

Пространство, неохватное для взора,
К луне взметающийся волчий зов,
Бледнеют ночи темные узоры,
И лай собак летит во мглу лесов.
О чем ты, дом, задумался спросонья,
О чем скрипишь, на что теперь готов?
Быть может, вспомнил магов беззаконья,
Из детских снов моих сорвиголов.
Казались рыцарями вы... Сегодня,
Я знаю, вы подлее диких псов.
Тогда не мог в их облике представить
Я палачей великого Ильи...
Звенел чонгури бабушки и славил
Их руки, недостойные земли...
Обман, обман... Чреват чумою красной,
Мой край родил чудовище. Теперь
Узнать бы — цвет какой ломится в дверь,
Благословенье где? И где опасность?
Бойцами, что без страха и упрека,
Убит, проколот копьями дракон...
Мы в хаосе, парламент и закон
Найдем ли? Извлечем иль нет уроки?
В скандалах забывающие Бога,
Оставив веру нищенкою, мы
Узрим еще другого змея око,
Светящееся из грядущей тьмы.
Движение судьбы неумолимо,
Двухтысячный уж на пороге год,
Какой к нам аспид огненный вползет,
Какой нас гений от него спасет?
Пути Господни неисповедимы.
И то, что разуму постичь нельзя,
Небесная поведает нам воля —
Что рабство — нами выбранная доля,
Но лишь свобода — верная стезя.
Правители не вечны. Время их
Меняет, как перчатки. И молюсь я

Соединить свои мысли

**С шумом ракушки, возвращенной на дне морском;
Теряя друг друга еще в материнском чреве,
Несем на плечах неизменно пространство изменчивое.
Из ракушки снова глядит очами морскими на нас
Отраженное в капельках прошлое.**

**Сегодня не жемчуг остался нам — только лишь шум,
И снова мы ищем в том шуме свой голос, поскольку
Должны отыскать его; в розовом солнце гробу
Исчезнет в могиле, как переживанье в слезе;
Я стала тобою, твоими глазами смотрю на свое бытие,
Что переполняет меня.**

**Привыкли мы странствовать в душах чужих и сердцах,
К себе ж возвращаемся, словно усталые путники,
И вечную даль горизонта, что сердцем измерена,
Мы жизнью зовем...**

**Жизнью, что каплей дождя, переливающейся под
солнцем,**

Вмиг обесцветившись, вдруг испарится.

Времени не ощущая, течет себе жизнь.

Свобода безбожно растрачена

В тупике невозможности выбора.

**На позвоночнике хрупкой надежды земля продолжает
вращаться,**

**И, умудренные опытом, мы по наитию сыщем дорогу
в тумане,**

Когда в вихрях космических боль наша высохнет.

Заблудившийся путник, забыл я,

Когда на тропу незнакомую эту вступил.

Теперь же мне кажется,

Это — не дождь блекнувших дней, дней замутненных,—

Это — плач Богородицы...

Дарованы муки, как будто духовная глина,

Из глины все черпают, черпают чьи-то незримые руки,

Мы вновь терпеливо могучей весны ожидаем,

Расцвета, расцвета...

Цветы говорят нам о зрелости духа...

Устами пустоты целует смерть нас,

И вновь небытие ласкает болью...

Врастает в душу страх, как в землю корень,

И, убегая от самих себя,

Опять в чужих скитаемся мы душах.

Лишь сильному избраннику дано
Остаться в одиночестве.

Вновь я стою у окна ожидания

И смотрю на дорогу, откуда идешь ты ко мне,
Потому что я жду, до последней струны, что еще не
оборвана.

А где-то вновь гаснет свет,

И падаю я в багровую пыль.

Иду в одиночестве по голубой тропе тоски,
Больная Вселенная снова со мною, снова моя,
Я знаю, что появилась из мглистых пространств,
Чтоб причаститься великому Преображению,
Чтоб звезды меня убаюкали снова.

Зураб АСКАНЭЛИ

О, горе верности такой!

«...Ноины послали гонцов к обоим ханам...
Ханам было донесено о нравах и характере
завоеванных народов... Грузины, мол, зело
добры, лжи не ведают, не найти среди
них предателей и отравителей...

Эристава грузинские войска свои ведут в
самое пекло наших сражений, дабы цену под-
нять себе. Изумлены были монголы, взирая
на то, как в «несчастьи великом» не щади-
ли жизни грузины, дабы угодить врагам
своим».

Л. Саникидзе. «Сабли без ножен».

Осада, дым и пепел, и ржанье лошадей,

Монголы и грузины штурмуют Аламут.

«Ноин убит кинжалом в спину!» — из шатров

С проворными гонцами дурные вести шлют.

И смотрят с подозреньем монголы на грузин,

И в лагере волнение великое, но вот

Раздался глас монгола: «Не мог убить грузин

Чэгату, потому что грузин не предает!»

О, горе

Верности такой,

Скрепленной нерушимой клятвой!

Я плачу кровью, пролитой
За недруга, а не за брата!

В чалмах персидских войско индийских крепостей
Могучие твердыни разрушило шутя,
Ираклий, «мхедрионцев» глава, на скакуне
Гарцует, рядом пули смертельные свистят.
Картвелов ополченье преграды на пути
Сметает и несется вперед, всегда вперед.
Таран врата ломает, звучит победный клич,
И Надир-шах доволен: «Грузин не предает!»

О, горе
Верности такой,
Скрепленной нерушимой клятвой!
Я плачу кровью,
Пролитой
За недруга, а не за брата!

Село на загляденье стоит — Бородино.
Французов Бонапарта погибель здесь ждала,
И чудеса отваги явил Багратион,
Не пал герой под пулей, хоть пуля грудь прожгла.
И молвят в восхищенье солдаты: «Богатырь!
Пусть ранен — бьется лихо на смерть, не на живот!
Ура! Ура! Он с нами, герой Багратион,
В веках герою слава! Грузин не предает!»

О, горе
Верности такой,
Скрепленной нерушимой клятвой!
Я плачу кровью,
Пролитой
За недруга, а не за брата!

Тамар МАХАРОВЛИДЗЕ

Искушение весны

Ручаюсь честью, что — богов обитель —
Предстанет небо нынче, как всегда,
Я до тебя жила, как сказки зритель...
Исчезла сказка, что в песке вода.
Есть целый мир — сравню его с апрелем,

Улыбкой расцветающим твоей...
А ветерок, как шлюха, спьяну трели
Мурлыкает в компании теней.
Он пеструю суму грехов прелестных
Закидывает лихо за плечо,
А над утесом рока бессловесно
Повиснув, солнце светит горячо.
Там, за тобою, горизонт белеет,
Пространства захоронены зимой,
Я так ждала апреля-чародея,
И он пришел вселенскою тропой.
В его гортани — радуги цветенье,
Чей не заманит слух благая весть?
Вселенная — одно стихотворенье,
И песнь любви — единственная песнь.

Бадри ТЕВЗАДЗЕ

* * *

Всё до лампочки Европе,
Штатам, да и прочим.
На века им хватит гнева
Моей скорбной ночи.
Рассечен, распят, распорот,
За спокойный сон их
Сто сынов отдал народ мой
За десять спасенных.
Солнце гасло в ясном небе,
Мы за веру бились...
Нам велел единоведец,
Чтобы покорились.
Мы ж оковы разбивали,
Пели «Аллилуйя!»,
Призывая Богоматерь
И Нино святую.
Парус ненависти поднят
Лютый — не иначе,
А любовь в углу побитым
Мальчуганом плачет.
Горлу гордого народа
Не до сладких трелей.
Трель проклятья захлестнули
На заре, в апреле.

Ибо ядом тайным брызжет
Враг — и ядом явным,
Хочет взять в полон Отчизну,
Справить пир кровавый
Над рожденною в печали
И с петлей на шее.
Братья! Чтобы не погибнуть,
Будем же добрее.
Примирился, братья!
Все вы,
Нищетой томимы,
Биты, гневны, изнуренны,
Но вдвойне любимы.

Давид ЧИХЛАДЗЕ

Муэдзин, мальчик, шлюхи и поэт

На тверди лунного серпа лежит Зирака¹, как серьга,
повисла крохотка-звезда у золотых кудряшек
лунных.
Несчастный этот муэдзин² глаза зажмурит крепко так,
чтоб ничего вокруг не видеть.
Застенчивым подростком ветер сомкнет ресницы шлюх
точь-в-точь, как ирисов ряды бессчетные.
— Зирака! — мальчик³ позовет, — спустись ко мне,
хочу живот твой тронуть нежно, как ласкал
коня отцовского, что был белее молока...
И лишь поэт⁴ на камни сядет, к хрустальным
девичьим ногам, в воображении своем красу
Зираки он по-всякому представит.
Поет Зирака у шатра: «С луною встретится Зухра⁵
сегодня ночью, водяных блестящих струн

¹ Зирака — реальное лицо женского пола, существующее всегда.

² Муэдзин — он иногда печально поет по ночам во время чаепития.

³ Мальчик — символическое представление о всех достигших зрелости мужчинах.

⁴ Поэт — реальное лицо мужского пола, существующее всегда.

⁵ Зухра — планета.

коснувшись, рябь воздушная бежит по ним,
звук извлекая изощренно.

И с минарета муэдзин в испуге спрыгнет, убежит,
чтоб ничего вокруг не слышать.

И сладость меда той любви, той первой, невозвратной
той, вдруг ощущают шлюхи на губах...

И в нежных легких чистый храм тлетворным
куревом кадит мальчонка, в дыме анаши,
в мечтах является ему не встреченная на земле
любви избранница грядущей.

И в книгу неизбежных дней поэт запишет все слова,
своею кровью напитаю перо.

Луна и после много раз с Зухрою встретится, но вот
что интересно — кто похитил юную Зираку?

И связанные ниткой бус, Зираки слезы у земли,
игривым дождиком кружась, в постель луны
забрались резво.

Там снова песню муэдзин поет и, воздуха глотнув,
взор устремляет на луну, тоскуя по Зираке,
но тоски своей не понимая.

И с этих пор, закрыв глаза, в ромашковый гамак
любви ложась, мечтают шлюхи, их мечты похожи
на цветок — Зираку.

И мальчик, встретивший любовь, коня-красавца
оседлав, поскачет с девою на луг блаженной
страсти с жаждою благословенных грез—Зираки.

И лишь поэт в душе своей отыщет книгу, точно как
жемчужину на самом дне неведомого океана,

И в книге той увидит он, как превращается струя
горячей крови в зерен горсть, горсть спелых
зерен золотых — Зираку...

Вахтанг ГЛОНТИ

Печальная песня

Оправданий не ищу теперь я.
Жив ли я, иль нет меня на свете...
Уходите все. Закройте двери.
Я виновен. Я за все в ответе.
Осужден, стою перед тобою,
Гаснет память, утопая в Лете.

Дорогие, дайте мне покоя,
Я виновен. Я за все в ответе.
В душу мне, как в лодку, побросайте
Все грехи за все тысячелетья,
Проклиная, яму засыпайте,
Я виновен. Я за все в ответе.
Еретик, молю, не спорь со мною,
Не брюзжи, гонитель, благодетель...
Дайте, драгоценные, покоя,
Я виновен. Я за все в ответе.

* * *

Да не простится влюбленному ныне и присно,
Если обидчика избранной он убоится,
Смертью напуганный, если простит оскорбленье,
Да не простится!

Сыну дурному прощенья нет ныне и присно,
В смертный час матери если не будет молиться
Рядом с одром, а пирушке отдаст предпочтенье.
Да не простится!
Да не простится!

Нету прощенья притворщику ныне и присно,
Кто за отечество слез проливает водицу,
Кто за отечество кровь пожалеет в сраженье.
Да не простится!
Да не простится!
Да не простится!

Важа ОТАРАШВИЛИ

Задумчивая, тихая, как рыбка...

И всякий был тебя покинуть рад,
А верность лишь любовь и смерть хранили,
И шея, отклоненная назад,
Казалась выросшей из снежной пыли.
Одну любил ты женщину, одну,
Задумчивую, тихую, как рыбка,
Когда ты безвозвратно шел ко дну,
Свет излучала лишь ее улыбка.
Шло время. Под диктовку сердца сам
Ты бросил многих, и тебя бросали,
И, обращаясь взором к небесам,

Ты думал: жизнь мне раньше показали.
Ты мчался за теньями облаков,
Что ветра вопль пророчил — неизвестно,
И был спасеньем лишь любимой зов,
Как рыбка, молчаливой и прелестной.

Темур ШАВЛАДЗЕ

В детстве, по Божьей милости

Родню я вспоминаю, землю, дом,
И детство... Храм был Библией моею;
Болниси, мне казавшийся челом,
Честной главой апостола Матфея.
И благодатный сад по вечерам,
Когда закат на ветках золотится.
По Божьей воле я, не зная сам,
Рай посетил тому назад лет тридцать.
И были святы, словно Иоанн,
Лука и Марк, те дни мои в Болниси,
Дождь, полный солнцем, утренний туман,
И радуга в умытой ливнем выси.
Вы были, есть и будете всегда,
В душе моей вас вечность окрестила.
И души близких мне людей звезда,
Ниспосланная вами, осветила.
И хоть разрушен мост, и хоть давно
Цветные сны не снятся мне, как ране,
Увы, вчера и завтра — не одно
И то же...
Детство скрылось за горами.
Но старый сад... Книг ветхий переплет.
Мечтания, наивность, упованья...
Был Библией моею храм в тот год
Последнего с ребячеством свиданья.

Лали ТОТАДЗЕ

И снова ждут...

Потоки жаркой крови кипят в тебе, бурлят,
И берег плоти лижут, и разбивают плоть.
В роду поэтов бесы самоубийства спят,

3419353-20
ЖИЗНЬ

И вечного проклятья, увы, не обороть.
 И выброшена настезь, как сыпь проказы,
 Бокалом с темным ядом, намыленной петлей,
 Холодным пистолетом, чуть наклоненным вниз,
 И под мостом текущей холодной водой.
 И беды те мелькают в сознании твоём —
 То бодрые, как утро, то дряхлые, как ночь,
 И снова ждут, чтоб словно пасхальным яйцом
 Ты год украсил красным, чтоб жизнь прогнал ты прочь.

Переводы Владимира САРИШВИЛИ

Владимир САРИШВИЛИ

Мотылек

Порою позднее я следил за бурым мотыльком —
 Как он узоры выводил, кружась над нощником.
 Вторую ночь не знал я сна, платил стихам оброк.
 И прошептал мне, подлетев, мохнатый мотылек:
 «Смотри, сейчас я превращусь в подобье челнока...
 Ложись — и вознесемся ввысь, в ночные облака,
 Три звездных царства посетим, понравится — живи,
 Нужды не зная ни в деньгах, ни в славе, ни в любви».
 В тумане Черного кольца и Ведьмовской метлы
 Гнездились на вершинах гор надменные орлы,
 Во мне признали вожака; почтительно склонясь,
 Проклекотали: «Мы с тобой, веди, Орлиный князь!»
 И я призвал могучих птиц на самый край скалы,
 И, рассекая облака, низринулись орлы,
 Когтями рвали белых коз, я с ними пировал,
 И хищной радости мороз все круче лютовал.
 Охота, пища, отдых и — опять охота, пир,
 Орлиный князь, я был кумир, но разве в этот мир
 Затем забрел я погостить, чтобы других гостей
 Убить, сожрать, запить, забыть — толстей, орел,
 толстей...

И на заре взмолился я: «О, милосердный Бог,
 Пусть поскорее прилетит мой верный мотылек!»
 И вот я вновь несусь стремглав в пушистом челноке
 В галактику Свободных трав — она невдалеке...
 Я стал травой, сочно жил, меня любил цветок,

Но нити цепкие корней я оборвать не мог.
И я взмолился: «Боже мой, неужто мне судьба
Клониться по ветру всегда с покорностью раба...»
И снова прочь умчал меня проворный мотылек,
Прощай, цветок, и плоть моя — пожухлый стебелек...
Созвездие сапфирных бус блеснуло, ослепив,
Я вырыл клад, я стал богат, капризен и спесив,
В саду своем я поселил павлинов и макак,
Я пил нектар и я курил отборнейший табак,
Никто таких не ел конфет, такой рахат-лукум,
И мне завидовал сосед по имени Лукулл...
Но как-то раз я объезжал владения свои,
Прилег под деревом вздремнуть — вдруг язычок змеи
Провзил мне руку... Страшный яд... От смерти лекарь
спас,
Но целый год я не смыкал от боли ночью глаз...
И снова Богу я вознес горячую мольбу:
«Взгляни, заступник мой, Христос, последнему рабу
Сегодня слаще жизнь... Исход даруй мне, — не исток»...
И прилетел на зов и сел у ложа мотылек:
В мгновенье ока перенес на Землю, к ночнику,
И стал вокруг него кружить, и больше — ни гу-гу...

Омар ТУРМАНАУЛИ

СЕЛЬСКАЯ ЭФЕМЕРА

Жаркое солнце полудня. На склоне горы — несколько домов с черепичной крышей. Голенастая девушка на пыльной сельской дороге. На ней тесная школьная форма, из которой она словно пытается высвободиться. Девушка поет. У нее хрипловатый, неприятный голос, как у стрекозы, но природный, и потому кажется столь же естественным, как стрекот стрекозы.

Где-то и в самом деле поют стрекозы. Жарко. Девушка идет к роднику, в руках у нее кувшин. Родник чистый и холодный. Возле родника девушку ждет водитель самосвала. Неделю назад познакомились. Водитель бездушен и страстен. Девушка закончила восемь классов и очень простодушна. До несуразности. Она улыбается водителю. Пьет родниковую воду и говорит, что вода очень холодная. Говорит просто так, не задумываясь. Она не чувствует ледяного холода родниковой воды, да и вообще не думает о роднике. Думает о другом. Не может она сейчас думать о роднике. Или же о хлебе. Или о жаре... Оба смотрят в сторону леса:

волосатый водитель самосвала,
девушка, закончившая восьмилетку.

Обоих манит лес. Водитель знает, почему. Девушка чувствует это инстинктивно. Но сказать что-либо вслух никто не решается. Вернее, не решается девушка. А у водителя недостает ума, чтоб завлечь ее. Наконец:

— Пойдем в лес, — говорит он, задыхаясь от нетерпения.

— Пойдем... Там прохладно, — обманывает сама себя девушка.

Лес темный и большой. Такой большой, что в нем даже великий грех человека кажется ничтожно малым. Такой темный, что кажется, будто можно в нем укрыться и от взора Божьего. Лесом покрыты склоны вы-

соких гор. В ущелье меж горами течет река, в эту реку впадает родник, чистый родник... Из леса сквозь раскинутые зеленые ветви виднеется небо. Ясное. Синее. У девушки закрыты глаза, и она не видит неба, трепещет, охваченная сладостным чувством, между влажной прохладой земли и знойной тяжестью тела водителя.

В синем небе сиротливо жужжит самолет. В иллюминаторы на зеленое ущелье устремлены сотни пар глаз, водитель смутно слышит гул самолета, но не чувствует никакой опасности и не отрывает волосатое тело от почти детских бедер... Из иллюминаторов кажутся игрушечными дома с красными черепичными крышами. А мать девушки, еще недавней восьмиклассницы, вообще не видна. Она работает в огороде одного из домов с красной черепичной крышей. Ее почерневшие от солнца руки пахнут землей и сорняком, загорелое лицо лоснится от пота.

В безоблачном небе печально жужжит самолет.

Жарко. Мать девушки думает о роднике. Холодном. Чистом. Не раз вспоминался он ей на протяжении жизни, от воспоминания к воспоминанию она меняется, седеет, родник же, вечно текущий, вечно изменчивый родник, остается неизменным... На дороге, со стороны родника, появляется девушка. С кувшином, в котором холодная, чистая родниковая вода. Она идет медленнее обычного (или так кажется матери, изнывающей от жажды). Чтоб войти в деревню, девушка должна пройти Саплавтгори, древнее кладбище, где старые могильники почти стерты, и торчат из них только замшелые глыбы. Более поздние могилы можно отличить по дубовым крестам. А теперь уже могилы ограждают железными решетками. Когда умрет мать девушки, на ее могиле поставят только деревянный крест, на железную решетку нужны деньги. А чтоб заработать их — нужен работник. А ее единственная дочь... Двадцать минут назад в ее здоровом чреве зародилась новая жизнь. Об этом никто не знает: ни мать девушки, ни волосатый водитель и ни она сама. Пока что знает об этом один лишь Бог да, возможно, еще и Дьявол. Или наоборот: знает только Дьявол да, возможно, и Бог. У водителя каменное сердце, но он страстен и горяч. Как только проведает он, что наивная, казалось бы, слабоумная девушка отяжелела, тотчас переедет в другой район,

скроется. А семя, оставленное им в теле девушки, даст росток.

Человеческая клетка, подобно клеткам всех других животных и растений, умножается делением. Каждая клетка состоит из сорока шести хромосом. При делении клетка растет. Посередине увеличенной клетки появляется разделительная линия, затем на этой линии выстраиваются сорок шесть хромосом, одна половинка каждой хромосомы находится по одну сторону линии, вторая — по другую, затем каждая хромосома с разделением ядра клетки делится пополам — и во вновь образованных двух клетках также по сорок шесть хромосом. Сперматозоиды и яйцеклетки — тоже клетки, но особенные. Это полуклетки. Они содержат половину из числа хромосом, и лишь соединением сперматозоида с яйцеклеткой рождается одна полноценная клетка, из нее — новые клетки и далее — новый организм, в данном случае — новый человек...

Прежде чем выпить воды, мать девушки ополаскивает лицо, моет руки, потом сухими губами прикикает к горлышку кувшина и пьет. На пыльной сельской дороге появляется мужчина, смотрит в сторону, где находятся мать и дочь, и направляется к ним, шлепая резиновыми сапогами с обрезанными голенищами. На нем ватник (в эту жару!) и синие шерстяные брюки, заправленные в «безразмерные» носки. Мужчина этот уверен, что все пытаются его обвести (может, и не ошибается), и что за каждым словом скрывается какой-то непонятный ему смысл. И он тщетно пытается порой из беседы людей или же из их молчания извлечь какой-то смысл. Вот и сейчас он, напрягшись, приближается к женщинам, которые работают в кукурузнике. Почему они не смотрят в его сторону? Он еще издали здороваётся с ними. Ни мать, ни дочь, пережившая такое потрясение и поглощенная испытанной недавно болью, не слышат его. Путник замедляет шаг, на мгновение останавливается в ожидании ответа, не знает, как ему быть. Они в самом деле не слышат его или?.. Наконец, вероятно, чтоб показать женщинам, что он раскусил их притворство, он хитро улыбается, хши-хши-хши, — смеется сквозь зубы и снова резиновыми сапогами поднимает пыль на дороге... Идет из одной деревни в другую.

Мужчина подходит к роднику. Пьет. Ополаскивает

лицо и шею, вытирается грязным носовым платком и продолжает путь...

В лесу на влажной земле остался след от тела девушки, недавней восьмиклассницы. Выползший откуда-то еж с отвращением и с трепетом принюхивается к запачканным кровью листьям. Кровь видна и на зеленых травинках. Идущий мимо мужчина ничего не знает и никогда ничего не узнает.

Придя в другую деревню, он обойдет магазины (в той деревне, где он живет, нет магазина), заглянет перво-наперво в хозяйственный магазин, купит веревку и заступы (без рукояток), разговаривая с продавцом, привычно засмеется — хши-хши-хши, потом зайдет в продовольственный магазин, купит детям (у него их двое — мальчик и девочка) конфет и пряников. Все это сложит в рюкзак, тщательно затянет бечевку, обнажив почерневшие, желтые зубы. При выходе из магазина его встретят крестьяне, идущие в столовую, и позовут с собой. Они основательно заправятся кислым дешевым вином. Мужчина то и дело будет смеяться — хши-хши да хши-хши... Наконец они встанут и разойдутся. Мужчина пойдет дальше. Проходя по мосту, он оступится, упадет в реку и утонет. На четвертый день его, разбухшего, найдут в четырех километрах от моста. На поминки придут и те крестьяне, с которыми он пил. Напившись, они вспоминают:

— Когда мы расходились, он, кажись, не был пьян, — говорит один.

— Видать, развезло его по пути, — возражает другой.

А третий добавит:

— Это мост во всем виноват, он сбивает с толку...

Будет на поминках и директор той столовой, где выпивали крестьяне (вообще-то в той деревне одна-единственная столовая). Когда придет время собирать деньги, он поверх своего пуза бросит взгляд на список, кто сколько пожертвовал, и положит столько же, сколько председатель колхоза.

— Рюкзак был у него на спине, когда вытащили из воды.

— Может, под тяжестью его он и упал с моста, кто знает.

— Эх, известно, смерть сказала: «Я не убью чело-

века так, чтоб в его смерти винили меня...» Ты сколько положил?..

— Двадцать пять... Он и сам дал столько на поминках моей матери, я хорошо помню...

— Ты, брат, мог бы и больше положить, небось сотню в день имеешь... Чего на меня-то глядеть, мне и лимонадная крышка двадцатикопеечной кажется.

— Хи, хи, хи...

— Ха, ха, ха...

— Да потише, стыдно...

— Эх, нам бы прожить без болезней, пока эта, с косою, призовет, а ему уже ничем не помочь... Светлая память... И дай Бог здоровья его деткам, им жить да жить.

— Светлая память, и пусть Бог поможет его детям.

— За детей...

— Дай Бог...

Так пройдут поминки...

...Ежу знаком запах крови, но столь странный запах не принадлежит ни одной его жертве. Он брезгливо сопит и спешит покинуть место греха человеческого, шуршат листья под его короткими ножками. Мужчина ничего не знает об этом, топает по пыльной дороге в своих резиновых с обрезанными голенищами сапогах. Идет из одной деревни в другую...

Жена у него — умелая и энергичная женщина. Не раз была подмогой ему. После смерти мужа она сделает все, чтоб дети были сыты и одеты. Но будет горько плакать, узнав о гибели мужа. Недавно, когда убили их корову, она тоже плакала, а мужа жаль куда больше. Сколько лет прожили вместе...

Детей на поминках посадят особняком — в конце длинного стола. И дети покойного, дочь и сын, среди своих ровесников. Чего только нет на столе! Разве что на свадьбах да поминках можно видеть такое обилие. На этот раз брат с сестрой могут угостить своих друзей. И девушку, недавнюю восьмиклассницу, мать посадит с детьми. Наследники покойного очень похожи на него, и смеются так же. Хщи, хши-хши — засмеется брат, хши-хши-хши — отзовется сестра, но вспомнив, что в семью их пришла беда, вмиг замолкнут.

Жарко.

Поднимает пыль по дороге мужчина, который скоро

станет утопленником, идет из одной деревни в другую.

...На поминках самая серьезная среди детей бывшая восьмиклассница. Ей чужды эти дети, их проблемы. Она сидит подле них, но внимание ее приковано к взрослым, что так серьезны, что все знают. В надежде понять, что с ней происходит, она прислушивается к их разговору — может, что-то и узнает. И женщины в черном сидят отдельно — с озабоченными, опечаленными лицами. Но в сравнении с переживаниями девушки, с ее тревогой, ничтожно малым кажется даже горе самой жены усопшего.

Над столом натянут соломенного цвета брезент — на случай, если пойдет дождь. Но небо безоблачно, лишь на западе, у самого горизонта повисли прозрачные пряди пурпурного облака — знак погожего дня на завтра.

Тамада произнесет последний поминальный тост. Наступят поздние сумерки. Удлинятся тени, почернеют. Девушка и ее мать после поминок останутся у соседки. Вместе с другими женщинами помогут убрать со стола и помыть посуду, одолженную у соседей. Домой пойдут уже в полной темноте. Девушка бросит взгляд в сторону родника, затаившегося леса. Родник, конечно же, не виден, да и днем его отсюда не увидеть, но зато виден черный горб старого кладбища, и на нем — крест, точно человек, разведший в стороны руки от удивления. Новый крест, хши, хши, хши — да, крест того мужчины...

Девушка собирается спросить у матери... Признаться во всем и потом спросить, что все это значит, ну вот что водитель... Но передумает. Водитель скажет ей все, не может он не знать...

— Знаешь что... Когда ты... мне больно... ой... ой... больно...

Одуревший от страсти водитель что-то отвечает, глубоко, часто дышит, и, наконец, когда все должно кончиться, всей тяжестью припадает к девушке, руками сжимает ей бока. Еще несколько движений, несколько глубоких вдохов, громкий выдох и все... Некоторое время он лежит на ней, обмякший, затихший. Ей в это время трудно дышать. Наконец он, кряхтя, встает. Поспешно застегивает пуговицы на брюках, повернувшись

к ней спиной и глядя на дорогу. Девушка хочет спросить, что все это значит... Ничего плохого не случится потом? Но боится — водитель смотрит на нее безучастно и — может, это кажется ей? — даже с брезгливостью. Потом он бросает воровской осторожный взгляд на дорогу, не идет ли кто, боится, чтоб их не увидели, когда они выйдут из леса. А выйдя на дорогу, поспешно, не оглядываясь, уходит. Но бывает, каждый в одиночку выходит из леса. Так продолжается несколько недель, почти каждый день повторяется одно и то же. Выйдя из леса, девушка говорит, что завтра она не придет, но на следующий день по-прежнему идет к роднику.

Все еще жарко.

Поют цикады. А девушка, идущая по пыльной сельской дороге, не поет, идет молча. Постепенно ее охватывает чувство вины. Ей страшно.

— Знаешь что... Ничего плохого не случится потом? — спрашивает она, наконец, у водителя.

Остывший от страсти, он осторожно выглядывает из-за кустов.

— Чего? — оборачивается он к девушке и смотрит на нее глазами пойманного с поличным, глазами, в которых сквозит страх и недоверие. Такое выражение бывает у схватившего кость бродячего пса, когда к нему приближаются деревенские мальчишки, вооруженные палками и камнями. Некоторое время он смотрит на испуганную девушку со злой брезгливостью, потом, ворча под нос, снова смотрит на дорогу:

— Да нет, что может случиться плохого... Ведь это хорошо, а?

— Да, это хорошо... Но... Потом ничего не будет?.. Ну, ребенок, скажем?..

— Какой еще ребенок?.. Ничего не будет... — И убедившись, что на дороге никого нет, поспешно выходит из-за кустов. Девушка, охваченная предчувствием чего-то недоброго, остается там, за кустами, бессмысленно смотрит вслед уходящему. Вдруг, выйдя из оцепенения, она садится, поднимает платье и смотрит на свои ноги, щупает их руками, потом проводит рукой по животу и влажными от слез глазами снова смотрит на дорогу, на которой уже не видна спина волосатого, грузного водителя.

В далекой сини неба сиротливо жужжит самолет: ззззуууууууу, жужжит печальный, одинокий. С земли он кажется совсем маленьким, как муха. Девушка и не представляет себе, что в этой металлической мухе сидят люди и с любопытством глядят на зеленые ущелья и реки. А тем, кто сидит в самолете, так же трудно представить, что под ними, в одном из ущелий, под кустом сидит со спущенными трусиками девушка и влажными глазами глядит на дорогу, из самолета не видно ни дороги, ни идущего по ней бездушного, черствого водителя.

— Посади меня к окошечку, мама! — просит четырехлетняя девчушка и тянется к иллюминатору. И мать, и ее дочь впервые летят самолетом. В иллюминатор видно сверкающее крыло. Огромное крыло. По вертикали от крыла тянутся зеленые ущелья и снежные горные вершины. Среди лесистых гор, в ущелье ниточкой извивается река. На склоне горы, словно игрушечные, стоят дома с красными черепичными крышами. Из самолета не видно холодного родника, возле которого, в прохладном лесу, на прохладной земле зародилась жизнь этой маленькой девчушки. Не видны также старые и новые кресты на старом кладбище. Под одним из свежих крестов лежит бабушка этой девчушки. Не виден и дом их с заброшенным, заросшим бурьяном двором. Все поросло здесь сорной травой. Той самой сорной травой, с которой так отчаянно боролась бабушка четырехлетней девочки. Руки бабушки весной пахли сорной травой и землей...

На соседнем участке трое мотыжат землю — вдова утопленника и его дети — дочь и сын. Дети то и дело смеются, и тогда мать словно воочию видит мужа. Надо же, как они похожи на отца! Когда его, несчастного, вытащили из воды, он был весь черный, раздутый, не похожий на себя... С трудом узнала она его. Но рюкзак был на спине. В тот же вечер она развязала бечевку на рюкзаке и вывалила прямо на пол его содержимое — заржавленные заступы и месиво из пряников и конфет-подушечек.

— Не довелось тебе порадовать ребятшек да самому насладиться их радостью?! — запричитала тогда несчастная вдова. Конфеты и пряники ни на что уже не

сгодились бы, но рюкзак и заступы... Прошло почти пять лет с тех пор, а рюкзак все еще служит вдове, а теми заступами мотыжит она каждую весну...

Жарко.

Дети работают наравне с матерью.

Отчаянно стрекочут цикады.

Дочь смотрит в ту сторону, где за старым кладбищем течет родник.

— Мама, пойду за холодной водой, а? — говорит она матери.

— Нет, я пойду, мама! — говорит сын.

Брат с сестрой ссорятся. Мать отпускает обоих, но сестра не хочет идти с братом.

— Я знаю, почему, — говорит брат. — Сказать? А? Сказать маме? А? Вот и скажу! Хши, хши, хши...

— Мама! Ну что ему надо, пусть отстанет! Чего выдумывает?.. — обижается сестра и плачет.

Старое кладбище безмолвствует. За ним течет родник, за родником шумит деревня.

Старое кладбище безмолвствует.

На небе, словно растерянная муха, сиротливо жужжит самолет.

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

Сгорел, испепелился еще один летний день. В темноте ночи молния пронзила пространство. В небе сгрудились серые тучи.

Ветер согнул изнуренные жарой деревья.

«Не люблю ветер», — повторяла я нередко. Не люблю? Почему же этот вихрь бальзамом лечит мне душу?

Оказывается, и ветер может быть любимым. Ветер, который раздражал меня своей неугомонностью, трепал мне тщательно уложенные волосы, раздувал платье, и я краснела со стыда...

Оказывается, как прекрасен ветер с дождем, разбрасывающий во все стороны брызги!

Как ты прекрасен, ветер! Беспокойный и бушующий! Как верно отражаешь ты пылкую душу мою!

Сгибай, ветер, деревья, сгибай! Покоряй природу! Пусть все и вся ощутят твою мощь!

Как хочется мне перевоплотиться в тебя, чтобы мчаться нам вместе, преодолевать горы и доли, заставить гудеть леса, бушевать моря, чтоб очнулась от дремы природа!

Тот, у кого не болела душа, не поймет тебя, не проникнется твоей тайной! Мы с тобой сейчас едины, ветер! Одной крови и плоти!

О, как мы понимаем друг друга!

Обдай мое тело брызгами дождя и охлади его! Если бы ты мог пролить этот дождь в душу мою, может охладилась бы душа и унялась бы боль.

Разве ты одинок? Почему ты шепчешь мне, что одинок? Я ведь с тобой, я, подобно тебе, одинока и бесприютна. Ты покинул все и мчишься, неистовый, чтоб успокоить душу свою! Я так похожа на тебя, ветер, я так же сиротлива в эту полночь. И у меня так же тревожно и беспокойно на душе.

Помчимся вдаль вместе, разделим боль и печаль. Я слышала, что человек рождается для мучений. Неужели и ветры рождаются для того, чтобы мучиться и страдать?

А если тебя ничего не тревожит, почему ты плачешь и причитаешь? Наверное, судьбой предначертана тебе тревожная жизнь, ничего не поделаешь. Оба мы явились на этот свет для мучений. Но прошу тебя, ветер!.. Могучий и вольный!.. Никогда не ропщи на Бога, слышишь?!

Любое мучение возвышает душу. На все воля Божья, и не надо роптать на судьбу.

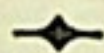
Мы с тобой выше обозленных на свою долю людей, ибо мы знаем цену боли.

Какое счастье, что мы понимаем друг друга! А боль и мучения лишь укрепят душу, очистят ее, возвысят.

Так да здравствует боль, которая терзает душу!..

Мчись, ветер! Мчись! Унеси с собой думы и мечтания мои, которым не суждено сбыться на этой грешной земле.

Мы ведь с тобой едины, ветер!

Маринэ ЦОЦКОЛАУРИ

ДВУГЛАВЫЙ

Каждый день, в одно и то же время робко открывалась дверь в хлебный магазин. Сначала появлялась голова с растопыренными ушами в огромной, черной с белыми крапинками, как перья цесарки, шапке, затем вслед за этой, точно огромный, проросший над плечами гриб, головой следовало тщедушное тело и робко пристраивалось в углу... В ту же дверь проскальзывала кривоногая, с облезлой тощей шеей собака и, примостившись на задних лапах подле этого странного су-

щества, гноющимися глазами испуганно глазела по сто-
ронам.

Это странное существо приносило с собой горький запах гнили.

— Двуглавый пришел! — оживлялись все в магазине при виде этой необычной пары.

...Никто не знал, как давно носит Двуглавый эти отрепья и это столь под стать его облику странное прозвище, или же откуда он пришел, чей сын... Правда, поговаривали, что он внебрачный сын какого-то большого человека, которого вовсе не заботит судьба своего несчастного отпрыска. Да и мать была, видимо, не лучше, иначе как могла она оставить его на произвол судьбы.

На редкость странным существом был Двуглавый. Нет, конечно же, он не был на самом деле двуглавым, голова у него была одна, но величиной с две огромные головы. Но самое потрясающее в его облике — это его глаза. Чего только не увидели бы вы в этих цвета волчьей шерсти глазах — невероятный страх, тощий голод, ощеренную, вздыбленную злость, разухабистый хохот, трепетную робость, холодное равнодушие, нахотливую, как петух, гордыню...

Изредка он бросал взгляд на худосочного пса, пытавшегося в редкой шерсти поймать блох, потом молча переносил взгляд на торчащие из рваных туфель слипшиеся грязные пальцы, видимо, и это зрелище ему надоедало, и он переносил свой интерес на продетую в брюки замусоленную бечевку, развязывал ее и снова завязывал заскорузлыми пальцами.

— Убирайся, вот подберу тебя с твоей псиной совком и выброшу в мусорный бак! — грозились уборщица.

— Отстань, он тоже человек и дитя человека, — заступался какой-нибудь сердобольный покупатель.

— Неужто в такой огромной голове нет и крошки мозгов? — удивленно спрашивала у продавца широкобедрая вековуха.

— Эх, милая, откуда там взяться мозгам? Будь неладны его родители.

— Что поделаешь, такого сына никто не хочет...

— Забота нужна как раз такому, как Двуглавый, будь у него одна голова, он бы сам присмотрел за ней.

— Двуглавый, хочешь жениться?

— Да... — не отрывая взгляда от собственных, потрескавшихся от грязи рук, шепчет Двуглавый.

— А кто тебе нравится?

— Эта... — долгий взгляд прикипает к готовой вывалиться из выреза платья груди старой девы.

— Давай, Двуглавый, не тушуйся. Поцелуй ее... — напрягаются жилы на шее у желторотых юнцов в предвкушении забавного зрелища.

— Да ну тебя... чтоб землей засыпало твой поганный рот... Мужик он и есть мужик, так и останется псом, будь он в здравом уме или сумасшедший, — возмущается старая дева.

— Кажись, кто-то выкрал у Двуглавого оружие его мужества...

— Нет! — испуганно хватается за брюки Двуглавый.

— Покажи! Покажи!

— Оставьте меня, оставьте! — умоляет, скрестив руки на животе, Двуглавый. — Отстаньте же...

Двуглавый начинал плакать и вслед за ним сердито скалилась собака беззубой пастью. И шерсть вздыбывалась.

— Пошла отсюда! — больно пинал ее кто-то ногой, и собака жалобно скулила.

Двуглавый вытирал грязными кулаками глаза, от чего лицо его покрывалось грязными пятнами, опускался на колени, дрожа, зарывался в редкую шерсть своего друга и думал, что эти похабно гогочущие люди, называющие его сумасшедшим, сами и сумасшедшие, и дураки, и глупцы... Что нет на свете никого, кто бы помог ему, а ему было холодно и голодно... Потом вспоминал и то, как видел во сне мать, всю в голубом...

— Вот придет она, придет, и тогда вы увидите!.. — сквозь слезы говорил он.

— Да кто придет, несчастный, кто?!..

Ноздри Двуглавному щекотал теплый запах хлеба. Он открывал глаза и видел протянутую к нему маленькую руку с огромным хлебом... И он знал, что это та самая девочка, которая голубыми глазами изумленно смотрит на почему-то хохочущих людей.

Двуглавый поднимал глаза, смотрел на закутанную в шаль девочку и радовался, когда узнавал в ней себя.

Он брал у нее хлеб молча, не произнося ни слова, но девочка все понимала.

Он обнимал за шею собаку, с трудом поднимал ее, и они шли к двери. В дверях он оборачивался, смотрел на девочку, ничего не говорил, и девочка снова все понимала.

Выйдя из хлебного магазина, Двуглавый садился у стены, разламывал теплый, как ладони той девочки, хлеб на три части. Одну молча протягивал собаке, которая смотрела на него, и Двуглавый догадывался, о чем она думала. Потом он крошил второй кусок хлеба и разбрасывал крошки по асфальту... Прилетали взъерошенные от холода птицы и подчистую подъедали хлеб. И на своем языке что-то лопотали. Двуглавый не понимал их языка, но догадывался, о чем они говорят.

* * *

Потом Двуглавый умирал и совсем не хотел умирать... Но Смерть хорошо знала свое дело и не любила лишних разговоров. В саване, постукивая костями, шныряла она по комнате и считала минуты...

— Мамочка, я знал, что ты придешь, моя голубая мамочка... Обними меня... Какая ты теплая... Какая хорошая и красивая... И платье нарядное надела... Идет... Еще одну ночь... Один еще сон... Смерть, поди прочь, пусть смерть заберет тебя!..

* * *

Потом была черная ночь и падал белый снег. Такой белый, что черная ночь белела от него... Возле свежей могилы лежала тощая собака... А потом, подобно той собаке, выл и царапал снег обиженный на кого-то злой ветер.

ФАНТОМАС

(ИЗ КНИГИ «МЕТАСТАЗЫ ГУЛАГа»)

В этой истории нет ничего выдуманного. Изменены лишь имена да время и место действия. Иначе и нельзя было.

Случай, о котором я собираюсь рассказать, уникален, и все же такое могло случиться только в советской зоне, и нигде более.

* * *

Два месяца Никиту держали в камере для смертников в Свердловской исполнительной тюрьме. Почти ежедневно кого-то уводили на расстрел. Несколько раз выводили и его — для спецконтроля. Думал — все, конец. За убийство заключенного, да еще без суда, успокаивали его, не расстреляют. И все-таки сломался он — не выдержал. Трудно вынести все это, почти невозможно. Он раскололся, выложил подробно — как все случилось, кто велел, кто помогал...

Дали пятнадцать лет строгого режима. Соучастникам — кому доказали причастность, кому нет. Все равно Никите некуда деваться, пути назад нет. Скурвился под старость. Всегда старался не вмешиваться в интриги грузин, знал, рано или поздно подкуют. Не уберется. Надо же было в ту ночь проиграть такие деньги. Да и Мамия оказался не лыком шит. Убьешь, говорит, Урушадзе, получишь расход, да доброе дело сделаешь — народ на зоне вздохнет, тебе зачтется. Ничего не скажешь, хорош он был — так напиться по-свински... Ничего не понимал. Сам Мамия, небось, вышел сухим из воды. Потом, при очной ставке, утверждал, что Никита, валя на него, хочет облегчить себе вину, я тут, мол, ни при чем, Никита нализался — и убил.

А теперь... Все равно живым ему не уйти, «под землей найду», — передавали Никите слова Мамии.

«Эх, будь у меня их жилка, этих грузин, был бы первым человеком на всей Руси... Даже самый слабак у них — здесь самый сильный, командуют всеми зонами. Ээх! Что поделаешь, выше собственного х... не прыгнешь!.. Короче, завяз я подчистую. Впереди — река, за спиной — обвал...» — думал Никита в ярости и бессмысленно топтал территорию зоны.

Единственный выход — бежать. Все равно от Мамии не будет ему жизни. Надо бежать, схорониться. А там можно будет как-то устроиться, купить подложный паспорт...

«Привет, Никита!»

Это Гришка, расконвойник. Так зовут заключенных, которые заслужили такое доверие, что могут спокойно, без конвойного, работать за пределами зоны.

«Табаку принес?»

Гришка всучил ему бумажный пакет. — «Попозже снова выйду, в комбинат, хочешь, принесу еще...»

«Свободно выходишь из зоны?»

«А как же...»

«Когда захочется?»

«Да...»

Гришка ушел.

«Ээх... Вот бы мне как-нибудь выйти отсюда...» — размечтался Никита.

Вечером, когда зеков заперли по камерам, Гришка позвал Никиту и через окно сообщил, что нашел собаку, спрятал ее надежно. Завтра они смогут убить ее и сварить. Никита поднаторел в этом деле, недаром у него было прозвище «ветврач».

Никак не мог уснуть в эту ночь Никита. Вообще последнее время почти не спал. Головные боли донимали. А снотворное не так легко достать, о наркотиках и говорить не стоит. Как хорошо он жил там, в зоне... Пользовался авторитетом у воров в законе... Ээх... Так, как здесь, не стоит и жить. Надо что-то придумать, бежать отсюда...

Надо придумать...

Он сворачивал толстые самокрутки и непрерывно дымил. Чувствовал, как движется по телу желтый яд, и его тошнило.

Никто не знает, когда в его больную голову вкраслась идея воспользоваться маской. Поначалу думал за-получить одежду надзирателя или же конвойного, а лицо загримировать. Грим еще можно изготовить, но вот достать одежду — дело сложное. Единственный вариант — убить кого-нибудь и надеть его одежду. «Не знаю... не знаю... Не миновать мне вышки...»

Утром, только Никита выполз во двор, как снова наткнулся на Гришку. «Что ему надо, так и лезет на рожон... Чего пристал...» — подумал он раздраженно и обеими руками схватился за голову — ему казалось, она вот-вот разорвется.

«Никита, пойдём...» — шепнул ему Гришка.

Близко подойти к нему не рискнул, такой злостью блестели у Никиты налившиеся кровью глаза.

«Куда?» — бессмысленно повернул он голову.

«Как куда?... А собака?»

Никита внимательно посмотрел на него. Гришка ростом с него. Его комплекции... Даже глаза серовато-зеленые... Страшная мысль промелькнула в голове у Никиты и заставила его вздрогнуть... Подошел поближе, еще раз присмотрелся... Схватил его дрожащей рукой...

«Ты ведь знаешь, я тубик... Мне собачье мясо необходимо...» — шептал испуганный Гришка, не понимая, что происходит.

«Пойдем, Гришка... Пойдем... Хватит...»

Гришка механически последовал за Никитой. Какая-то сила тянула его вперед. «К черту собачье мясо, не вовремя я это затеял... Что-то Никита, кажись, не в своем уме...» Сердце предсказывало беду. Но Гришка шел. Он ничего не знал, в человеческий разум не вмещалось задуманное Никитой...

Они прошли разрытый двор и вошли в заброшенный сарай. Гришка закрыл двери, оглядываясь по сторонам, не заметил ли их кто. Посмотрел и на караульную вышку. Никого. Сквозь щели в стенах и потолке старого сырого сарая пробивались узкие полоски света. В подгнивших балках ютились всевозможные насекомые, стоял затхлый запах. В одном углу валялась куча старой спецодежды, в другом — ржавые, искореженные железные бочки. По всей видимости, прежде здесь был склад. Откуда-то доносились легкий всплеск

воды и глухое поскуливание собаки. Гришка подошел к бочке с вмятинами, убрал тряпье, снял крышку.

«Здесь она... Гляди, какая хорошая...»

Перед тем, как убить собаку, заключенные бросали ее в бочку с водой. Говорили, исчезает характерный запах и мясо делается вкуснее...

У Никиты окончательно созрел план. Он воочию представлял все. Впервые за последнее время вернулось к нему ясное сознание, все казалось настолько простым и доступным, что он удивлялся, как не додумался до этого раньше...

И все-таки что-то мешало ему. Это что-то, неосознанное, но явственно ощутимое, захлестывало его с такой силой, что разум мутился.

«Иди, вытаскивай... Я посмотрю, не заметил ли кто нас...» — с трудом выдавил он из себя; казалось, что от напряжения у него сжались голосовые связки.

Открыл дверь и вышел. Тихо. Он поднял лежащий возле дверей огромный камень и, пряча руку с камнем за спиной, вернулся в сарай. Изо всех сил сжимал потную руку, боялся, как бы камень не выскользнул. В глотке пересохло. Поминутно глотал слюну. Вернее, ему казалось, что глотает. Гришка держал в руке черного с белыми подпалинами щенка, который поскуливал и беспомощно барахтался.

«Вот нож... Давай, здесь же сварим...»

Он наклонился, собираясь положить на землю щенка. Никита замахнулся, инстинктивно, с каким-то диким упрямством ударил прямо в затылок. Нацеленно. Гришка упал ничком, не вымолвив ни слова. Закричал Никита, словно безумный...

Потом легла тишина.

Никита закрыл рот руками, чтоб унять крик. Он задыхался. В висках стучало.

Нет, нельзя браться за такое, будучи трезвым... А тогда он вовсе не нервничал... Это когда проткнул Урушадзе шкворнем.

Щенок, поскуливая, отполз и испуганно сжался в углу. Потом замолк и молча озирался по сторонам.

Никита постепенно пришел в себя. Рукавом отер пот. Подошел к двери и осторожно выглянул. Никого. Вернулся. Бросил взгляд на Гришку. Из разбитого затылка медленно текла густая темная кровь. Он оттащил

его и перевернул. Гришка был мертв. Никита поднял валявшийся под ногами нож и приступил к делу. Спокойно, невозмутимо.

Остальное, как говорится, было делом техники. Довольно часто доводилось потрошить собак и кошек — так что рука ни разу не дрогнула.

* * *

Ясин в то утро проснулся в плохом настроении. Всю ночь снились кошмары. То его жалили ядовитые змеи, то над ним с грохотом проносился табун диких лошадей. Все его кошмары ограничивались подобными видениями. Разум его ничего более вообразить не мог — он был откуда-то с берегов Каспия, прочел разве что одну-две книги, а кино увидел впервые, когда призвали в армию.

Служба давалась нелегко, с трудом овладел он русским, если это можно назвать знанием языка, — слова, которые запомнил, можно было сосчитать по пальцам. Изучил кое-как и жаргон зеков, бывало, вворачивал словечки при разговоре. Привык и к режиму: подъем, одевание, дежурство, обед, нужник, сон — и ничего более. Ну чем не животное существование, хотя, говоря по правде, животное ест, когда хочется. И спит, когда ему хочется спать. А здесь все идет по определенному кем-то распорядку. Плюс ко всему — беда с этими заключенными. Если какой-нибудь олух надумает бежать, но его схватят — еще куда ни шло, может, Ясин и дождетя отпуска, а не поймают — не избежать гауптвахты.

А вот и Гришка плетется. Видать, с похмелья. Ясин дружит с расконвойниками. Второй год как он здесь, знает всех. Хорошие ребята. То табаку дадут, то чаю отсыпят. И сам он, бывает, подкинет им что-то. Недавно дал Гришке целый ящик мыла, который стащил со склада. Самому не пригодилось бы, никогда мылом не пользовался.

Гришка подошел к железным воротам и остановился, ожидая, когда откроют. Молчит и по сторонам не смотрит. Двигается как-то неестественно, словно деревянный. Рубашка застегнута по самое горло.

«Ты что, Гришка!..» — крикнул вслед ему Валера, начальник караула. Он сидит в застекленной будке у

самых ворот и с утра просматривает какие-то списки. Голову поднял только тогда, когда Гришка отошел, потом почесал в затылке и снова уткнулся в бумаги.

Ясин высунул голову из своей будки, чтоб попросить табаку у Гришки. И вдруг маленькие узкие его глазки стали круглыми от страха и изумления. У Гришки были неестественно опухшие, потрескавшиеся губы, в ноздрях — запекшаяся кровь, растрепанные волосы падают на красные, заледенелые глаза. Казалось, это поднялся из могилы покойник. В ужасе опустился Ясин на лавку. Увиденное не укладывалось в сознании. Гришка прошел. По обыкновению, идет, — видимо, в комбинат, на работу. В день раз пять он выходит и входит, что тут такого?.. Гришка это был, конечно же Гришка, вот и Валера его окликнул. Наверное, плохо ему, какая-то страшная болезнь одолела, случается такое, он слышал...

И все-таки не мог успокоиться Ясин. Смертью вдруг запахло, совсем близко. Он снова встал и высунул в окно разгоряченную голову.

* * *

Вышел за ворота. Когда поравнялся с Ясиным, кровь застыла в жилах. Как он смотрел испуганно, неужто догадался! Вот высунул свою дурацкую башку в окошко...

И все-таки он вышел! Вырвался! Он действовал механически, не отдавая отчета в своих поступках, не чувствуя даже, как раскалывается голова.

Неожиданно остановился как вкопанный. Там же, всего в нескольких шагах. Гришка он или Никита, и сам не знает, на какое имя ему отозваться. Не помнит. Все спуталось. Лицо покрывается потом, который смешивается с кровью, сочившейся из все еще мокрой маски, и течет за пазуху. Он чувствует омерзительный запах и вкус сырого мяса. Торопится. Хочется кричать, сорвать эту маску с лица. А вдруг окликнут его? И как его окликнут — Гришка или Никита? Оглянуться?

Пот, смешанный с кровью, затекает в глаза, жжет. Он ничего не видит. Чувствует, как все тело ужасно горит, словно в теле пылает костер. Он погружается в голубое марево. Медленно отрывается от него лег-

кое облачко, поднимается в воздух и растворяется там. Вот в теле его еще раз вспыхивает огонь... и гаснет последняя искорка...

А до этого на миг, всего лишь на миг, чувствует, что свободен. Он на свободе! Мелькнет эта мысль — и все. Конец. Он даже не успевает понять что-то...

* * *

С этого мгновения Никита ни о чем не думал и ничего не чувствовал. Все, что происходило — происходило просто так, само собой, помимо его воли...

* * *

«Что с тобой, кероп?..¹» — крикнул снова Ясин странно шатающемуся Гришке. Валера тоже встал и высунулся в окошко.

Гришка резко обернулся.

«Я Фантомас! Я Фантомас!» — заревел он нечеловеческим голосом и стал царапать щеки. Лицо у него странно натянулось и скривилось, потом лопнула кожа и в руке у него остался лишь кусочек кровяного тряпья.

С омерзением швырнул он его на землю и безумно захохотал...

Кружил на одном месте и раздирал ногтями лицо.

«Фантомас! Снимай маску! Фантомас!..»

Потом повалился на землю. Задергался, как припадочный. Снова вскочил и побежал. Обезумев, растопыренными пальцами трепал волосы и ревел:

«Фантомас! Снимай маску!»

«Фантомас!»

«Я Фантомас!»

Сентябрь, 1991 г.

¹ Кероп — парень (жаргон, с армянского).

Акакий МИНДИАШВИЛИ

Человек ищет человека

Нет всеобщей, универсальной формулы смысла человеческого существования. Каждый сам должен найти ее, осознать свое назначение, свою функцию, определить свое место в этом мире. Ни научно-философские и теологические трактаты, ни диалектика Гераклита, ни императивы Канта здесь не помогут. Гурам Схиртладзе знает это и идет своим путем как человек и как писатель. И персонажи его рассказов — люди ищущие, мыслящие. Они ищут смысл и оправдание своей жизни и пытаются понять себя, исходя из самих себя, а не из окружающего мира.

Герои Гурама Схиртладзе одиноки, разобщены и отчуждены друг от друга. Их одиночество усиливает городской быт, окружение. (Эта проблема волновала еще древних римлян. Ведь одиночество возникло вместе с городом: «Большой город — большое одиночество» — вспоминает Бекон высказывание римлян). Для персонажей Гурама Схиртладзе город является глухим и чужим. («Жизнь в таких глухих городишках оживляют ненормальные. Местные филистеры сошли бы без них с ума...»; «Глухой, очень глухой город...»; «Круговорот чужого и большого города, озлобленность людей, гонящихся за временем, пьяные, валяющиеся на грязной земле в предместьях» — «Ромео и Джульетта»). Однообразный, медленный, безжизненный ритм повседневной жизни ослабляет и притупляет их волю и энергию. Гурам Схиртладзе часто подчеркивает это странное и необъяснимое

явление. Его персонажи «из последних сил» стараются преодолеть это однообразие, как-то разнообразить жизнь, но — безрезультатно. Все, о чем повествует писатель, проникнуто бесконечной тоской по бесплодно и безрадостно прожитой жизни.

Проза Г. Схиртладзе носит несколько камерный характер, в ней, на первый взгляд, слабо выражен гражданственный пафос, но она не оторвана от реальной действительности. Г. Схиртладзе — интеллектуальный писатель в том понимании, что его герои выражают себя в процессе мышления, саморефлексии, задумываются о кардинальных, метафизических вопросах бытия. Он из тех писателей, которые превращают в факт искусства не свои размышления, а сам процесс мышления, самопознания.

Во временной структуре персонажей Г. Схиртладзе можно выделить два плана: ретроспективный, в котором доминируют воспоминания, и синхронный, в котором описываются чувства персонажей, их впечатления; в результате противопоставления этих двух планов образуется третий — своеобразное внутреннее время, в котором и протекает процесс самопознания героя, что дает ему возможность как-то «отойти» от самого себя и взглянуть на себя со стороны.

Герои Г. Схиртладзе, как уже было сказано, обладают глубочайшей потребностью и желанием любить, по-настоящему общаться с людьми. Каждому персонажу человек представляется обязательным звеном, которое должно соединить его с другими звеньями, а все вместе — образовать цепь, именуемую жизнью. Вместе с тем, взаимоотношения с людьми должны определять, обуславливать его сознательную жизнь со всеми ее радостями. Другой человек представляет для него то здоровое начало, рядом с которым ему непременно надо быть, чтобы самому остаться здоровым. В действительности же отношения с людьми приобщают его к суете, именуемой общественной жизнью. Он вновь одинок и возвращается к себе самому. («Никуда не убежишь от самого себя, от того, что заложено в тебе... Вспомни первые дни после разлуки, которые тебе так тяжело и больно вспоминать, ведь было так: ритм установленных дней был нарушен, вечеров, к которым ты так привык, уже не было, и это привело тебя в смятение, лишил покоя, пока ты вновь не привык к одиночеству. А потом, нарушь кто-нибудь это одиночество, ты испытал бы, наверное, такую же боль, как при расставании». — «Ромео и Джульетта»).

И «старому» и «молодому» ясно, что они сломлены («Ромео и Джульетта»). Внешне они выглядят пассивными, но для них характерна напряженная внутренняя активность. Людей в их положении жизнь часто лишает почти всего, за исключением одного — умения видеть, чувствовать, осознавать и анализировать собственное положение. Их монологи — громкая исповедь друг перед другом (а более всего перед самими собой). Хотя они плывут по течению, жизнь по-прежнему привлекательна и любима ими. Они мучаются, но в их муках нет и тени мазохизма. Патологическое стремление к мукам, пустоте и одиночеству чуждо им, они не находят в этом никакого удовольствия; им просто хочется убежать от всего этого, убежать без оглядки. Куда? Все равно куда. Лишь бы не было этой мучительно монотонной жизни, состояния, в котором они пребывают, места, где они находятся, — но «никуда не убежишь от самого себя, не убежишь от того, что в тебе...» Как мы сказали, это определенное фаталистичное примирение с жизнью, но примирение не беспечное, а безрадостное, болезненное. Правда, трагизм представляется им как жизненная, эмпирическая неизбежность, но именно это вынуждает их с особенной остротой ставить вопрос о смысле жизни. Энергия и «старого» и «молодого» полностью направлена вовнутрь, в себя. Жизнь для них не апатичная дрема, они не охладели к радостям жизни. Их меланхоличность, печаль есть, помимо всего прочего, и результат их насыщенной духовной жизни, это своего рода пассивность в активности, бездействие в действии. Их главное несчастье в том, что они преимущественно рефлексивные натуры (рефлексию мы понимаем по Гегелю как раздвоенное состояние субъективного разума). Но процесс самопознания, самовидения происходит у них не только в сознании, но и в сердце... И «старый» и «молодой» находятся в тисках разрушительной силы рефлексии. Перманентный самоанализ, однообразное, покойное, упорядоченное течение монотонных безрадостных часов связывает их по рукам и ногам, лишает энергии, необходимой для социально полезной деятельности. Их души открыты для людей, для всего мира, но их ждет разочарование. Разочарование и обман. Хотя счастье обоих разбито, они мечтают из его осколков построить новое счастье. Они живут внутренней духовной жизнью, постоянно сконцентрированы в себе, но никогда не забывают о других людях...

В этой всеобъемлющей атмосфере отчуждения (которую замечательно передает писатель во всех своих рассказах) и автор как будто отчужден от своих персонажей («Той ночью»).

Он словно пытается убедить нас, что «потерял» путь, ведущий к их внутреннему миру, что ему, как писателю, уже не по силам показать нам субъективную, внутреннюю психологическую реальность персонажей.

Писатель хочет этим сказать, что нет никакой необходимости проникать в лабиринт умственной и духовной жизни индивида, поскольку эта монотонная, обезличенная и безрадостная жизнь отняла у людей личностные особенности и, сделав их похожими друг на друга, выработала у них одинаковое отношение к предметам и явлениям. Искренность в их отношениях воспринимается как излишество, явная скука. Они схожи и в том, что отрицают друг друга. И это также подчеркивает их взаимную разобщенность и даже ненависть («Богомоллов медленно приблизился к кровати Зики и, опершись одной рукой о спинку кровати, нагнулся: Зики сидел на кровати, скрестив ноги, и, прислонившись к стене, налитыми кровью глазами с ненавистью смотрел на него». — «Той ночью»).

Особое значение Г. Схиртладзе придает в своей прозе дуализму — «я и другой человек». Человек стремится к контакту, человек ищет человека, но чаще всего остается одиноким. Мир другого человека непостижим. Он остается вечной загадкой... Но, как уже было отмечено, Г. Схиртладзе выражает себя в нравственном максимализме, в крайнем обострении проблем. Его персонажи не могут быть счастливыми, когда вокруг них страдают люди...

Персонажи Г. Схиртладзе отчуждены не только от своих ближних, но и от самих себя. Именно молчаливая меланхолическая любовь писателя к людям придает его прозе внутреннюю силу. К человеку, да и к действительности вообще, писатель подходит как аналитик, как исследователь. В его рассказах преобладает «внутренний сюжет», открывающий нам не только историю, явление, но и писательское видение мира. Его сюжет являет собой цепочку «душевных движений», благодаря чему композиция произведения выполняет и идейно-художественную функцию. Г. Схиртладзе не просто описывает внешний мир, он трансформирует его в своем воображении, драматизм его прозы достигается достоверностью изображения сложных психологических ситуаций.

Всемогущее для персонажей Г. Схиртладзе не Бог, не природа и тем более не нравственность, это — время — мерило всех существующих и несуществующих предметов.

Время в художественной литературе (художественное время) это и не «чистая последовательность» (Кант) и не про-

стое «вместилище» жизненных процессов, явлений, историй. Оно — активная, содержательная сторона последних. Наша цель — определить общую идею, концепцию времени автора, что поможет более глубоко понять его мировоззрение, манеру видения предметов, поскольку последняя, как известно, оказывает влияние на особенности художественного восприятия, а постольку и на творческую индивидуальность писателя. Мировоззрение это не только познавательно-интеллектуальная деятельность ума, оно подразумевает также этический и эмоциональный моменты.

Время для Г. Схиртладзе — предмет художественной рефлексии. Трудно понять его произведения вне анализа этой категории. Героев Г. Схиртладзе мучает необъяснимость феномена времени, его необратимость, таинственность. Время для писателя не абстракция. «Течение времени» в контексте его рассказов воспринимается не как простая метафора, а как страшная, жестокая реальность.

Настоящее, с точки зрения Г. Схиртладзе (эта точка зрения сформулирована не прямо, а проступает из общего образно-художественного строя рассказов), — это время, которого в тот момент, когда оно есть, уже нет, и в тот момент, когда его нет, уже есть — как прошлое. Жизнь героев Г. Схиртладзе развивается преимущественно не от настоящего к будущему, а, как это ни парадоксально, от настоящего к прошлому. Так же строится и сюжет его произведений — на чередовании. В сознании героев активно оживает прошлое, которое Г. Схиртладзе рисует так, что мы воспринимаем его как настоящее. Герои его постоянно оглядываются на прошлое. Оно для них — наиболее осязаемая реальность. И писатель перелистывает прожитые ими годы, как страницы, вперед-назад, устанавливая новый порядок. Он «возвращает» своим героям время, которое осталось в их прошлом. Они ищут в нем себя и друг друга, ищут ушедшие дни. Поиски же прошедшего, как известно, всегда драматичны и мучительны, но в то же время в этой драматичности и их оправдание и притягательность.

Человек для героев Г. Схиртладзе — субстанция регламентированного времени. Поэтому их постоянно беспокоит безжалостное течение времени. Очень часто они впадают в отчаяние, безнадежность. Всех главных «действующих лиц» рассказов Г. Схиртладзе типологически объединяет гиперболизированное, обостренное чувство времени. Каждый рассказ, можно сказать, — художественное исследование «потерянного времени». Преходящее время — один из персонажей рассказов

Г. Схиртладзе. Отсюда и преходящесть жизни, чувство пустоты и суетности, печаль, грусть, страдание. Писатель сочувствует и сострадает своим главным героям, их одиночеству, тому, что у них нет настоящего, вернее, их настоящее в прошлом, и все лучшее, что было в их жизни, осталось там.

Они знают, что время появилось вместе с ними и вместе с ними умрет, что их существование не что иное, как существование во времени. (Как они существуют во времени, так и время существует в них). Основу повествования составляет интенсивное восприятие времени, смело использованная ретроспекция и ее художественное отображение. Поскольку оно выполняет и познавательную функцию и представляет духовную эволюцию персонажей и процесс преодоления ими собственной боли и печали.

Герои Г. Схиртладзе ищут, однако не находят смысла прошедшей жизни, смысла жизни вообще, но сами эти поиски и превращаются в смысл и оправдание их существования.

Писатель с особенной остротой и полнотой ощущает ценность отдельно взятого мгновения, момента («Мариам встретила меня с тихой радостью, то, чего мы так страстно ждали, свершилось. Исчез миг расставания. Его место заняли любовь и море. Время остановилось. Застыло в одном счастливом мгновении. Так и осталось это мгновение обособленным, выпавшим из другого времени, долгим и незабываемым...»). Иллюзия продолжительности жизни, времени возникает у них и благодаря интенсивной духовной жизни, мышлению, наскучившее же однообразие, напротив, укорачивает ее.

Для героев Г. Схиртладзе существует объективное время, которое как бы течет вне их, отчуждено от них, и субъективное время, внутренняя реальность (время пережитых событий):

«Время было огромной бесформенной массой. Время шло, заполняло коридоры, комнаты, страну» («Матэ»).

«Дни текли по бессмысленной упрямой инерции, точнее, текли обособленно от людей, они сменяли друг друга, никому ничего не принося и ничего не получая взамен. Дни накладывались на дни, одной цельной массой, точнее, бременем, чтобы собранными воедино оказаться закинутыми тобой куда-то далеко, в самые потаенные и глухие уголки памяти, и в старости, оказавшись без будущего, ты не почувствуешь острой горечи от бесцельно прошедшего времени» («Дождь»).

Герои Г. Схиртладзе пытаются найти связь между этими двумя временами, между началом и концом, законченно-

стью и бесконечностью. Но им трудно осмыслить вечность, поскольку они меряют ее временными категориями, ^{в это время} как вечность не знает последовательности времен — ^{в ней нет} ни начала, ни конца.

В минуты смерти или другие критические моменты герои Г. Схиртладзе вырываются из временной последовательности и перемещаются в бесконечность, безвременность. В такие мгновения и проглядывает вечность. («И смерть Ваню была утешением постольку, поскольку плоть наша не вечна, и как бы мы ни оберегали ее, в сознании остается не бессмысленный конец, а начало пути от этого конца к вечности» — «Дождь»). Они не способны представить свое прошлое как единое целое. Оно вспоминается ими лишь благодаря таким памятным мгновениям. А между этими мгновениями — пропасть. Они не связаны друг с другом ни по смыслу, ни в хронологической последовательности. Они существуют сами по себе и сами для себя — обособленные и изолированные. А в целом их жизнь — чередование монотонных, бессмысленных дней и таких значительных мгновений, моментов, и в этой последовательности — весь драматизм их существования.

Таким образом, согласно Г. Схиртладзе, человек не что иное, как совокупность значительных воспоминаний, памятных ему моментов.

Предмет художественного исследования Г. Схиртладзе составляют отрицательные ощущения и эмоции (муки, страх, одиночество, отчуждение, пустота, суета, безнадежность). Исполненные этих чувств и эмоций его герои, благодаря интуитивному озарению, в критические моменты своей жизни приобщаются к вечным метафизическим истинам и познают эмпирическое содержание чувственно-социального мира. Толчком к пониманию своей собственной сути служит, прежде всего, столкновение со смертью и любовью, в это время открывается им весь трагизм человеческого бытия, его беспомощность и суетность («Ваню был удивительно безобидным человеком. Был... и вот уж нет его, поразительно — его не стало в один миг, один короткий миг, а ты смотришь и ничего, ничего абсолютно не можешь сделать, даже чуть податься в сторону. Нет для этого времени... Ты ощущаешь всеобъемлющую пустоту и думаешь лишь о том, как беспомощно дергал он ногой, бедняга...» — «Дождь»). «Он был еще очень юн и неопытен и впервые ощутил свою беспомощность перед смертью...» — «Той ночью»). Ну а затем они вновь погружаются во мрак повседневного существования.

На крыше Ваню неожиданно встречается со «страшной и великой гостьей» — смертью («Дождь»). Матэ каждой клеточкой своего существа чувствует нечто роковое, фатальное, что должно уничтожить, смести с лица земли Ваню, его индивидуальность, человеческое «я» и превратить это последнее в такую же ирреальность, каковой является сама смерть.

И все же смерть Ваню (абсолютное одиночество, абсолютная изоляция, отчуждение от всего и вся) так же естественна, как и рождение. Г. Схиртладзе удается убедить нас в том, что из всех человеческих мук смерть самая глубокая и сильная. Первая часть рассказа посвящена ожиданию смерти и ее описанию. Надо сказать, в этом смысле проявляется определенная особенность прозы Г. Схиртладзе: встреча со смертью происходит не среди шума, не вследствие перипетий, коллизий, конфликтов и столкновения характеров, а в банальной, обычной бытовой среде, в тишине.

Убедительно ожидание постоянно караулящей человека смерти, его безысходный трагизм, неожиданное вторжение смерти в каждодневную, надоевшую, однообразную, скучную и тихую жизнь людей, одолеваемых мелкими заботами. Смятение и выпадение из колеи обычного монотонного течения времени. Настроение, возникшее у Матэ в ожидании смерти, постепенно завладевает им и перерастает в тайное, таинственное и мучительное чувство. Создается напряженная атмосфера, которая разряжается сценой неожиданного вторжения смерти...

Наши молодые писатели часто не знают, что делать с героем, и только поэтому убивают его, дабы иметь возможность поставить последнюю точку. Одно из достоинств рассказов Г. Схиртладзе — их «своевременный» и органичный конец. Смерть его персонажей всегда «естественна». Когда же Г. Схиртладзе больше нечего сказать, он просто обрывает повествование («Ромео и Джульетта»).

Любовь героев Г. Схиртладзе трагична.

И для «старого» и для «молодого» («Ромео и Джульетта») любовь живет только в воспоминаниях («Сейчас, оглядываясь назад, я вспоминаю лишь отдельные моменты, отдельные картины, как бы сфотографированные и сохраненные...»). После разлуки наши влюбленные плачут («А потом большеглазая худая девочка навсегда ушла из моей жизни, и я, сломленный обрушившимся на мою голову несчастьем, прятался в лесу, зарывшись лицом в покрытую мхом землю, и обливался слезами...» — «Ромео и Джульетта»). Они потеряли любовь, которую считали сильнее смерти, любовь, которая, как они

думали, могла превратить мгновение в вечность. Их взгляды стали сухими и холодными. Холодными, как бесплодие. Совместная жизнь стала могилой их любви. Она не смогла уместиться «в этом мире» (именно любовь должна была одолеть его). Любовь и эмпирическое общежитие, прозаичность семейных будней не смогли ужиться друг с другом, ибо первая родилась из свободы, второе же — по необходимости. Последующая жизнь «старого» и «молодого» — одиночество, реставрация «потерянного времени», блаженное путешествие в памяти (блаженное, ибо по Гомеру даже печаль сладка в воспоминаниях), возвращение во вчерашний день и более далекое прошлое. «Солнце тогда зашло быстро, но тот прекрасный вечер долго еще пел в твоей душе. А потом, когда тебе было тяжело, ты бежал от самого себя, как влюбленный юноша, сторожил рассветы, но тот вечер больше не повторился». То, что было, уже никогда не будет, и в этой неповторимости и невозвратности — трагическая прелесть ушедшей любви. Любовь — попытка разделить радикальное одиночество и победить его — сама потерпела поражение. «Значит так... я остался один, но я боюсь одиночества, у меня нет сил сразиться с одиночеством...» «Теперь мой удел — одиночество. Одиночество».

Последующая жизнь героев становится серой и однообразной. Действия «старого» и «молодого», активность в практической жизни ослабевают в результате интенсивности рефлексивного начала — они уже живут не столько в окружающем мире, сколько в собственном сознании, во внутренней, психологической реальности («Ищут пути в самих себе»). Впрочем, в какой-то степени они действуют, но это кажущаяся активность. Мир во времени и пространстве, окружающий их (да и они сами), ощущается ими как ничто, как пустота...

Если проанализировать лексические единицы, из которых состоит художественное пространство рассказов Г. Схиртладзе, окажется, что особое концептуальное и эмоциональное значение имеют у него отдельные семантемы — наиболее часто повторяющиеся слова и словосочетания. В них, по существу, сконцентрирована, сфокусирована семантика рассказов, они в определенной мере приближают нас к творческому миру писателя, особенностям его мировоззрения. Эти слова присутствуют во всех рассказах, повторяются в разных пассажах отдельных рассказов, объединяют их и вызывают в нас определенные эмоции и настроения. В результате многократного повтора эти слова-лейтмотивы получают полисемантическую нагрузку, и

Г. Схиртладзе оригинально и удачно использует их как определенное художественное средство. Вот эти слова, переходящие из рассказа в рассказ: тишина, время, прошлое, пустота, бесконечность, одиночество, смерть, конец, страх, чужой... Они создают определенное представление о «тематике», постоянно разрабатываемой писателем. Можно сказать, что они — самый удобный ключ к его мировоззрению.

Повествование течет как бы в своеобразном лабиринте вышперечисленных повторяющихся и сменяющих друг друга семантем, которые обретают в контексте совершенно новое, не специфичное для обычного повествования значение. Сквозь призму этих слов мы видим схиртладзевское отношение к миру, они придают всей прозе единую эмоционально-эстетическую и философскую тональность и выявляют особенности его поэтического мировоззрения. Слова-лейтмотивы не только называют реальность, но и познают ее.

Таким образом, характерная особенность писателя — своего рода «шаблонность», чередующееся повторение мотивов, выраженных одними и теми же словами и комбинациями слов. Именно в этой «шаблонности» — богатство и своеобразие творчества Г. Схиртладзе. Как бы мы ни оценивали художественный метод выражения его мироощущения, он — неотъемлемое, специфическое свойство прозы писателя. Достоинство стиля Г. Схиртладзе в том, что, когда, казалось бы, мысль должна быть выражена пространно, сложными периодами, он «сжимает» ее и довольствуется одной-единственной фразой. Это помогает ему, где нужно, в ускорении потока речи и драматизировании чувств и переживаний. К лексической экономии Г. Схиртладзе прибегает особенно при описании трагических, драматических моментов. И делает это просто, интимно. Его стиль отличает благородная сдержанность и строгая простота...

Естественный синтаксис литературного языка Г. Схиртладзе особенно бросается в глаза на фоне значительной части шаблонной речи писателей — его ровесников. У нас немало талантливых молодых писателей, но часто они не владеют пластикой языка. Их стиль отличается детской наивностью интонаций, семантико-синтаксической монотонностью, обилием однообразных вариантов ряда слов... Более всего молодой писатель должен работать над «обогащением» языка и его совершенствованием, ибо именно литературный язык — ключ к познанию мироощущения писателя, особенностям его мышления и художественного творчества...

Творчество для Г. Схиртладзе — оправдание существования человека. Творческий процесс — процесс освобождения, преодоления жизненного трагизма, одиночества и возвращения прошлого, выход из мира печали и мучений в светлый мир, парение в вечности... Овеществляя свою внутреннюю сущность в художественных произведениях, Г. Схиртладзе заново обретает в них себя. Здесь — преодоление тяжести и прозы жизни. Создается «вторая реальность», организованная и упорядоченная, в сравнении с которой наша обычная жизнь кажется хаосом. Но он создает не только вторую реальность, он создает и пересоздает самого себя. В этом самосотворении он сохраняется как творческая личность и как человек.

Художественный мир Г. Схиртладзе — самобытный и своеобразный мир. Именно благодаря ему он выходит за рамки своего индивидуального мира и откликается на наши боли и устремления, проблемы и желания.

Ты не устал, Гурам?

В Грузии война... Война страшная, жестокая, беспощадная. Война, уносящая каждый день все новые жизни, калечащая все новые души. Война, сжимающая каждый день безжалостными тисками сердце, и уже не вздохнуть, не обрадоваться наступающему новому дню, не по-весеннему холодному солнцу. Война, давящая на тебя каким-то гложащим страхом, война, выматывающая тебя, убивающая в тебе самое человеческое из всех человеческих чувств — надежду. Пытаешься избавиться от всего этого, как от навязчивого кошмара: «Нет, это не с нами происходит!.. Почему так с нами случилось?.. Почему истекают кровью наши мальчики? Почему так стонет наша земля? Почему?..»

Чтобы хоть как-то ответить на это свое «почему», я обратилась в тбилисскую комендатуру, так как знала, что она укомплектована бойцами специального штурмового батальона, сражавшегося в Абхазии.

Военного коменданта города полковника Гурама Джаниашвили мне не сразу удалось застать в его рабочем кабинете. И вот, наконец, удача: звоню, договариваюсь о встрече и мчусь туда, опасаясь опять его упустить.

Навстречу мне поднялся высокий молодой человек, протянул руку. Видно по лицу, что не спал всю ночь. Мне стало мило, и я с ужасом подумала, что вряд ли смогу поговорить с этим усталым человеком.

— Я понимаю, что до меня у вас уже побывали журналисты, я не хотела бы повторяться...

— Все равно вам этого не избежать.

У меня гора свалилась с плеч. Завязалась беседа, часто прерываемая телефонными звонками.

— Батоно Гурам, как создавалась ваша комендатура?

— Семь месяцев мы находились в Абхазии. Я не буду

сейчас рассказывать о тех трудностях, с которыми мы там столкнулись. Ребята смертельно уставали, а заменять их было некем. Единственное, что можно было для них сделать, — это вывозить их оттуда на 5—6 дней домой в Тбилиси, ведь тогда в основном сражались тбилисские парни. И вот в один из таких наших приездов родилась идея создания военной комендатуры, так как город захлестнула волна преступности и криминогенная обстановка была, пожалуй, опасней, чем в зоне конфликта. Справиться силами одной полиции нереально. Председатель «Союза ветеранов афганцев и других локальных войн» Нодар Георгадзе предложил правительству нашу помощь. Вы сами можете судить о всей серьезности криминогенной обстановки в городе, если в столицу потребовалось перебросить специальный штурмовой батальон быстрого реагирования.

— Если вам не трудно, всего несколько слов об этом батальоне.

— Этот батальон укомплектован бойцами «Союза афганцев», получившими боевое крещение в локальных войнах, проводимых Советским Союзом, начиная с 1968 года.

— Ваш батальон сражался в Сухуми или Очамчире?

— Наш батальон сражался по всей зоне конфликта, нас перебрасывали в самые горячие точки, ставили перед нами самые серьезные, сложные задачи, доверяли важные операции. Мои ребята с честью выдержали эти испытания и ни разу не проявили недовольства, хотя семь месяцев не получали зарплаты, которая была так необходима их семьям. И вот такой батальон понадобился здесь, в городе.

— Значит, штат комендатуры уже укомплектован?

— В основном, да. Сейчас у нас в штате 176 человек. Но штат создавался нелегко. Не каждому по силам работать 28 часов в сутки.

— 24, наверное.

— 28 часов. При всем том кадры отбирались тщательнейшим образом. Составлялось полное досье на каждого сотрудника комендатуры. Держать здесь случайных людей — преступление. Дисциплина у нас строжайшая и выдержать наш режим могут далеко не все.

— Каковы функции комендатуры?

— Это структура правопорядка.

— Извините, а для чего тогда полиция?

— И у полиции хватает дел. Ведь не секрет, что сейчас подавляющее количество преступлений совершается людьми в

военной форме. Но далеко не все из них военные. Просто достать военную форму не составляет труда, так как она самая дешевая. Да и под личиной военных орудовать, очевидно, легче. Вот и занята комендатура тем, чтобы пресекать и предотвращать преступления людей в военной форме. Общеизвестно, что после декабрьских-январских событий 91—92 годов у населения скопилось огромное количество оружия, которое подлежит обязательному изъятию. В противном случае порядка еще долго не будет. Кроме того, большие хлопоты доставляют военнослужащие дислоцированных в Тбилиси частей российской армии. Вызывает тревогу и то, что в увольнительную их отпускают без каких-либо документов. И если кто-то из них совершает преступление, трудно установить его личность. Сейчас в комендатуре находятся семь солдат русской армии, личность которых устанавливается. Но и установление личности без документов не дает положительных результатов, т. к. командиры частей наотрез отказываются от своих же людей, отрицая их принадлежность к своей части. Этот почерк мне хорошо знаком еще с Египта. Ведь и мы находились там без каких-либо документов, т. е. от нас отказывались еще при жизни. Недавно я стал свидетелем страшной сцены, когда командир одной российской части выгонял задержанного нами солдата. Конечно же, солдат пойдет и на преступление, чтобы как-то добраться до дому.

— Теперь у меня есть некоторое представление о работе вашей комендатуры.

— Это еще не все. Определенное количество призывников будет проходить специальную подготовку, с ними в течение шести месяцев будут заниматься наши инструктора, а затем их распределят в разные воинские части, таким образом, они прибудут туда уже обученными солдатами, способными выполнить определенную задачу. Из числа этих новобранцев в комендатуре будут формироваться и патрульные батальоны. По крайней мере я буду знать, что этих ребят, не державших в руках оружия и не нюхавших пороха, не погонят сразу на передовую. А я уже насмотрелся на этот ужас и не желаю быть больше свидетелем тому, как необстрелянные мальчишки цепенеют от одного лишь свиста пули.

— Значит, если объявят всеобщую мобилизацию, многие люди, не державшие ранее в руках оружия, пойдут на верную смерть?

— Почему же. Ведь всеобщая мобилизация вовсе не означает, что всем всучат оружие и погонят на фронт. Всеоб-

щая мобилизация означает переход призывников на казарменное положение, следовательно, этих людей научат обращаться с оружием и стрелять. Иначе и быть не может.

— Батоно Гурам, вы кадровый военный?

— Нет.

— Ваша гражданская профессия?

— Инженер. Инженер-строитель мостов и тоннелей. Работал в Министерстве автомобильных дорог до августа прошлого года главным инженером 26-го дорожного управления. Считался «подающим надежды инженером». Участвовал в строительстве моста Вахушти. Имел большие планы на будущее. И вот...

— Не сочтите за бестактность, но каким же образом вы оказались на этой сугубо военной должности?

— В августе я был в отпуске, и в это время «Союз афганцев» объявил мобилизацию в связи с событиями в Абхазии. Я, как зам. председателя «Союза», отправился в зону конфликта. И вот с августа я находился там сначала как зам. комбата, затем в должности комбата.

— Как я поняла, вы и до этого воевали?

— Да, все ужасы войны я испытал еще в 1969 году.

— ?

— Я воевал в Египте и почувствовал на себе, что значит быть отрезанным ломтем, когда ты даже не можешь надеть форму страны, которую представляешь. Наше участие в локальных войнах было строго засекречено.

— То есть?

— В отличие от «афганцев», мы не проходили как участники войны, не пользовались никакими льготами и, вдобавок ко всему, не имели права об этом даже говорить. Только в 1988 году табу было снято.

— Возможно, с вами неуместно об этом говорить, но вы сами вызвали меня на подобную откровенность... Как вы реагируете на то, что нередко ребят, воюющих в Абхазии, незаслуженно, походя оскорбляют. Не кажется ли вам, что это делается для того, чтобы хоть как-то выгородить себя, мол, там сражаются «наркоманы», а чего ради идти туда «порядочным»? При этом забывая, что Родина у всех у нас одна и ради нее в нужную минуту мы должны суметь отдать все, даже жизнь...

— Я часто над этим задумываюсь, и мне кажется, что подобные настроения и разговоры просто кого-то устраивают. Я могу сказать лишь одно: побольше бы таких «наркоманов»,

которые ценою своих жизней защищают отечество, в то время, как некоторые ура-патриоты убивают время в никчемной болтовне и ночных барах Тбилиси.

— Батоно Гурам, будь вы журналистом, какой вопрос задали бы Гураму Джаниашвили?

Признаться, я думала, что последует некоторая пауза, прежде чем прозвучит ответ, но, к моему удивлению, он улыбнулся и, не задумываясь, ответил:

— Ты не устал, Гурам?

— А что вы ответите?

— Да, устал. Устал от войны, от человеческого горя, от всей этой нашей, такой неустроенной и тяжелой жизни, от того, что давно уже мы все заняты не своим делом. Я хочу, чтобы писатель писал, художник рисовал, парикмахер стриг, педагог учил... Я хочу, чтобы наконец настал мир, мир на нашей земле, мир в наших душах и наших сердцах. Я не хочу, чтобы люди говорили друг с другом на языке оружия.

— Еще один вопрос, батоно Гурам. Вы вернетесь когда-нибудь к своей любимой профессии?

Молчание несколько затянулось.

— Не вернусь до тех пор, пока буду нужен в качестве военного моему городу, моему Отечеству.

* * *

Р. С. Такие люди, как Гурам Джаниашвили будут нужны Грузии всегда... И дай-то Бог, чтобы скорее наступил мир... А Гурам Джаниашвили снова стал строить мосты...

Беседу вела Ирина ЗУРАБАШВИЛИ

Теймураз МАГЛАПЕРИДЗЕ

НАСИЛИЕ, СТРАХ, ЛОЖЬ

«Революция для меня — страшная трагедия».

Мих. Джавахишвили

Впервые его имя я услышал в седьмом, не то в восьмом классе. Однажды я обратился к отцу с привычным вопросом: что он мне посоветует теперь прочесть. Хорошо помню, как отец испытующе поглядел на меня, потом отомкнул запертую тумбочку тяжелого дубового письменного стола, достал из глубины ящика книгу с пожелтевшими страницами и оторванным переплетом, протянул ее мне и доверительно произнес: «Знай, это запрещенная книга, из дому ее не выноси и не упоминай о ней в разговоре с товарищами и учителями! Понял?»

Разумеется, мне все было понятно. Я тогда уже хорошо знал, что означает «запрещенная». Например, запрещено было упоминать имя моего деда, известного в свое время педагога Габриэла Гогуадзе, запрещена была и его прекрасная книга «Прожитые дни», в которой он увлекательно рассказывал о своем безмятежном детстве. Я очень любил читать эту книгу, но, к сожалению, ни с кем не мог поделиться своими впечатлениями, так как книга была «запрещена», ее автор расстрелян, а могила потеряна. И вот отец вручал мне еще одну «запрещенную» книгу. Следовательно, я мог заранее знать, что книга непременно окажется интересной.

И я не ошибся.

Начав читать, я уже не мог оторваться от книги, пере-

несшей меня в яркий, волнующий мир и наполнившей дотоле
незнакомыми и в то же время удивительно явственными ви-
дениями. Дойдя до конца, я перевел дух и — Бог свидетель,
не преувеличиваю, — начал снова. Такого со мной еще не слу-
чалось. Быть может, вы догадались, что речь идет об «Арсе-
не из Марабды» Михаила Джавахишвили. Чувства, испытан-
ные в далеком детстве при прочтении этой запрещенной кни-
ги, я пронес через всю жизнь, как волнение и трепет первой
любви.

Магическое слово: «запрещенная».

Детство, отрочество и юность моего поколения были свя-
заны черным знаменем грозной предостерегающей надписи:

Запрещено!

Это, в свою очередь, порождало унижительное чувство
страха, недоверия, скрытности, притворства, безжалостно раст-
левавшее, порабощавшее и угнетавшее души людей, лишало их
света и радости.

Вторая моя встреча с Михаилом Джавахишвили была дей-
ствительно достопамятной. Поэтому позволю себе вкратце рас-
сказать о ней. Тогда наша семья жила в селе Сартичала близ
Тбилиси. Однажды, возвратясь из школы, мой отец привел с
собой симпатичного старика несколько необычной наружности.
Он был совершенно лыс, с огромным лбом, живыми, зеленова-
тыми, влажно поблескивавшими глазами и тонкими, опущенны-
ми книзу губами, как у скорбных театральных масок. Поэтому
выражение лица у него было неизменно печальным. Тонкий
подбородок украшала седая бородка «бланже», усов он, одна-
ко, не носил. Одет он был в телогрейку и тяжелые, грубые
сапоги.

Позднее я узнал, что это был известный литературный
деятель тридцатых годов Георгий (Гуца) Наморадзе. Ему, ос-
вобожденному политзаключенному, проживать в Тбилиси было
запрещено, и он, — не знаю, по каким соображениям, — поселил-
ся в Сартичала. Он преподавал русский язык в школе, где мой
отец работал директором, а квартировал довольно долго у нас.
Вечерами за ужином папа и дядя Георгий допоздна беседова-
ли, попивая из маленьких рюмок красное вино. Беседы эти ста-
ли для меня поистине юношескими университетами. Папа, к
счастью, не возражал против моего присутствия, за что я ему
бесконечно благодарен, потому что эти беседы открыли мне
многие истины.

Дядя Георгий, старик, прошедший через застенки ГУЛАГа,
оказался жизнерадостным человеком, прекрасным рассказчи-

ком, правда, немного косноязычным. Дома он постоянно чем-нибудь занимался: возился на огороде, ухаживал за пчелами (это он особенно любил). Я всегда помогал ему и слушал его долгие рассказы об ужасах тюрьмы и каторги, о превратностях судьбы, о коварстве и вероломстве людей. Впервые от него я услышал слова сурового осуждения коммунистов, самого Сталина и Берия. Это произвело на меня ошеломляющее впечатление и взбудоражило мою детскую психику. Тогда-то и узнал я, что по нашей благодатной, но несчастной земле таким доисторическим чудовищем вольготно шагает насилие, страх и ложь, и яд с его красного языка обильно растекается повсюду. Узнал и раз и навсегда возненавидел большевизм со всей его атрибутикой.

Охотнее всего дядя Георгий рассказывал о Михаиле Джавахишвили. Я и не знал, что они были близкими друзьями. Писатель несколько раз гостил у дяди Георгия в Харькове и даже говорил ему, что хочет написать романы о заговоре 1832 года, о Шамиле и о Шота Руставели.

— Если бы успел! — вздыхал дядя Георгий. — Эх, если бы он успел!

Фантазия моя разыгрывалась, и я старался представить себе, какой была бы каждая из этих книг, как ожили бы в них образы Руставели, Шамиля и стали бы такими же яркими, как Арсен из Марабды. Меня охватывала радостная дрожь, но, вспомнив, что эти мечты безжалостно растоптаны и уничтожены, я горько, до слез переживал их гибель.

Я также узнал, что Георгий Наморадзе, оказывается, перевел на украинский язык и издал романы М. Джавахишвили «Арсен», «Обвал», «Белый воротничок» и несколько его рассказов.

— Ну, а когда его взяли, то и меня, конечно, прихватили заодно, — вздыхал дядя Георгий.

Они, оказывается, часто переписывались. Это я узнал позже, когда прочел необыкновенно интересные, можно сказать, уникальные книги Кетеван Джавахишвили, посвященные жизни и творчеству отца. Вот небольшой отрывок из письма Г. Наморадзе: «Мой дорогой Михаил, все забываю сообщить тебе, что давно уже задумал я — и у меня был разговор об этом с Захарией Палиашвили еще в мае, и я ему обещал написать либретто оперы «Арсен». Так как в основном намереваюсь использовать твой роман, то без тебя я не могу принять решение. Если ты не против, я так и сделаю. Или же ты

сам сочини либретто и передай Палиашвили. Получится хорошая опера».

Письмо датировано 1931 годом. Оно показывает, в каких близких отношениях были М. Джавахишвили и Г. Наморадзе друг с другом и оба они — с Палиашвили, этим исполином грузинской классической музыки. Я не знаю, почему не была осуществлена прекрасная идея создания оперы «Арсен», вероятно, этому помешала смерть композитора.

О дальнейшем пребывании Г. Наморадзе в Сартчала мне, к сожалению, ничего не известно. Мы переселились обратно в Тбилиси, и связь между нами прервалась. Как я жалею, что не встретился с ним в зрелые годы, чтобы услышать от него рассказ о девяти кругах гулаговского ада. Много, наверное, он мог бы сообщить мне и о Джавахишвили, но все эти бесценные сведения он унес с собой в могилу. Я даже не знал, что в молодости дядя Георгий писал стихи. Недавно, листая тома «Грузинской поэзии», я неожиданно в одиннадцатом томе обнаружил стихи Г. Наморадзе. Вот дословный перевод одного из них: «Успокойся, сердце, не волнуйся из-за сплетен и пересудов, природа велела нам добывать хлеб наш в поте лица. Хочу следовать ниспосланному свыше учению, и может, когда-нибудь снизойдут на меня радость и покой».

Не дождался дядя Георгий «радости и покоя» по милости коммунистов. Подобно многим скромным грузинским интеллигентам, отдававшим все силы своего ума и таланта на благо отечества, он испил до дна чашу страданий, полную яда, но все же сберег душу живую и сердце доброе. В примечаниях сообщается: «Г. Наморадзе (1883—1965) — педагог, переводчик с украинского языка на грузинский и с грузинского на украинский. Стихи его печатались в «Иверии» в 1903-04 годах (во времена И. Чавчавадзе! — Т. М.). Долгое время жил в Харькове, был близким другом М. Джавахишвили».

1954 год. Во Дворце пионеров, где я и мои друзья посещали литературный кружок, мне дали пригласительный билет на съезд писателей. Съезд проходил в зале заседаний Совета Министров. В зал меня не пустили и указали на балкон. Вижу: на трибуне Ираклий Абашидзе и... до сих пор меня пробирает дрожь, когда вспоминаю его слова: спасибо родной партии, вернувшей в ряды грузинских писателей М. Джавахишвили, Т. Табидзе, П. Яшвили (за абсолютную точность не ручаюсь, но смысл был именно такой). Зал взорвался долго, очень долго не смолкавшими аплодисментами. Люди плакали, обнимались и снова принимались хлопать. К тому времени я уже про-

чел книги М. Джавахишвили, прочел тайком, со страхом. И вот этому крайне унижительному и для писателя и для читателей положению пришел конец. Михаил Джавахишвили, наконец, взломал каменный склеп и предстал во всем своем величии. «Родная партия» вернула нам писателя, и нам надлежало благодарить ее, как будто не «родная партия» и погубила его.

Завершился последний акт трагедии. Беспощадная борьба, которую главари советского режима с первого дня захвата ими власти развернули против грузинской интеллигенции, в частности против писателей, закончилась их полным поражением. В конечном счете Михаил Джавахишвили выиграл войну, но и сам погиб.

Я не знал, да и откуда мог знать, что на этом съезде присутствовала Кетеван Джавахишвили, дочь писателя. Легко представить, что она должна была пережить, присутствуя при воскрешении из мертвых любимого отца. Пройдет много лет, и К. Джавахишвили напишет об этом:

«Народ с радостью встретил реабилитацию отца, чего я не могу сказать о наших именитых писателях старшего поколения, у которых каждое новое произведение отца почему-то вызывало раздражение и злобу. Разумеется, это относится не ко всем, но было несколько писателей, снедаемых завистью, не дававшей им покоя и чувствовавшей на каждом шагу. Для них, вероятно, было иронией судьбы дожить до реабилитации моего отца. Это событие острым ножом полоснуло их по сердцу, они не ожидали, что такое может произойти, и не скрывали своей озлобленности, а со мной избегали встречаться взглядом.

Из числа бывших друзей отца уклонились от встречи со мной Ило Мосашвили, Сандро Шаншиашвили, Коциа Лордкипанидзе, Бесо Жгенти и другие. Сделали вид, что не заметили или не узнали меня».

Каждый, кто прочтет до конца эту статью, легко убедится, что перечисленные выше писатели не смели подойти к Кетеван Джавахишвили. Ниже нам, к сожалению, не раз еще придется упомянуть их имена в весьма неприятном контексте.

Но прежде надо сказать несколько слов о замечательных книгах Кетеван Джавахишвили, посвященных жизни и творчеству ее великого отца. Передо мной три тома: 1. Михаил Джавахишвили (Жизнь и деятельность), «Мерани», 1984. 2. Михаил Джавахишвили (беллетрист, публицист, журналист), «Сабчота Сакартвело», 1989. 3. Жизнь Михаила Джавахишвили. «Мерани», 1991. Не будет преувеличением назвать эти книги

уникальными по своей ценности. К. Джавахишвили, не будучи профессиональным литератором, сделала почти невозможное: в то страшное время, когда даже упоминание имени М. Джавахишвили было сопряжено с огромным риском, она упорно и бесстрашно, по крупицам собирала важные и даже не очень значительные материалы, касающиеся писателя, систематизировала их и подарила читателям в виде трех объемистых томов. Большинство собранных в этих книгах материалов публикуется впервые. Здесь можно встретить интересные заметки из записных книжек, приписки на полях прочитанных книг, отрывки из дневников, личные письма, написанные или полученные писателем, воспоминания, стенографические отчеты различных собраний, живо доносящие до нас кошмарную обстановку тридцатых годов, отклики на ту или иную книгу М. Джавахишвили и многое другое. Словом, здесь собран целый мир, волнующая история души от раннего детства писателя до его мученического конца.

Ныне, когда по вполне ясным причинам следует отвергнуть и методологически осудить всю работу, которую проделали на протяжении семидесяти лет присяжные критики и историки литературы, вдохновляемые принципом партийности литературы, когда почти все написанное ими следует рассматривать как первоклассные образцы лжи и демагогии, — можно смело сказать, что трехтомный труд К. Джавахишвили всегда пребудет незаменимым первоисточником изучения сложного и многогранного творчества М. Джавахишвили. Исследователь и сейчас, и в будущем найдет в них много интересного для себя. Я являюсь одним из таких исследователей. Приступая к настоящему очерку, я еще раз перечитал книги К. Джавахишвили и окончательно убедился, что без них не смог бы сделать ни шагу. Здесь такое обилие сведений, касающихся фактологии, биографии, творчества, что для исследователя это неисчерпаемый клад, нашлись бы только силы освоить все это богатство. Я, как убедится осведомленный читатель, щедро позаимствовал из трудов К. Джавахишвили, особенно в области фактологии, доступной мне только благодаря этим монографиям. Однако следует сказать, что я по-своему «смонтировал» эти факты и дал им свою интерпретацию. Я не стал также утомлять читателя обилием сносок, так как и без них ясно, что мой очерк редко выходит за пределы ареала книг К. Джавахишвили.

Несколько слов о самой К. Джавахишвили.

Судьба обошлась с ней довольно немилосердно, если не

считать детства и поры раннего девичества, когда она была окружена любовью и заботой отца. В жизни ей довелось сполна изведать страдания, незаслуженные оскорбления, неблагодарность, насилие и предательство. Но это не сломило ее, она не окаменела душой, не озлобилась, сохранила способность к прощению, не потеряла веру в своего обожаемого отца. Именно эта вера дала ей силы написать три фундаментальные книги, эта вера помогла ей остаться утонченным, исполненным чувства собственного достоинства интеллигентом. Когда она была еще юной девушкой, отец вписал в ее альбом «Десять заповедей нашего времени». Последняя, десятая звучит так: «Все, что у тебя есть и будет, и сама твоя жизнь, принадлежит твоей родине. Ты ее вечный должник и неразлучная дочь. Отдай ей свое пылкое сердце, и она сторицей воздаст тебе».

Сомневаюсь, чтобы большевистская родина дала К. Джавахишвили хоть что-нибудь, но она свое «пылкое сердце» и всю свою жизнь посвятила любимой Грузии, заслужив искреннюю благодарность потомков.

В одной из книг К. Джавахишвили так характеризует отца:

«Сердце его не знало страха, он был тверд и бесстрашен душой, смело говорил то, что думал. Он всем доверял, со всеми был искренен и откровенен, всем говорил в лицо правду — приятную и неприятную, а не нашептывал за глаза. По натуре он был человек прямой и ничего не боялся. Он не раз говорил мне: «Помни, в жизни нельзя быть трусом. Если чувствуешь, что права, не бойся ничего, поступай смело. Человек не должен быть дрянью и ничтожеством. Ты же знаешь: «Ругай друга в глаза, а врага за глаза». Вот и я таков. Но они (т. е. большевики. — Т. М.) не могут меня понять».

Вот какой отец был ее воспитателем и наставником. Ей, естественно, генетически передались такие прекрасные человеческие качества, как бесстрашие, стойкость, прямота, правдивость. Но она искренне признается:

«С того дня, как забрали отца, страх сделался постоянным спутником моей жизни. Этот страх доныне преследует меня, он проник мне в плоть и кровь, я не могу избавиться от него».

Но несмотря на это:

«Я обязана сохранить для будущих поколений все подробности трудной жизни и трагического конца писателя, чтобы они имели полное представление о писателе и времени, в которое он жил и создавал свои произведения. Потомки ничего

не знают об окружавшей М. Джавахишвили тяжелой, душительной атмосфере, жертвой которой он в конце концов и стал. Молодежь ничего не знает о злых и лживых людях, живших рядом с ним и даже называвших себя его друзьями.

Каждую ночь шли аресты. Люди были перепуганы, ошеломлены, потрясены. В Тбилиси царило уныние, никто не понимал, что творится вокруг, откуда в городе столько предателей. Все избегали высказывать свои мысли, придавленные атмосферой всеобщего недоверия. Это была разновидность инквизиции, ураганом пронесшейся над Грузией в 1937 году. Творились невообразимые дела. В августе аресты стали массовыми, достигли кульминации. Маленький народ лишили большей и лучшей части интеллигенции, уничтожались целые семьи, детей отрывали от матерей и бросали в детские дома. А ни в чем не повинных матерей отправляли в Сибирь. (...) Волны несчастья и бед все же больше накатывались на интеллигенцию. Лучшие из лучших исчезали без следа, погибали. Целые семьи шли на Голгофу. Нажитое ими добро переходило в руки тех, кто своим злодейством выслужил эту милость.

Да, я обязана!»

Мы же, исполненные благоговейного почтения к этой многострадальной, все видевшей и все пережившей женщине, грузинке, должны сказать, что она с честью выполнила свой долг перед родиной. Кетеван Джавахишвили скончалась в 1985 году. Царство ей небесное!

Прежде чем проследить, как постепенно, но неуклонно смертоносные метастазы страха охватывали личность М. Джавахишвили, оказавшегося среди людоедов, было бы не лишним вспомнить о начале его творческого пути. В начале нашего века, в 1903 году, 23-летний М. Джавахишвили опубликовал первый рассказ «Чанчура», затем еще несколько рассказов, которые сразу принесли ему известность и закрепили за ним место в грузинской литературе того времени.

Читателям стало ясно, что в литературу вступает молодой писатель с собственным взглядом на вещи и оригинальной художественной стилистикой, сформировавшейся на основе грузинской классической литературы, а также опыта европейской беллетристики XIX века. Не надо забывать: это было время, когда были еще живы и творчески плодотворно работали корифеи нашей литературы: И. Чавчавадзе, А. Церетели, Я. Гогебашвили, Важа Пшавела, Д. Клдиашвили, В. Барнов, Ш. Арагвиспирели... На этом величественном фоне добиться всеоб-

щего признания было большой честью для начинающего писателя. Пройдут годы, и М. Джавахишвили напишет:

«Моими учителями грузинского языка были Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели и Важа Пшавела (я подразумеваю его прозу)».

Мэтр грузинской литературно-критической мысли тех лет Кита Абашидзе в специальной статье, посвященной М. Джавахишвили, отмечал: «Среди писателей, вступивших на литературное поприще в эпоху революции 1905 года, наибольшего внимания заслуживает М. Джавахишвили, обладающий несомненным художественным талантом и своеобразной манерой письма, в которой слиты воедино натурализм и романтизм».

Очень высокая оценка. Можно сослаться и на другие высказывания, предрекавшие М. Джавахишвили большое писательское будущее (например, Г. Рцхиладзе — «Занги»), но это увело бы нас в сторону от основной цели. Следует сказать главное: М. Джавахишвили сразу же совершенно естественно «вписался» в ряды грузинских интеллигентов — питомцев XIX века, сфера интересов которых фокусировалась в одной точке: это был национальный вопрос, самоотверженное служение на благо родины и борьба за свободу против колониалистской политики русских. В этом обществе М. Джавахишвили нашел реальную духовную пищу, насущно необходимую ему, что в большой степени обусловило становление М. Джавахишвили как личности.

Здесь нельзя не упомянуть сыгравшего особенно важную роль в творческой и духовной жизни писателя Илью Чавчавадзе. «Четырнадцать лет я уже хорошо знал классиков прошлого столетия. Знал я также, что самым большим писателем, самым крупным общественным деятелем, духовно опекавшим грузин, считался Илья Чавчавадзе», — писал М. Джавахишвили. И. Чавчавадзе действительно оставил глубокий след в духовном мире юноши. Будущий писатель, разумеется, не знал, что через десяток лет ему суждено вступить на писательское поприще, сотрудничать в руководимой Ильей Чавчавадзе «Иверии» и завязать с ним довольно близкие личные отношения. Тем более не мог он знать, что сходным окажется финал их жизни и деятельности: и Илья Чавчавадзе пал от руки социал-демократов в 1907 году, и многострадальную жизнь М. Джавахишвили злодейски оборвут члены РСДРП(б) ровно через тридцать лет. И еще: ирония судьбы заключается в том, что в руководимом Ф. Махарадзе органе «Могзаури» некий подонок Нацвлишвили клеветал на И. Чавчавадзе, а в допросах и

пытках М. Джавахишвили принимал активное участие лейтенант госбезопасности некто Нацвлишвили (см. «Жизнь М. Джавахишвили», послесловие Рамаза Шишниншвили).

Привожу несколько выписок из записных книжек М. Джавахишвили, которые свидетельствуют о его отношении к личности и деятельности И. Чавчавадзе:

«Илья Чавчавадзе был знаменосцем грузинского народа, соткавшим образцовое знамя для эпохи».

«Вера в себя у Ильи безмерна, он не вошел, а ураганом ворвался в грузинскую жизнь. Он подобно титану забрасывает увесистыми камнями наши недостатки, отсталость, суеверия».

Здесь же дается оценка И. Чавчавадзе как оратору:

«Я несколько раз слушал публичные выступления Ильи Чавчавадзе. Он был изумительным оратором. Не волновался, не повышал голос. Редко прерывал противника, но его реплики всегда были убийственны. Голос у него был сильный, логика — безупречная, железная, беспощадная, манера речи — неизменно спокойная, но резкая, разящая безжалостно, иногда умеренно ироничная, но всегда вежливая, размеренная. Он как тискама схватывал слабые места и рвал на части противника, терзая его, и в конце концов уничтожал окончательно. Я не встречал не только равного Илье, но даже оратора его типа».

Эти несколько строк — прекрасный образец создания словесного портрета. Так же впечатляюще овеянное печалью описание встречи с Ильей Чавчавадзе. К тому времени Илья был буквально «загнан в угол» разнузданной травлей, развязанной против него социал-демократами, и со дня на день могло случиться самое страшное.

«Весной 1906 года я навестил больного Илью Цинамдзгвришвили. Вскоре пришел Илья Чавчавадзе, спросил, как себя чувствует больной. Завязалась беседа. Его одолевали мрачные думы. Он упомянул о судьбе «Иверии». Газета эта была его детищем, он пестовал ее несколько десятилетий, затем передал своему преданному единомышленнику А. Сараджишвили, который перепоручил ее Кипшидзе, также последователю Ильи, тот «вручил ее этому молодому человеку. — Илья указал на меня, — а затем Гогичаишвили». Это бы еще ничего. Но одна газета объявила Илью феодалом, мучителем крестьян.

— Ты понимаешь, Илья, я, оказывается, враг народа! — возмущался Чавчавадзе. — Я феодал, хочу восстановления крепостного права!

Я и Илья Цинамдзгвришвили старались его утешить, но Илья долго не мог успокоиться. «Молодое поколение проявило

неблагодарность по отношению ко мне», — сокрушался он. Какой-то негодяй облил грязью Илью, тиснув в «Могзаури» насквозь лживую корреспонденцию. «Иверия» перепечатала ее, а затем сделала еще хуже, сопроводив ответ Ильи «Неужели?» примечанием, в котором говорилось, что редакция не во всем разделяет позицию автора. Получалось, что Илье не удалось полностью оправдаться. В то время и я работал в «Иверии».

— Юноша, неужели это примечание не вогнало вас в краску? — обратился ко мне Чавчавадзе.

Я ответил, что ничего не знал о письме и примечании.

— Этот бессовестный (автор корреспонденции. — М. Д.), вероятно, хорошо знает, — продолжал Илья, — что я пытался не допустить экзекуцию в Сагурамо, даже писал своему управляющему: прими все меры, чтобы уберечь народ от расправы».

Ружье все же выстрелило. Произошло убийство века. Позднее М. Джавахишвили напишет: «Агония Грузии началась в Цицамури, в августе 1907 года». Эта агония катилась, разрасталась, набирала силу и в конце концов породила кровавый советский режим, безжалостно раздавивший и самого М. Джавахишвили.

Потрясающе и глубоко символично краткое воспоминание писателя о ночи перед выносом тела И. Чавчавадзе из Сагурамо: «Никогда не забуду ту ночь. Другие, опередив меня, заняли постели. Осталась одна подушка, вся в пятнах крови Ильи, в день убийства она была у него за спиной. С трудом решился я взять эту подушку, положил ее под ореховое дерево около родника, где провел столько незабываемых часов, накрыл ее сверху платком и, измученный психически и уставший физически, наконец забылся сном перед первыми петухами».

Да, и Илье Чавчавадзе, и Михаилу Джавахишвили изголовьем послужила одна и та же окровавленная подушка, оба они стали жертвами разнузданной вакханалии, затеянной социал-демократами в начале века. И вакханалия эта продолжалась почти до наших дней. Большевики, обуреваемые злобой и яростью, стремились во что бы то ни стало разорвать, уничтожить цепь культурной преемственности, восходящей к жизненным интересам нации, окончательно лишить народ культурно-исторической памяти, после чего править им было бы очень легко. Поэтому и подвергали они остервенелой травле Илью Чавчавадзе, пытались запятнать его светлое имя гнусной, ядовитой клеветой, поэтому стремились вытравить память

о М. Джавахишвили, запретив даже упомянуть его фамилию, как если бы она вообще не существовала.

М. Джавахишвили с болью писал в 1936 году:

«Нападки на Илью Чавчавадзе не новы, много их мы слышали в этом зале. Семь-восемь лет назад несколько юношей выступали, доказывая друг другу, что Илья Чавчавадзе не только не великий писатель, но, может, и не писатель вовсе. Включать Илью Чавчавадзе в историю литературы нельзя, заявляли они, поэтому даже из учебников надо изъять его имя. Тогда я и еще несколько писателей выступили против этого».

В другое время и в другом месте:

«Образцы творчества наших классиков почти полностью изъяты из учебников. Дело дошло до того, что один писатель публично заявил: благодарение Богу, грузинский народ очень скоро забудет имя Шота Руставели. Всем памятно и то, как одна группа писателей упрекала другую в том, что последние считали Илью Чавчавадзе великим писателем».

М. Джавахишвили отлично знал, что означало для грузин такое безобразное отношение к И. Чавчавадзе. Знал он это еще в молодости, когда покинул ряды социал-федералистов. Вот как пишет он об этом в дневнике:

«Я вышел из партии федералистов (1907) по четырем причинам: 1. Партия признала этнографический принцип размежевания наций, т. е. несколько уездов уступала армянам. 2. Открыла доступ в партию многим анархистам. 3. Я не верил в социализм. 4. Партия федералистов сняла ответственность с социал-демократии — убийцы Ильи Чавчавадзе».

Из этих четырех пунктов для нас сейчас интересны последние два. В связи с этим хочу предложить вам более позднюю его запись:

«2/VI-25 года я был в Мухрани. Мне показали Бербичашвили — убийцу Ильи. Упитанный зверь средней величины. Густые усы. Почитается героем. Теперь все ясно! Вспоминаю: когда в 1909 или 1910 году его товарищей приговорили к смертной казни, общество стало ходатайствовать о помиловании, убедили даже Ольгу поставить свою подпись. Помиловали. Но простит ли нам история? Очень важный факт».

— Простит ли история? — горько вопрошал М. Джавахишвили. — Простит ли?

Не простила. Грузинский народ, тяжело пораженный синдромом «счастливой нации», сполна пожал плоды своей безопасности: угодил под кровавые дожди и «сделался строителем

социализма и коммунизма», надсаживая грудь в восторженных приветствиях: «Наш Сталин, наш земляк, наш великий рачитель, созрели плоды посаженного твоими руками дерева»...

Да, созрели «плоды», так созрели, как никто не мог себе представить. Но М. Джавахишвили потому и был великим писателем и гражданином, следовавшим по пути, проложенному Ильей Чавчавадзе, что тотчас же понял: «созревший плод» — это плевел и белена, и ничего больше. Недаром пишет он в дневнике: «Я не верил в социализм», а в одной из автобиографических заметок он уточняет и конкретизирует эту мысль:

«Главная цель деятельности М. Джавахишвили — свобода Грузии. По убеждениям он эволюционист и считает, что сила и будущее нации — в ее имущественном и умственном богатстве. В 1904—1905 годах М. Джавахишвили был крайним радикалом, хотя и не проникся идеей социализма, ибо идея социализма нанесла Грузии неизмеримый урон и грозит ей страшной опасностью в будущем».

Итак, с одной стороны «главная цель — свобода Грузии», а с другой стороны — «идея социализма нанесла Грузии неизмеримый урон и в будущем грозит ей огромной опасностью». Ясно, что это — несовместимые понятия, как огонь и вода. Между тем в точке пересечения этих несовместимых путей пришлось жить и работать М. Джавахишвили. Это уже была глубокая трагедия, и действительно началась яростная, смертельная борьба между писателем и «социализмом», завершившаяся мученической гибелью писателя.

В одной из записей М. Джавахишвили читаем:

«Революция для меня — страшная трагедия, потому что на моих глазах гибнет старая страна — моя мать. Для некоторых это высшая радость, ибо рождается дитя — новая страна. Поэтому скорбит вчерашний поэт. Поэтому хохочет сегодняшней юнец-комсомолец. Лучше было мне родиться или раньше, или позже».

(Последнюю фразу, в которой аккумулярован если не трагизм, то, во всяком случае, драматизм, писатель вложит в уста Арсена — главного героя «Арсена из Марабды»).

Итак: «Революция для меня — страшная трагедия»...

Что больше мог сказать человек, писатель? Тем более, что жить и творить ему пришлось именно в «величественную» эпоху социализма — «завоевания» революции. К тому же — и это очень важно — на его глазах произошло крушение националь-

ных идеалов, их девальвация. Ничего не могло быть тяжелее для писателя, всей душой преданного своей родине и ее народу.

«Революция для меня — страшная трагедия»...

Эта фраза может служить эпиграфом ко всему творчеству М. Джавахишвили. Отношение к революции со всеми ее отрицательными последствиями — одна из центральных проблем беллетристики М. Джавахишвили. Позднее, под нечеловеческим давлением большевистского пресса, М. Джавахишвили попытался встать на частично приспособленческий, конформистский путь. Кто знает, быть может, это — наряду со многими другими причинами — предопределило его личную и творческую трагедию?

Цель настоящего очерка — по возможности показать зарождение, перипетии и горестный исход трагедии М. Джавахишвили, а выражаясь более сжато, осветить вопрос: «писатель и революция» (или: «писатель и советский режим»).

Однако мы невольно опередили хронологический ход событий. Поэтому придется временно вернуться несколько назад.

Период 1903—1921 годов в жизни и творчестве М. Джавахишвили отмечен большими трудностями, но и захватывающей романтикой: 1903-й — год его вступления на писательское поприще, 1921-й — год установления в Грузии советского режима. С этого момента все последующие годы жизни писателя прошли под знаком нарастающего трагизма, о чем подробно будет идти речь ниже. О предшествующих годах можно сказать, что, несмотря на душевные и материальные невзгоды, даже семейную трагедию (бандиты убили его мать и двух сестер), несмотря на революцию 1905 года, арест и высылку, несмотря на первую мировую войну и множество обрушившихся на М. Джавахишвили больших и малых бед, таивших в себе угрозу деформации личности, писатель все же был полон энергии, веры и надежды, оптимизма. Молодой человек охвачен жаждой творчества и общественной деятельности, много пишет для федералистской газеты «Цнобис пурцели», является фактическим редактором чавчавадзевской «Иверии», участвует в революции 1905 года — как публицист, основывает газету «Глехи» («Крестьянин»), за что подвергается аресту в 1910 году. Не надо только забывать, что для М. Джавахишвили, как и для большей части грузинского народа, эта революция, в первую очередь, носила ярко выраженный национальный характер, а не социальный, ибо в тогдашней Грузии социальная проблема не представляла особой остроты. О феода-

лизме никто уже не помнил, капитализм находился пока в зачаточной стадии. Поэтому в серии своих публицистических статей, названных «Маленькие думы», М. Джавахишвили предстает неустанным проповедником национальной свободы и обличителем русского насилия. В этих статьях он остро, смело обличает жестокость, бессердечие, зверства русских солдат, описывает разоренные и сожженные казаками деревни и села, грудных детей, заколотых штыками, изнасилованных женщин... (Позднее это художественно изображено в «Арсене из Марабды» — в сценах экзекуции в деревнях. Кстати, «Маленькие думы», как и другие блестящие образцы публицистики М. Джавахишвили, пока не изданы. До каких же пор? Неужели и сейчас еще не время?!).

Царское правительство по сравнению с большевиками, конечно, было ангелом небесным, но своих прямых врагов, естественно, и оно не гладило по головке, но как могло наказывало революционеров. (Классический пример «наказания»: Ленин, Владимир Ильич, вождь пролетариата, писал свою «танцевальную» книгу «Шаг вперед, два шага назад», как вдруг у него — страшно выговорить — кончились чернила, он нигде не мог их раздобыть (да и где их было найти в проклятое царское время?) и, представьте, стал писать... молоком. Вот ведь как!). Особенно император не жаловал «нацменов», «бунтовщиков», поскольку они, если не брать в расчет социал-демократов, боролись за национальное освобождение, за отделение от Российской империи и независимость. М. Джавахишвили тоже был одним из них, и когда газета «Глехи» развила чрезмерную активность, охранка начала его преследовать, но М. Джавахишвили успел скрыться за границу с чужим паспортом. (Попробовал бы кто сбежать от большевиков, да еще с чужим паспортом!).

На этот раз М. Джавахишвили, спасаясь от ареста, был вынужден уехать за границу, но, я уверен, что и без этого он рано или поздно все же отправился бы в Европу, чтобы непосредственно приобщиться к мировой цивилизации, основательно пополнить свое образование, а затем вернулся бы, чтобы отдать всю силу своего интеллекта служению родине. В то время молодые грузины: К. Абашидзе, А. Джорджадзе, М. Церетели, В. Черкезишвили, И. Джавахишвили, Д. Узнадзе, Ш. Нуцубидзе, Г. Робакидзе, В. Котетишвили, К. Гамсахурдиа, П. Яшвили, Н. Лордкипанидзе, Л. Киачели и многие другие, в отличие от «тергдалеули» прошлого века, ехали не в Россию, а в культурные центры Европы, ибо это открывало перед ними более

широкие перспективы. Начинаясь процесс, который, в конечном итоге, должен был привести к «великому ренессансу» Грузии и вывести ее на орбиту мировой цивилизации. И это неизбежно произошло бы, но 25 февраля 1921 года всем этим надеждам был положен конец.

М. Джавахишвили так описывает свой отъезд в Европу:

«В 1906 году меня как редактора «Глехи» привлекли к суду. Я скрылся в Швейцарии, в 1907 году переехал в Париж и изучал в университете литературу, искусство и политэкономия. Совершил короткое путешествие в Швейцарию, Африку, Англию, Бельгию и Германию. Побывал и в Стамбуле».

Разумеется, молодой писатель не смог бы на свои средства уехать за границу и продолжать учебу в Парижском университете. Ему помогли друзья.

«Много сделал для меня Филипп Гогичайшвили. Благодаря его содействию мне была назначена зубалашвилевская стипендия. После первого побега я еще дважды ездил в Европу. Мне повезло. Зубалашвилевская стипендия составляла 75 рублей. Кроме того, все наши меценаты хорошо принимали меня. С их помощью я увидел прекрасные города Италии, побывал в Австрии, Германии, ездил в Лондон. Николоз Гогоберидзе повез меня в Ниццу за свой счет. Посетил я и Бельгию».

В 1906 году, провожая молодого писателя в Европу, Филипп Гогичайшвили дал ему такой совет: «Михаил, ты едешь в Европу. Отправляйся прямо в Париж и принимайся за изучение экономических наук. Нам нужны люди, которые сумеют заботиться об укреплении хребта нации».

Это был серьезный совет, и М. Джавахишвили не пренебрег им (он считался прекрасным знатоком экономики), но его интеллектуальные интересы, естественно, были обращены к вопросам литературы, истории и философии.

Об этом свидетельствует еще одно сообщение:

«В июне 1909 года в зале Брюссельского нового университета прочел доклад профессор литературы Данльсон, доказав свое открытие, что Шекспир — это псевдоним лорда Рэтленда. Я присутствовал при этом. Слушал также лекции Лансона, Фаге, Колинирса, Бергсона, Гюстава Лебона, Кюри... Видел Режана, Коклена, Муне-Сюлли, Сару Бернар, Элеонору Дузе; слушал Таманьо, Баттистини, Карузо, Титто Руффо, Марию Гай, Нелли Мельбу; музыкантов Сарасате, Гофмана, Кубелика, Изан и многих других. Видел также Жореса, Геда,

Самба, Реноделя, Мориса Барреса, Франса, Пьера Лоти, Фаррера, Пьера Коппе, Огюста Родена».

Некоторые из перечисленных фамилий немного скажут сегодняшнему читателю, однако в свое время они пользовались большой известностью, и общение с ними было весьма престижным. Так что хотя М. Джавахишвили и не закончил полного курса в университете, он все же получил обширное общекультурное образование и вернулся на родину обогащенный знаниями.

Пройдут годы, и бездарные, невежественные, бескультурные «пролетарские писатели и поэты» станут отравлять жизнь М. Джавахишвили, ставя ему в вину то, что в Париже он получил «буржуазное» образование и сам был представителем буржуазии и дворянства, то есть врагом народа, изменником и ренегатом.

По возвращении на родину писателю припомнили крайне национально-революционную, антирусскую деятельность в газете «Глехи», и в 1910 году он был арестован.

Исследователь А. Кочлавашвили:

«Тотчас после ареста М. Джавахишвили допросили и предъявили ему обвинение в многолетней антиправительственной деятельности. Ему припомнили напечатанные в «Глехи» в 1906 году статьи, что усугубляло обвинение. М. Джавахишвили категорически отрицал свою вину, но (...) Тбилисский комитет по делам печати еще раз подтвердил «охранке», что редактором «Глехи» был М. Джавахишвили и именно он писал антиправительственные статьи».

Из воспоминаний Геронтия Кикодзе:

«Впервые я встретил Михаила Джавахишвили осенью 1910 года в Метехской тюрьме. Он как-то очень уютно, домашнему устроился в углу камеры и всегда неторопливо, в домашних шлепанцах выходил на прогулку. В читательской среде он уже был известен несколькими рассказами, в которых прекрасным грузинским языком описывалась жизнь маленьких людей. Он был очень интересным собеседником: о пережитом он рассказывал как человек наблюдательный, наделенный большим творческим даром. Он был худощавый, с оспинками на лице, лоб высокий, взгляд из-за очков внимательный, испытующий. Наряду с острым умом он проявлял какую-то детскую наивность. Отличался обостренным патриотическим сознанием».

Это была первая тюрьма в жизни М. Джавахишвили. Тюрьма всегда тюрьма, что в ней может быть хорошего, но

когда арестант «уютно, по-домашнему» устраивается «в углу камеры» и «ходит на прогулку в шлепанцах», это что-нибудь да значит. Пройдут годы, и писатель еще дважды (в 1923 и 1937 годах) окажется в тюрьме, теперь уже большевистской, и мы увидим, какие муки ада ему придется претерпеть.

А пока ссылка в Ростов-на-Дону и возвращение на родину в 1913 году. До 1915 года он вел более или менее размеренную жизнь в Тифлисе, участвовал в литературно-благотворительных делах, «ходил чуть сутулясь, с палкой, отличался интеллигентными, утонченными манерами и спокойной, четкой речью (чем будет так раздражать пролетарских писателей. — Т. М.). Говорил степенно, низким голосом, в его речи ощущалась кахетинская акцентуация». Как все культурные люди, он «любил книги и бережно обращался с ними. Когда он брал в руки книгу, чувствовалось, как нежно, с каким уважением он относится к ней. Книга, которую он читал, никогда не валялась на стуле позабытой. Он не имел привычки загибать листы». Любил он также бывать в театре грузинской драмы (тогда там играли лучшие актеры), слушать хорошую музыку, неторопливо беседовать о литературе и искусстве, не отказывался сыграть в преферанс, — напротив, играл с большим увлечением. Он был уже автором нескольких прекрасных рассказов и пользовался известностью, но сейчас не имел времени для беллетристической работы, тем более что уже грянул ураган первой мировой войны. Страшная военная истерия выбила и его из колеи, затянув в свой бурлящий вулкан, бросала, мотала его в разные стороны и наконец швырнула в далекую Персию, в окрестности мертвого озера Урмия, где он с 1915 до 1918 года служил уполномоченным Красного Креста. Именно впечатлениям, вынесенным писателем из Персии, должна быть благодарна грузинская литература, обогатившаяся таким шедевром прозы, как «Ламбало и Коша». Не говоря о прочих достоинствах, чего стоит одно только описание озера Урмия, но это уже другая тема. Здесь хотелось бы только вспомнить один символический, на мой взгляд, эпизод, рассказанный М. Джавахишвили в своей книге.

Существует малоизвестная фотография, сделанная в 1916 году. На ней сняты два стоящих плечом к плечу стройных мужественных молодых человека. Один увешан оружием, с патронташем крест-накрест. Это Исмаил-ага Симко, вождь курдов. Второй — в военной форме, с лихо закрученными усами, руки спокойно убраны за спину, взгляд внимательный, изучающий. Это Михаил Джавахишвили.

Ага Симко был прославленный на всю Персию лихой бесстрашный удалец. Оказывается, двух этих, столь разных по образу мыслей и устремлениям людей связывала большая дружба. И вот однажды Исмаил-ага Симко в знак глубокого уважения подарил Михаилу чистокровного арабского скакуна. Привыкший к воле конь, фыркая и храпя, грыз удила. Михаил безумно любил коня, сам ухаживал за ним, кормил из своих рук. К Михаилу перед его отъездом в Тбилиси пристал один врач, убеждая продать ему коня: как, дескать, будешь везти его с собой, замучаешься. И уговорил-таки. Позже оказалось, что врач решил объездить коня, но тот не подпускал его близко. Все попытки оказались тщетными. Разозленный врач придумал месть: он заморил коня голодом, обессилил его, превратил в клячу и так подчинил себе — плебейски, подло...

Узнав об этом, Михаил страшно разгневался и сделал в записной книжке такую запись:

«Трус заморит голодом холеного скакуна, лишит его сил и потом вскочит на него. Так поступил врач с моим арабско-курдским конем. Выманил у меня, а сам не смог им распорядиться».

Я вижу некую аналогию между судьбой этого скакуна и самого М. Джавахишвили. Он был создан для вольного полета по бескрайним просторам без узды и седла и уж, конечно, без всадника, но подлые бесчестные большевики сперва наложили на него свое клеймо, потом взнуздали, оседлали, вскочили на спину и велели скакать, куда прикажут.

Я уверен: на своем тернистом жизненном пути М. Джавахишвили не раз думал об этом коне, укрощенном так плебейски. Вспомним хотя бы, что в «Арсене из Марабды» негодяй Кучатнели именно так расправился с конем Арсена.

Итак, в 1918 году М. Джавахишвили возвратился в Тифлис. Я не стану распространяться о катаклизмах, сотрясавших тогда весь мир, Россию и не обошедших стороной Грузию. Это завело бы нас слишком далеко; кроме того, читателю и без меня хорошо известно о происходивших тогда событиях. Я приведу здесь прогноз, сделанный М. Джавахишвили в связи с началом первой мировой войны и будущей революцией, а вы сами рассудите, насколько точным оказался этот прогноз: «Россия, ввязавшись в войну, совершила самоубийство — это раз. Через несколько дней группа знатных господ выбьет краеугольный камень из-под Российского дома — это два. Месяца через два эта группа окажет поддержку скрытым недовольным силам и вместе с ними взбаламутит бездонную и бескрайнюю

стоячую лужу — это три. Эта лужа, грозно надвигаясь, вначале сметет нынешнюю власть — это четыре. Потом, набравшись сил, она ударит по новой власти и оторвет ту половину головы, которая сейчас баламутит лужу и подкапывается под собственный дом — это пять. Далее настанет время страшное и грозное, свирепое и беспощадное, и тогда будет оторвана вторая половина головы. Это ужасное время наступит через десять месяцев — это шесть. Поток превратится в потоп, буря — в ураган, безгрешный святой — в разъяренного зверя, роза — в белену, ангел — в исчадь ада, безобидный шелковичный червь — в гадюку. Брат пойдет на брата, отец — на сына, и долго не смогут они упиться кровью друг друга. Пламя взметнется к небесам, реки окрасятся кровью, страна оглохнет от стога умирающих. Родится новая страна, чуждая и необычная, незнакомая и устрашающая. Свои и чужие набросятся на эту страну, разразится война, ужасная и беспощадная, остервенелая и злобная, дикая и яростная. Вся Россия превратится в море крови, белая волна докатится до красной столицы, но... красные одолеют, перебьют белых, сбросят их в море и утвердят свою власть. И это седьмое и последнее».

Отношение к меньшевикам М. Джавахишвили выразил одной-единственной фразой:

«Клянусь самому себе: этому правительству не служить, не доверяю меньшевикам, таков мой курс».

Оно и понятно: меньшевистское крыло социал-демократии, как и большевики, было связано с марксизмом, классовой борьбой, социализмом, пролетарским интернационализмом и прочими «измами», что мировоззренчески было совершенно неприемлемо для М. Джавахишвили. Более того, он считал, что социализм несовместим с грузинской национальной психологией, ибо не учитывает исторический опыт грузинского народа, его образ жизни и, если угодно, мировосприятие. Вспомним приведенное выше высказывание: «Идея социализма нанесла Грузии неизмеримый урон и в будущем грозит ей огромной опасностью».

Это предвидение, пророчество с абсолютной точностью сбылось в многострадальной Грузии, на десятилетия превращенной в полигон для эксперимента, проводившегося доктринерствующими маньяками. В конце концов этот эксперимент, как всем хорошо известно, закончился полным крахом.

Но мы отклонились в сторону.

Он не доверял меньшевикам и не хотел сотрудничать с ними, потому что они в корне отошли от национальной кон-

цепции Ильи Чавчавадзе, но одно несомненно: по сравнению с большевистским владычеством (а уже слышалось смрадное дыхание приближающегося красного чудовища!), — и при царе, и при меньшевиках в Грузии можно было свободно дышать. Вообще следует сказать: период 1903—1921 годов в жизни и деятельности М. Джавахишвили, несмотря на многие невзгоды — революцию, политические преследования, эмиграцию, тюрьму, ссылку, войну — все же можно считать периодом свободомыслия, свободного творчества. Да, людям было трудно, нелегко приходилось и М. Джавахишвили, но они не знали, что такое страх, уничтожающий, разрушающий страх, оскверняющий чувство собственного достоинства, попирающий внутреннюю свободу человека. Страх, вынуждающий любого стать приспособленцем, конформистом, поступиться добром, утратить смелость и стать игрушкой в руках ничтожеств. Такого страха перед властью люди не знали никогда прежде, он возник в эпоху господства советского режима и прочно обосновался в душах людей. Его влияние в той или иной степени испытали все, в том числе и Михаил Джавахишвили.

Он прекрасно знал, кто и каким образом захватил власть в Грузии 25 февраля 1921 года. С первых же дней стало ясно, что за монстр-людоед вторгся в страну под кровавым знаменем большевизма, с серпом и молотом в руках, так что даже прожженный негодяй, аферист, шантажист, способный на немислимую подлость — Квачи Квачантирадзе с полным основанием мог сказать: «Послушайте и запомните мои слова: я, что и говорить, злодей, забывший Бога, но они (т. е. большевики. — Т. М.) намного хуже меня».

Бедный, наивный Квачи-Квачико! Негодяи твоего масштаба в подметки не годились Берия и его приспешникам. Так-то! На Грузию обрушилось страшное несчастье.

В который раз уже история безжалостно отдала Грузию на растерзание. Опиравшийся на русские штыки советский режим был самым мерзким из всего, что довелось претерпеть нашей измученной стране. Очень скоро стало ясно, что смириться с происходящим, сидеть сложа руки — равносильно измене. С другой стороны, заранее было известно, что борьба бесперспективна, обречена на поражение, и это охлаждало энтузиазм, порождало колебания, сомнения, безнадежность. Несмотря на это, немало патриотически настроенных молодых людей, в основном из числа интеллигенции, были готовы пожертвовать собой. В их рядах находился и Михаил Джавахишвили. В 1921—1923 годах он активно участвовал в работе

национально-демократической партии и был даже членом «паритетного комитета». Он глубоко сознавал гражданский и писательский долг перед своим народом, понимая в то же время, что Грузии реально угрожает опасность физического истребления, что страна попала в страшный водоворот и, находясь на краю гибели, взывает о помощи. М. Джавахишвили «не умел плавать», но все же «бросился» в воду. Это было для него вопросом чести, иначе он не мог поступить.

Из записной книжки:

«Мои действия в 1921—1924 годах напоминали поступок человека, который не умел плавать, но прыгнул с дерева в воду, чтобы спасти другого. Объяснить это невозможно. Тут действует тайная сила — инстинкт помощи ближнему, и этот инстинкт в сто раз сильнее сознания».

Еще интереснее другая запись, в которой чувствуется напряженная обстановка того времени. В этих заметках, сделанных писателем на скорую руку, — вероятно, чтобы не забыть «голые» факты, — каждая строчка, каждое слово пронизаны нервной дрожью, свидетельствуя о крайнем внутреннем напряжении автора.

«В пасхальную ночь создан паритет. Мицишвили, Лордкипанидзе, Гобелия, Рцхиладзе, Нинидзе, Пирцхалава и другие.

Какуца Чолокашвили работает. Борьба усиливается. Собрания у меня. Вопрос Какуцы о тактике. Я борюсь. Два заседания. Я — один. Ясон и Г. Ц. молчат. Против: Вачнадзе, Абхази. В конце ко мне присоединились: Ясон, Абхази. Приезжает Ишхнели.

«Восстание» у Арагви. 36 человек. Борьба разгорелась. Войско дрожит, власть колеблется. Наша тактика — спасение Какуцы. Прорыв окружения. Победил. Уехал. Двучичие социал-демократии — прокламации. Если бы поддержали — мы бы изгнали русских отсюда. Эта вера вызвала раскол среди нас. Работаю по 12—14 часов. Требуют продолжения борьбы. Разговор с Абхази: вышвырнем! Потом? Помогут. Кто? Как? «Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позор».

Как известно, восстание потерпело поражение. Национально-демократическая партия была ликвидирована, члены ее арестованы. Много прекрасных личностей, истинных патриотов пали жертвой в борьбе за освобождение родины. М. Джавахишвили был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

Расстрел...

Как легко пишем и еще легче произносим мы это жуткое слово, словно не осознавая до конца, что реально скрывается за ним. Задумайтесь: вот молодой человек, здоровый, полный сил, наделенный умом и талантом, он жаждет жить, радуется траве, голубому небу, птицам... как вдруг приказ подонка-комиссара: расстрел! Легко представить, какие чувства овладели писателем, когда ему объявили приговор. Или, наоборот, это вообще невозможно представить, а тем более передать. Не хочется быть банальным, поэтому не стану описывать предсмертные переживания М. Джавахишвили, осмелюсь лишь предположить, что именно тогда его до предела натянутые, готовые разорваться нервы впервые узнали ошеломляющий, уничтожающий, губительный страх. Здесь нельзя не вспомнить Достоевского, и невольно возникают аналогии, тем более что М. Джавахишвили однажды заметил: «Когда читаю Достоевского, то похож на нырнувшего в воду: задыхаюсь, воздуха не хватает, стремлюсь скорее выбраться наверх. Слишком глубока пучина его наблюдений».

Дикий приговор, вынесенный писателю, сильно взволновал грузинскую интеллигенцию. Павле Ингороква и еще несколько человек решили обратиться с просьбой о помощи к Серго Орджоникидзе, чтобы спасти от гибели талантливого писателя, сохранить его для грузинского народа. Они готовы были поручиться, что отныне М. Джавахишвили не станет вмешиваться в политику.

Как рассказывают, «железный комиссар» Серго был в хорошем настроении (наверно, вкусно и сытно пообедал.— Т. М.), поэтому явил милость, приказал не приводить в исполнение приговор и освободить арестованного. Это было подлинным чудом и, кажется, единственным добрым делом, которое Орджоникидзе сделал для Грузии.

Примечателен финал этого трагического эпизода.

В 1936 году, по случаю 15-летия советизации Грузии, в Кремле прошло награждение писателей. М. Джавахишвили достался орден Трудового Красного Знамени (ордена Ленина не удостоили! — Т. М.). Он поблагодарил правительство, потом обратился к Орджоникидзе: «Если сегодня я жив, стал писателем и заслужил эту награду, то за это я должен быть благодарен вам». Железный Серго не понял смысл сказанного. Ему напомнили о проявленном им в 1923 году милосердии. Серго остался очень доволен своим поступком и сказал: «Было бы большой ошибкой, если бы мы погубили такого талантливого человека». Ничего не скажешь, хорошо, когда ренегат за-

льет кровью свою родину, а потом испытает удовольствие, спасши одного человека.

Так или иначе, М. Джавахишвили избежал смерти, но синдром страха перед большевиками, раз и навсегда поселившись в его душе, не покидал его до самой смерти, тем более что в дальнейшем ему не раз грозили пальцем: не забывай, тогда ты ускользнул от нас, но мы все помним, так что берегись, как бы мы тебе не припомнили прошлое. Легко представить, до чего это изматывало писателя, подтачивало его силы.

Несмотря на это, он никогда не прекращал порой скрытую, а иногда явную борьбу с губителями родного народа. Почти все его книги построены на антисоветской, антиреволюционной концепции, в чем мы убедимся ниже. Одно несомненно: М. Джавахишвили знает, чувствует, что эта борьба дорого будет стоить ему, на прощение рассчитывать не придется, поэтому он постоянно ищет выход. Одним из выходов, как видно, он считал эмиграцию.

В журнале «Литэратура да хеловнеба» (1990, № 2) опубликовано личное письмо М. Джавахишвили, адресованное писателю Давиду Сулиашвили. Это письмо отражает в неожиданном ракурсе круг мучений писателя и смело может считаться документом первостепенной важности для изучения его жизни и творчества. Письмо, хотя и краткое, содержит ряд моментов, требующих подробных комментариев, но это дело будущего и его выполнит, вероятно, публикатор данного документа. Меня интересует один аспект письма. Привожу его с небольшими купюрами.

«Дорогой Давид.

Очень сожалею, что не вручил тебе письмо для передачи Хоштария, теперь я вынужден напомнить тебе наш разговор и попросить о помощи. Перейду прямо к делу: не могу я больше здесь жить. Отъезд из Грузии стал бы для меня вторым рождением. Если сможешь мне в этом, требуй у меня взамен чего пожелаешь. Хоштария я могу быть полезен, так как знаю татарский и французский (...)

Может, ты уже знаешь, что я вернулся к беллетристике, за 4—5 месяцев написал роман в 409 страниц — «Квачи Квачантирадзе», который выходит отдельной книгой. Уверяю тебя, брат Давид, вдали отсюда напишу больше и лучше.

Возвращаюсь к разговору о Хоштария: может, сделает доброе дело, вырвет меня из этой проклятой страны на во-

лю. Очень надеюсь на тебя. Напиши ему подробно или как-нибудь иначе сообщи.

Остаюсь в ожидании ответа. Не отвыкай от грузинского, если ничего другого не получается, напиши хоть письмо. Здешние новости? Никаких. Везде царит необыкновенная низость, сплетни, какое-то ожидание, безнадежность, голод, равнодушие и безразличие. Мы угасли, выдохлись и согнулись. Вот и все!

Ну, будь здоров, мой Давид! Заранее благодарю тебя и извиняюсь.

Твой Михаил Джавахишвили

23.III.24».

До какого же отчаяния должен был дойти «всем существом вросший в грузинскую землю» писатель, какие муки претерпеть, чтобы прийти к решению покинуть любимую родину! «Не могу я больше здесь жить. Отъезд из Грузии стал бы для меня вторым рождением...» «Может, сделает доброе дело, вырвет меня из этой проклятой страны на волю». Это стон погибающего, тонущего, хватающегося за соломинку, это страх писателя, сознающего силу своего таланта и изо всех сил рвущегося из пасти людоедов, тем более что он уже побывал в их кровавых когтях.

«Помилованный» С. Орджоникидзе, писатель реально ощутил на себе горячее дыхание названного им «красным бесом» нового времени. Желание эмигрировать и отправленное в Баку письмо похоже на борьбу отчаявшегося человека» (Нонна Купрейшвили. «Литэратура да хеловнеба», 1990, № 2).

Сейчас трудно, наверное, даже невозможно установить, почему М. Джавахишвили не удалось осуществить это отчаянное желание, что конкретно помешало ему, но одно ясно: желание покинуть родину возникло у М. Джавахишвили и в следующем, 1925 году.

К. Джавахишвили вспоминает:

«У отца родилась мысль уехать из Грузии и поселиться в России. Это, разумеется, был минутный порыв, так как вся его натура не позволила бы ему решиться на такой шаг, в каком бы безотрадном положении он ни оказался. Он бы не смог находиться вдали от Грузии, не вынес бы разлуки с родиной. Это чувство, несомненно, возникло у него после того, как все его произведения подряд были раскритикованы. К этому добавилось тяжелое материальное положение, в котором находилась тогда его семья». (К. Джавахишвили, по-видимому, не знала о существовании письма к Сулиашвили, иначе непременно упомянула бы его в книге.)

О своем намерении М. Джавахишвили писал в письме к Левану Леонидзе (брату Г. Леонидзе, расстрелянному в 1937 году).

Ответ был такой:

«Неужели написавшему «Белый воротничок» могла прийти в голову мысль уехать в Москву? Горе нам! Нет, брат, впереди тебя шествуют Чавчавадзе и Казбеги, позади тебя оплакивает «Висрамиани», неужто же ты так легко сложишь оружие? Когда ты был частным лицом, то принадлежал сам себе и мог делать, что тебе угодно, но теперь ты стал достоянием Грузии, ты принадлежишь нам, и каждый твой шаг — это шаг пленника. После Ильи наша жизнь помутилась, и только ты за ухо подтащил нас к зеркалу и показал нам всю муть нашего существования, поэтому у тебя нет права думать и поступать, как частное лицо (...) Автора «Белого воротничка» хлопают по плечам крылья гениальности, грудь его овеивает дуновение бессмертия, и негоже падать духом. Ты превосходишь нас тем, что кризисы превращаются в ничто на кончике твоего пера. Ты велик и должен мыслить широко. Как бы ни стучалась нужда в твою дверь, не открывай ей и не выпускай из рук пера, ибо ты закладываешь основу новой эпохи.

Ты хочешь издавать книги по-русски и оторваться от родимого источника, питающего твое щедрое перо. Мы стремимся к обители Арчила, Саба и других, но ты же знаешь, что день и ночь их могилы заклинаят нас не покидать родную землю. Конечно, хорошо выйти на мировой рынок, но сперва удовлетвори внутренние потребности. У них есть многие, а у нас ты один... Я прекрасно понимаю, что трудно жить без денег, но крепись, на тебя взирает отчизна».

После такого пылкого ответа М. Джавахишвили, естественно, должен был отказаться от своего намерения, и он действительно отказался. Но одно удивляет: почему он собирался в Москву, ведь и там были большевики? Где бы он там укрылся от их острых когтей? Или он думал, что «старшие братья» поглядят его по головке за антисоветские, антирусские книги? Вообще мне кажется все это очень туманным: как конкретно представлял себе писатель отъезд из Грузии и деятельность за ее пределами? Как собирался он осуществить задуманное? Не знаю! К счастью, М. Джавахишвили никуда не уехал, так как его место было в Грузии, где он и должен был продолжать жить и бороться. В письме Левана Леонидзе есть очень знаменательная фраза: «После Ильи наша жизнь помутилась, и только ты за ухо подтащил нас к зеркалу и по-

казал нам всю муть нашего существования, поэтому у тебя нет права думать и поступать как частное лицо». Я уверен, эта фраза потрясла писателя, еще раз убедила его в непреложности глубоко усвоенной истины: он обязан посвятить свой талант, свое перо Грузии, сказать ей, растерянной и дезориентированной, правду, горькую правду об окружающей большевистской действительности, о сущности революции и ее последствиях для злосчастной страны. Эта миссия свыше была возложена на писателя, и изменять ей было нельзя.

К счастью, понял это М. Джавахишвили, добровольно взвалил на себя крест, и отсюда начался его путь на Голгофу!

К этому времени он был уже автором двух нашумевших романов: «Квачи Квачантирадзе» (1923—1924) и «Обвал» (1924). За ними, как известно, последовали «Белый воротничок» (1926), «Гиви Шадури» (1928) и «Пригласи» (1928). В этих произведениях ярко и недвусмысленно проявилось отрицательное отношение писателя к революции и советской действительности, показано все то уродство, которое проникло в жизнь нашего народа в результате этих двух социальных событий, беспощадно сорвана маска со зла, выступавшего под флагом «советского гуманизма». В мою задачу не входит идейно-тематический и, тем более, художественный анализ этих произведений, да и масштабы очерка не дают такой возможности. Я хочу только выделить один аспект из многообразного спектра вопросов, а именно — как преобразилась в творчестве писателя окружающая его действительность. Здесь же необходимо со всей категоричностью подчеркнуть, что ныне творчество М. Джавахишвили, как и вся литература XX века (особенно т. наз. советского периода), должно быть заново прочитано и оценено в свете новых критериев, и чем скорее это произойдет, тем лучше, тем скорее будет положен конец беспардонной дезориентации читателя так называемыми исследователями-историками литературы.

А теперь несколько слов о самих произведениях и их критиках.

«Квачи Квачантирадзе» был написан в 1923—1924 годах и в 1925 году издан отдельной книгой, озаглавленной: «Квачи Квачантирадзе и его приключения». Это роман о прожженном авантюристе (вспомним «Признания авантюриста Феликса Круля» Томаса Манна), наделенном от природы уникальным даром изворотливости и пронырливости и полной атрофией нравственности. Он обладает изумительной способностью легко вступать в контакт с людьми, одурачивать их

и, главное, использовать для достижения своей цели. Квачи, или Наполеон Аполлонович, безжалостный сердцеед. Ему довелось действовать на фоне великих катаклизмов: первая мировая война, революции — Февральская и Октябрьская, установление советской диктатуры — сначала в России, а затем и в Грузии... Носится наш Квачико по этой грешной земле, то он в Грузии, то в России — у Распутина и при дворе государя императора, то в Европе или в Америке... Он прекрасно ловит рыбу в мутной воде, даже не замочив ноги, гребет миллионы, проворачивая одну авантюру за другой, и живет счастливо, пока однажды в спину ему не впиваются железные когти советского чудовища. Вот тогда-то он завопит: помогите, погибаю, — но уже поздно. Явилась какая-то страшная, колоссальная сила и вмиг вышвырнула на помойку Квачи, или квачизм, но не потому, что Квачи заслуживает осуждения как явление антиобщественное, несовместимое с человечностью, а потому, что советский режим — это квачизм государственного масштаба, несравненно более огромный, грандиозный, добивающийся безусловного признания, единоличного диктаторства, который беспощадно уничтожает любого соперника.

Художественное воплощение квачизма — крупнейшее достижение грузинской литературы XX века, как и создание образов Джако, Теймураза, Цуцкии, Дампатиже и других, тотчас ставших общественным явлением. В каждом из них в той или иной дозе воплощены исторически сложившиеся отрицательные черты грузинского народа, которые особенно пышно расцвели в период революции и большевизма. Создавая эти образы, М. Джавахишвили продолжил путь, проложенный нашими великими писателями и классически сформулированный Ильей Чавчавадзе в «Счастливом народе».

В романе у Квачи однажды вырвалось:

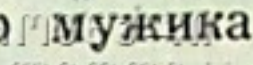
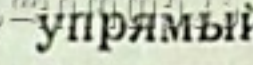
«Слушайте и запомните мои слова: я, что и говорить, злодей, забывший Бога, но они намного хуже меня».

Сам же писатель с болью говорил:

«Если бы Иисус опустился с небес и поселился в Грузии, то мы на другой же день наградили бы его подзатыльником или грубо хлопнули по спине, присовокупив: «Ну, Иисус, как живешь, парень, что поделываешь, босяк? Пошли, угости стаканчиком». Такие мы, грузины, развязные».

Горькие слова.

Вообще роман написан очень смело, без малейших признаков конъюнктуры, повествование свободное, непринужденное, язык — гибкий, все персонажи и события пропущены че-

рез горнило сатиры: царь, Распутин, безмозглые министры, революция, большевизм, природная тупость русского мужика, который, рухни небеса, все равно будет стоять, как упрямый осел, почесывая затылок и приговаривая:

— Ничаво-о!

В старом издании романа (1925 г.) шестая глава названа «Се повесть о Красном Октябре», где аллегорически изображена революция. Ее невозможно читать без смеха, но, к сожалению, в последующих изданиях этот эпизод отсутствует. Как видно, цензура усердно «потрудилась», чтобы «великие русские братья» не обиделись. Привожу это место с небольшими сокращениями, пусть читатель сам сделает вывод.

«Ходит-бродит голый в студеную русскую зиму Иван. Ночь днюет в поле, день ночует в лесу, поглядывает на Петров дом, думает тяжкую думу, почесывает в затылке и беспечно приговаривает.

— Ни-ча-во-оо!

Долго ли, коротко ли думал Иван, только однажды вырвал он из земли девятисаженный дуб да как ахнет по Петрову дому, половину снес, Петра в чисто поле выгнал.

Петру с Запада непрерывно везут оружие и одежду, еду и питье. Однажды три часа остался неженка без какао и шоколада, так чуть от голода чувств не лишился. И у Ивана кончились припасы, три года, три месяца, три недели и три дня жил он так: раз в три дня куснет три раза соленого огурчика, опрокинет в себя три стакана самогона, потом в зимнюю метель стоит на карауле три дня, опираясь на свою дубину, и знай себе бормочет:

— Ни-ча-во-оо!

Ткнул Иван Петра штыком. Петр вовремя отпрянул, но несколько капель крови все же потерял. Зашелся Петр истерическим воплем, девять дней и девять ночей лежал в постели. Потом встал, подкрался к Ивану да как всадит в него трехгранный штык до самого основания. Иван слегка оглянулся, почесал пораженное место, утер соплю кулаком, смачно сплюнул и равнодушно буркнул:

— Ни-ча-во-оо!

Девять литров крови вытекло из Ивана, но он и не думал лечь в постель.

Прицелился Петр и пальнул в Ивана из девятисаженной пушки. Бомба подбросила Ивана на девять сажень, девять раз перекувыркнула. Девять осколков с кулак вонзились в Ивана в девяти местах. Иван опять встал на ноги, вынул по

девать пуль из девяти ран, снова поскреб затылок и спокойно повторил:

— Ни-ча-во-оо!

С неба напустился Петр на Ивана, подхватил его в воздух выше облаков и сбросил с высоты в море вниз головой. Девять минут, девять секунд летел Иван, девять раз, девять минут валялся на дне моря задохнувшись. Потом вынырнул, поплыл к берегу, выплевывая соленую воду и как ни в чем не бывало приговаривая:

— Ни-ча-во-оо!

Испробовал Петр и еще одно средство: улучил момент и хитростью швырнул Ивана в раскаленную печь к чертям. Девять минут и девять секунд жарился Иван на железном противне в топленом дегте, потом разнес печь, выскочил, весь обгоревший, схватил свою дубину и теперь уже осерчал не на шутку».

(Здесь в книге К. Джавахишвили, откуда я воспользовался этим текстом, проставлено многоточие. Видимо, и тут старательно «потрудились» цензура. — Т. М.).

Стоит Иван и чешет голову, чешет и приговаривает:

— Ни-ча-во-оо! Пораскину умом еще немного. Утро вечера мудренее. Дело не зверь, в лес не убежит. Завтра!

(Невольно вспоминается изображенный в «Записках путешественника» Ильи Чавчавадзе неумытый, нечесаный русский ямщик с толстой шеей и тупой рожей, его потешный вид, ленивое потягивание, скотские ужимки).

Вскоре после «Квачи Квачантирадзе» был написан роман «Обвал». Трудно назвать в грузинской литературе другую книгу, о которой написано столько, да к тому же взаимоисключающего, сколько в свое время было написано и пишется сейчас о романе «Обвал». Это, вероятно, обусловлено тем, что «Обвал» — книга, полная национальной боли.

Из записной книжки:

«Обвал» я писал в сентябре 1924 года, писал и чувствовал, что в сердце моем разгорается огонь, а душа вся в крови того времени. «Обвал» — это стон молчаливой души. Моим пером водила мысль об уходящей стране».

Это было страшное время. Восстание потерпело поражение, Грузия истекала кровью, лучшие люди были расстреляны или томились в тюрьмах. «Уходящая страна», со своими культурно-этическими связями, образом жизни, обычаями, интеллектуальными ценностями уходила в небытие, а ее место за-

нимала дикая рать маузеристов, и речь, и мысли ее были короткими и простыми:

— Товарищ, сокращайтесь! Товарищ, сокращайтесь еще! Товарищ, выметайтесь!

Да, Теймураз Хевистави и теймуразы вообще ушли. Зато: «Джако превратился в героя и безраздельного господина новой жизни. И этому господину следовало уступить дорогу и поприще, он получал полную свободу действий, резвился как хотел: ведь только Джако был человеком новой масти, только у него были соответствующие наступившему времени мускулы, острые когти и стальные зубы. Такие джако когтями и зубами сцапают беспомощных букашек (т. е. теймуразов. — Т. М.), завладеют растерянными правами, снова приберут к своим рукам рассеянное добро, заставят работать ленивых, взбодрят ослабленные нервы, создадут новый порядок и установят новое равенство, вечный мир и хорошую жизнь, всех обеспечат вкусным куском, всех — даже Хевистави, который все знает, но ничего не может».

Джако и Теймураз...

Один — символ революционного насилия, со всеми вытекающими отрицательными последствиями. Второй — символ человека (или класса), который «под прессом революции стал рохлей» (слова М. Джавахишвили). Есть и третий символ — Марго, то есть оставшаяся беззащитной Грузия, которой неизбежно завладеет насильник со стальными зубами, если не противопоставить ему такие же стальные зубы и острый меч, если не защитить ее. Завладеет, обратит в рабство, заморит голодом, а потом станет править ею по собственному произволу. (Вспомним судьбу арабского коня, которого Ага-Исмаил Симко подарил М. Джавахишвили).

Канцлер Бисмарк как-то сказал: «Революцию задумывают гении, осуществляют фанатики, а пользуются ее плодами проходимцы». Оставим пока гениев и фанатиков, но не нужно доказывать, что Джако и вообще «джакоизм» — детище революции, порожденное и выпестованное ею. Все это — социальный аспект книги. Разбирая же психолого-биологические взаимоотношения персонажей романа, обнаружим противостояние сильной физики и рафинированной души (любимая тема Томаса Манна), и с этой точки зрения роман еще ждет прочтения и оценки. Но это — другая тема. В данном случае меня интересует социально-национальный аспект романа. Можно с уверенностью сказать: для М. Джавахишвили равно не-

приемлемы и Джако — допущенная к ноге и взобравшаяся на голову вошь, и Теймураз — прямой потомок Луарсаба Таткаридзе (см. статью А. А. Бакрадзе «Что такое теткаридзевоство?»). Да, но где же тогда идеал? Ориентир, указующий путь растерявшемуся народу? Такого идеала в романе не видно! Сохранился интересный документ, из которого выясняется, что М. Джавахишвили, оказывается, намеревался писать продолжение романа «Обвал».

«Роман неполон и незавершен, не хватает нескольких действующих лиц (антипода Теймураза и других) и четвертой части, но, вы же знаете, я писал его в августе-сентябре 1924 года. Не умру, не написав полного «Джако». Я должен решиться сделать то, на что не решился и не мог решиться великий Илья, — вновь соединить сломанный мост между дворянами и крестьянами. Уверен, что осенью этого года (подразумевается 1926 год. — Т. М.) прочтете настоящий и полный роман, конец будет совершенно иным... Ниника отнимет Марго у Джако, а самого Джако выселит из Грузии».

Это письмо, адресатом которого был Шалва Дадиани, заслуживает пристального внимания. По-видимому, в образе Ниники, отнимающего Марго у Джако, а самого его выселяющего из Грузии, писатель намеревался воплотить именно идеального героя. Княгиня соединится с крестьянином, крепкая порода сольется с древней, благородной, но несколько утомленной кровью, «сломанный мост» восстановится, наступит счастливый конец, «хеппи энд»... Хорошо бы, но в жизни так не происходит, точнее, нельзя возводить в ранг принципа единичный факт. Здоровый инстинкт подсказал М. Джавахишвили верное решение, и задуманный финал не был написан — писатель счастливо избежал банальности. Однако идея «слияния» крови, видимо, продолжала занимать писателя, и он вернулся к ней в романе «Белый воротничок». Так что в этом, да и не только в этом смысле «Белый воротничок» можно считать как бы продолжением романа «Обвал».

Роман был напечатан в журнале «Мнатоби» в 1926 году и в том же году вышел отдельной книгой, основательно переработанный и дополненный. Это имеет особо принципиальное значение, так как некоторые читатели могут не знать, что один из главных персонажей, Цуцкия, в журнальном варианте вообще отсутствовала и появилась только в книжном издании. От этого произведение во многом выиграло, в нем ярко выра-

зилась главная концепция, а грузинская литература обогатилась совершенно новым женским образом. Цуцкия — родная дочь революции и советского режима и в то же время буквально плоть от плоти Джако Дживашвили, его сестричка, только живущая в городе, «окультуренная».

«Я, Элизбар, знатный дворянин (запомните! — Т. М.), смыл с себя дворянство, а Цуцкия — дочь простого сапожника, надулась от важности и стала надо мной дворянкой. Ленивая, нерадивая, грубая, чванная, норовистая и льстивая — вот неполный портрет Цуцкии».

Неполный, говорит писатель. Давайте довершим его: она проститутка, причем такая, которая на все пойдет, ни перед чем не остановится, а мужу то и дело талдычит: «Не те времена, голубчик! Прошло то время, прошло! Цуцкия свободна, поступит, как ей вздумается. Равенство, полное равенство! Вот сегодняшней лозунг!»

Но что из этого получится? Куда приведет еще одно проявление «джакоизма», к тому же крайне опасное, ибо исходит от женщины? В чем спасение?

Окончание следует

Перевод Юрия ЧЕИШВИЛИ

Наталья ОРЛОВСКАЯ

ЭХО ИТАЛИИ В ГРУЗИИ

(вторая половина XIX в. — первая половина XX в.)

В Грузии во второй половине прошлого века заметно усиливается интерес к Италии. Политические события эпохи Рисорджименто привлекали все больше внимания передовой грузинской общественности. В прессе освещалась происходившая в то время национально-освободительная борьба и деятельность ее лидеров, особенно Мадзини и Гарибальди. Итальянские события, сами по себе захватывающие, были к тому же созвучны свободолюбивым стремлениям грузинского общества. Потому-то в 1863 г. Илья Чавчавадзе в первом же номере издаваемого им журнала «Сакартвелос моамбе» поместил свой перевод статьи Добролюбова «Отец Александр Гавацци и его проповеди». Ярый гарибальдиец, священник Гавацци как оратор пользовался среди народа большим успехом. Его речи были проникнуты идеей объединения страны, а также ненавистью к абсолютизму и господству феодальной верхушки. Именно это привлекло к нему внимание как Добролюбова, так и Чавчавадзе.

Одновременно возрастает в Грузии интерес и к искусству Италии, а именно — к итальянской опере и драматургии. Большую популярность приобрела итальянская опера. Произведения Россини, Беллини, Доницетти, Верди и других композиторов с успехом шли на сцене оперного театра, который был основан в столице Грузии в 1851 году.

Начинается и популяризация произведений итальянской драматургии. Некоторые переводы пьес были опубликованы в печати, другие, сделанные специально для постановки на сцене, остались в рукописи. Переводчики старались помочь грузинскому театру, который нуждался в расширении как оригинального, так и переводного репертуара.

Непосредственно для театра предназначался перевод комедии Карло Гольдони «Ворчун-благодетель», выполнен-

ный Иванэ Мачабели. Блестящий переводчик Шекспира, Иванэ Мачабели в начале своей деятельности переводил некоторые пьесы других авторов, в том числе и Гольдони. «Ворчун-благодетель» имеет в грузинском варианте измененное заглавие, которое, однако, точно определяет характер главного героя: «Больше гремит гром, чем идет дождь». Пьеса не была напечатана, но сохранилась в рукописи с пометками и исправлениями переводчика. Это дает возможность проследить метод работы Мачабели, тщательно подбиравшего выражения и обороты речи, чтобы достичь наибольшей точности и красочности. В грузинском тексте сохранен характер речи главного героя — ее быстрый темп, отрывочность, противоречивость.

Премьера комедии состоялась в ноябре 1879 г. Газета «Дроэба» (№ 238) откликнулась на нее весьма положительной рецензией, в которой высказана благодарность Мачабели, ознакомившему грузинского зрителя с одним из произведений великого итальянского драматурга. Пьеса с успехом шла и в последующие годы. Так, в рецензии газеты «Иверна» (1886, № 203) сказано, что пьеса Гольдони как по содержанию, так и по прекрасному языку перевода заняла достойное место в комедийном репертуаре грузинского театра.

Другие итальянские пьесы были переведены на грузинский язык с русских текстов. Грузинские литераторы внимательно следили за новыми публикациями, ибо иногда непосредственно вслед за русскими появлялись и грузинские переводы.

Так, в начале 70-х годов известный литератор И. Бакрадзе ознакомил грузинских читателей с творчеством знаменитого итальянского драматурга XVIII века Витторио Альфьери. В 1872 г. в первом номере журнала «Мнатоби» была напечатана сцена под названием «Отец и сын». Это отрывок из пьесы Альфьери «Заговор Пацци». В скобках после заглавия прямо указано, что перевод сделан с русского. Действительно, в 1869 г. в переводе А. Плещеева в журнале «Отечественные записки» под тем же заглавием была опубликована из этой трагедии сцена, в которой молодой Пацци призывает отца выступить на борьбу за свободу. Ненависть к тирании, пронизывающая сочинения Альфьери, была созвучна свободолюбивым устремлениям того времени как в России, так и в Грузии. Поэтому неудивительно, что Бакрадзе, который был близок к народникам, обратил внимание на это произведение.

Этим, однако, не ограничился интерес Бакрадзе к твор-

честву Альфьери. В том же году он сделал перевод трагедии «Виргиния», одной из самых знаменитых пьес итальянского автора. Она входит в цикл, который сам Альфьери назвал «трагедиями свободы». Источником для Бакрадзе послужил русский перевод Ф. Бредихина, который был опубликован в 1871 г. в журнале «Вестник Европы». Текст переведен полностью. Любопытно одно примечание грузинского переводчика: в том месте пьесы, где высказана ненависть к патрициям, Бакрадзе пишет: «Патриции в Риме были, как у нас князья и дворяне» (I действие, 1 сцена). Перевод был напечатан в журнале «Мнатоби» (1872, № 10—12), а затем вышел отдельной книжкой, но на грузинской сцене трагедия не ставилась.

Несколько произведений итальянских авторов прочно вошли в грузинский театральный репертуар прошлого столетия, но не были напечатаны. Это пьесы различные по содержанию и по характеру — трагедии на исторические темы и пьесы из современной жизни, бытовые комедии и мелодрамы. Одна из них — пьеса Луиджи Камолетти «Сестра Тереза, или За монастырской стеной». Она была поставлена на сцене в 1884 г. в переводе А. Цагарели. В ней выступали ведущие артисты того времени, и о спектаклях имеются заметки в прессе. Отмечается, что пьеса «переведена живым, хорошим языком» и произвела сильное впечатление на зрителей («Новое обозрение», 1884, № 349); в журнале «Тэатри» (1886, № 23) отмечено, что пьеса обошла почти все европейские сцены, но сделаны критические замечания в отношении некоторых исполнителей. В опубликованных материалах обращено внимание на характер самого произведения Камолетти. Так, рецензент газеты «Ивериа» (1902, № 265) видит достоинство пьесы в показе атмосферы монастыря с его лицемерием и мнимым благочестием, а рецензент «Нового обозрения» (1902, № 6251) обращает внимание на образ главной героини, которая за монастырской стеной продолжает испытывать тяжелую внутреннюю борьбу. Как видно, пьеса привлекла внимание своей сценичностью, остротой действия. Газета же «Ивериа» (1903, № 251) назвала ее «устаревшей мелодрамой».

Некоторые грузинские переводы итальянских пьес были сделаны в прошлом веке с переделанных вариантов А. Н. Островского, которого в Грузии хорошо знали. Так, в 80-х годах в его переделке ставилась комедия Теобальдо Чикони «Заблудшие овцы». Однако, судя по рецензиям, помещенным в журнале «Тэатри» и газете «Ивериа», публика осталась не-

довольна грузинским переводом, и пьеса недолго продержалась на сцене.

Иначе сложилась на грузинской сцене судьба переделки Островского пьесы Паоло Джакометти «Гражданская смерть». Это наиболее популярное произведение П. Джакометти, написанное им в 1862 г. Оно было переведено на разные языки и получило широкую известность. У нас пьеса была поставлена в 1882 году и сохранилась в двух переводах, рукописи которых находятся в фондах Государственного музея театра, музыки и кино. Первым по времени является перевод, сделанный Н. Месхи; но уже в рецензии, опубликованной в «Тэатри» (1885, № 15), указано, что пьеса шла в переводе И. Джаджанашвили. Однако в последующие годы первым переводом тоже пользовались. Это видно из того, что в рукописи приписаны фамилии артистов А. Имедашвили и В. Шаликашвили, начавших выступать на сцене в первые годы нашего века.

Пьеса Джакометти прочно вошла в репертуар грузинского театра конца века и первых двух десятилетий XX столетия. Помимо столицы, пьесу играли в Кутаиси, Телави, Гори и других городах. Сохранившиеся рецензии, опубликованные в периодической печати, дают возможность определить причину успеха пьесы. В большинстве отзывов проходит мысль о том, что пьеса не отличается глубиной проблематики и «построена больше на эффектах, чем на подлинных драматических положениях» («Дрозба», 1882, № 235). Надо, однако, думать, что поставленные в пьесе проблемы семьи и брака должны были волновать зрителей прошлого столетия. Один из грузинских рецензентов, отмечая успех пьесы в разных странах, объясняет это тем, что выведенные в ней образы и их переживания понятны людям любой национальности («Тэатри», 1885, № 15).

Подробную рецензию посвятил спектаклю известный артист и выдающийся деятель грузинского театра Валериан Гунна. Успех пьесы он объясняет выигрышностью главной роли — Коррадо, которая дает актеру возможность раскрыть свой талант, свое сценическое искусство, чтобы показать всю сложность борьбы страстей в душе героя («Тэатри», 1886, № 39). Этим объясняется, что в роли Коррадо выступали знаменитые итальянские трагики Сальвини, Росси и виднейшие актеры других стран.

Не удивительно, что и на грузинской сцене пьеса шла с успехом, и ее играли в свои бенефисы такие выдающиеся ис-

полнители, как К. Кипиани и В. Месхишвили. С большой похвалой отзываются о них рецензенты того времени. В отзыве на постановку пьесы в Кутаиси рецензент восхищается игрой Месхишвили и считает, что едва ли у него может быть лучшая роль, чем Коррадо («Иверна», 1900, № 10). Известная грузинская артистка Н. Чхеидзе в своих воспоминаниях описывает, с каким волнением ожидали в Кутаиси выступления Месхишвили в драме Джакометти. С этой пьесы началась артистическая карьера самой Н. Чхеидзе, которая двенадцатилетней девочкой успешно исполнила в ней роль дочери Коррадо.

Несмотря на сценический успех, текст пьесы опубликован не был. Зато в печати появилось в переводе И. Мачавариани одно из лучших творений Джакометти — «Юдифь». Трагедия, написанная в период максимального подъема освободительного движения в Италии, полна героического призыва к борьбе, что было столь созвучно настроениям грузинского общества на рубеже веков. В 1897 г. перевод пьесы был опубликован в журнале «Моамбе» и издан отдельной книжкой. На сцене первая театральная постановка ее осуществилась в 1904 г. Рецензии в основном освещают постановку и игру актеров, но есть и некоторые отзывы о самой пьесе. Так, рецензент «Цнобис пурцели» обратил внимание на тяжело страдающий народ, проявляющий твердость духа и любовь к родине. В 1911 и 1915 годах эта трагедия ставилась на сцене кутаисского театра и получила положительную оценку в газетах «Колхида» и «Сахалхо газети».

И. Мачавариани, переводчик «Юдифи», — известный литератор, переводивший произведения Мольера, Додэ, Метерлинка, Островского и других авторов. Его интерес к Италии не ограничился только пьесой Джакометти. Ему же принадлежит перевод трагедии Винченцо Монти «Кай Гракх». Пьеса впервые была поставлена в 1904 г. в Кутаиси, имела большой успех и прекрасную прессу. Как отмечалось в одной из рецензий, «хотя сюжет взят из римской истории, пьеса имеет не только историческое, но и современное звучание». («Цнобис пурцели», 1904, № 2704). Такую же оценку дает и газета «Иверна» (1904, № 289), которая писала, что пьеса «настолько интересна и соответствует времени, что зрителю не наскучит смотреть спектакль и несколько раз; благородная борьба Кая Гракха за права народа в сердце каждого честного человека возбудит отвращение к развращенным роскошью патрициям и сочувствие к простому народу».

Помимо грузинского театра, произведения итальянских драматургов ставились в Грузии и на русской сцене, а также исполнялись приезжавшими сюда гастролерами. Из них отметим прославленного итальянского трагика Эрнесто Росси, гастролы которого в Грузии состоялись в 1890 году.

Гастроли Росси явились огромным событием в театральной жизни Грузии; пресса, как грузинская, так и русская, давала читателям подробную и разностороннюю информацию о великом актере и его игре. В «Иверии» — ведущей грузинской газете того времени, редактором которой был Илья Чавчавадзе, регулярно печатались сообщения о пребывании Росси, об его выступлениях и встречах. В своей рецензии на представление «Короля Лира» Илья Чавчавадзе дает самую высокую оценку спектаклю и пишет в заключение: «Кто не видал Росси в «Короле Лире», пусть не думает, что он соприкоснулся с искусством».

Гастроли Росси подробно комментировались и в русской прессе Грузии. Особенно интересна в этом отношении газета «Новое обозрение», в которой писал получивший впоследствии широкую известность публицист-писатель А. В. Амфитеатров. Он приехал в Грузию в 1887 г. как певец-баритон и в течение двух сезонов пел в опере, затем бросил сцену и работал журналистом в газете «Новое обозрение», редактируемой в то время известным общественным деятелем, публицистом Нико Николадзе.

Амфитеатров рецензировал все пьесы, в которых выступал Росси во время гастролей. Из них две принадлежали Паоло Джакометти и Пьетро Косса. Рецензии написаны ярко, темпераментно, но некоторые суждения вызывают возражения. Рецензии начинаются с критических замечаний по поводу самих пьес, которые Амфитеатров не считает достойными такого «колосса искусства», как Росси. Если при оценке шекспировских спектаклей рецензент стремился показать, как Росси трактует и понимает великие идеи драматурга, то в этих рецензиях он раскрывает, как участие великого актера даже второстепенные пьесы делает впечатляющими и значительными. В своих оценках произведений Амфитеатров чрезмерно категоричен. В отношении пьесы «Гражданская смерть» Джакометти, которая шла под названием «Коррадо», можно упрекнуть автора, что, подчеркивая мелодраматические черты произведения, он лишь поверхностно касается его общественного звучания и видит в нем только «слабую попытку автора придать своему произведению некоторый общественный интерес, явить-

ся в нем свободомыслящим». Рассматривая отдельные сцены, в которых артист потряс публику своим исполнением, рецензент иронически восклицает: «Такой гигант, как Росси, в роли Коррадо — ведь это все равно, что оглушительный выстрел из пушки по воробью».

Еще более резко пишет Амфитеатров относительно пьесы Пьетро Косса «Нерон», которую он считает «вялой и риторически ходульной». Он выпускает из виду своеобразие замысла автора, который заведомо трагическое произведение назвал комедией, как бы подчеркивая этим ничтожность изображаемого им тирана. Пьеса с огромным успехом была поставлена в Италии в 1872 г. Но рецензент решительно высказывается против нее и считает уважение итальянцев к Косса незаслуженным.

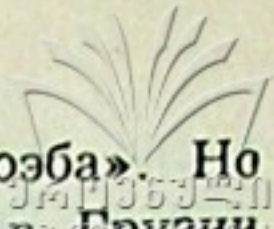
Интерес к итальянской драматургии возрастает в нашем столетии, когда произведения классических и современных авторов привлекают к себе все большее внимание как переводчиков, так и театральных деятелей Грузии.

* * *

Вторая половина XIX века — время быстрого развития грузинской прессы и появления все новых изданий. Но, поскольку первая регулярно выходившая газета «Дрозба» начала издаваться с 1866 г., в ней в текущей информации освещены лишь заключительные события национального объединения Италии. Однако и в начале 60-х годов, и позднее в различных печатных органах были помещены интересные данные об отдельных эпизодах борьбы итальянского народа и ее участниках.

Материалы об итальянских деятелях печатаются в грузинской прессе и после того, как период напряженной борьбы закончился и Италия была окончательно объединена. Так, в связи со смертью Джироламо Биксио, известного под именем Нино, появляется о нем заметка в газете «Дрозба» (1874, № 407). Автор характеризует его как «наивыдающегося итальянского патриота», друга и сподвижника Гарибальди, который участвовал с ним во многих боях. Как и Гарибальди, он жил скромно, хотя позднее занимал высокие должности; и главным для него всегда был долг перед родиной.

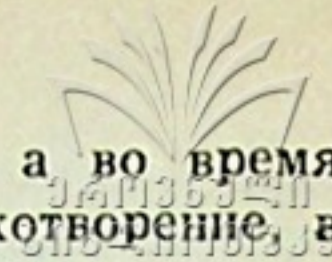
Особое внимание грузинской прессы привлекали главные вожди итальянского освободительного движения — Мадзини и Гарибальди. Информации о жизни и деятельности Мадзини

встречаются в 60-х годах на страницах газеты «Дрозба». Но наиболее подробные материалы были опубликованы в Грузии в год смерти этого пламенного республиканца. «Дрозба» (1872, № 12) поместила биографический очерк, написанный редактором газеты Сергеем Месхи. В очерке подчеркивается самоотверженное служение Мадзини демократическим идеям и роль, которую он сыграл в истории Италии XIX века.

Более подробную статью о Мадзини поместил в том же году журнал «Кребули» (1872, № 8—9). Она написана видным общественным деятелем, педагогом Петре Умикашвили. В основу ее положены материалы, опубликованные в журнале «Вестник Европы» за 1869 г. На это указывает сам Умикашвили в начале своего очерка. Статья в русском журнале, напечатанная еще при жизни Мадзини, имела целью разъяснить современную позицию итальянского революционера. Перед грузинским автором стояла другая задача, ибо он подводил итоги всей деятельности Мадзини. Сюда включены новые материалы, которых нет в публикации «Вестника Европы». Так, говоря о раздробленности Италии, притесняемой соседними сильными государствами, автор проводит аналогию с Грузией прошлых веков, много потерпевшей от агрессии Персии и Турции. Упомянув о гибели Карло Пизакане, одного из сторонников Мадзини, П. Умикашвили приводит цитату из стихотворения Л. Меркантини, посвященного этому событию. Цитата взята из грузинского перевода баллады Луиджи Меркантини «Жница из Сапри». Это стихотворение, получившее в свое время огромную известность, было переведено Георгием Церетели и напечатано в газете «Дрозба» в 1868 году. В статье П. Умикашвили встречаются добавления и сугубо современного звучания, например, о вреде цензуры и о притеснении писателей. П. Умикашвили сообщает и об откликах европейских газет на смерть Мадзини, дает свою оценку деятельности Мадзини и его значения для судьбы Италии.

Из итальянских деятелей прошлого века наиболее ярко представлен в грузинской прессе образ Гарибальди. Его личность вызвала в Грузии особую симпатию и восторженное преклонение. Илья Чавчавадзе в молодости хотел отправиться к нему волонтером. Г. Кипшидзе в подробной биографии И. Чавчавадзе отмечает, что Гарибальди «настолько пленял тогдашнюю сознательную молодежь, что желание Ильи отправиться волонтером несколько не удивительно». По словам К. Абхази, И. Чавчавадзе «боготворил Гарибальди». Это преклонение осталось у него на всю жизнь. В его рабочем кабинете всегда

висел портрет великого итальянского патриота, а во время похода Гарибальди на Неаполь Илья написал стихотворение, в котором восторженно приветствовал поступь свободы и крушение рабства.

В грузинской прессе сообщения о деятельности Гарибальди появляются с 60-х годов. В 10 номере «Цискари» за 1862 г. было опубликовано сведение, что итальянский герой был ранен, а затем поправился («Цискари», 1862, № 12), что в Германии в его честь была выбита медаль («Сакартвелос моамбе», 1863, № 3). Первые более подробные сведения даются в статье известного писателя-публициста Антона Пурцеладзе «Жизнь Гарибальди» («Цискари», 1863, № 1—4).

Но наибольшее число материалов о Гарибальди встречается в газете «Дрозба». С самого основания газеты, т. е. с 1866 года, и на протяжении последующих лет на ее страницах постоянно мелькают заметки, сообщающие о новых действиях или высказываниях итальянского героя. Речь идет о политических взглядах Гарибальди (1866, № 5), о его приказе волонтерам (1866, № 23), Гарибальди в вопросе Рима (1867, № 37), его высказывания о духовенстве (1869, № 16) и др. Судьба Гарибальди продолжала волновать общество и тогда, когда освободительное движение закончилось и Италия стала единым королевством. В заметках 1872-80 годов идет речь о выдвижении кандидатуры Гарибальди на выборах в парламент, о причинах его отказа и об его отношении к современной политической системе. Тематика сообщений о Гарибальди самая разнообразная: это ответы на вопросы об его политических и религиозных взглядах, беседа с корреспондентами, выступление при открытии памятника погибшим республиканцам, обращение к геновской молодежи и др. В большинстве случаев это перепечатки из других источников, но иногда встречаются материалы, написанные побывавшими в Италии грузинами. Такова статья Ионы Меунаргиа, который пишет о необычайной популярности Гарибальди и о его приезде в Рим в 1875 г. («Дрозба», 1875, № 21).

Большой интерес вызывало у читателей все связанное с семьей и укладом жизни прославленного патриота. Поэтому «Дрозба» помещала заметки о семье Гарибальди, о его сыновьях, об его жизни на острове Капрера и др. Гарибальди, после блестящих побед удалившийся на остров Капрера, отстранившийся от государственной деятельности, приобрел ореол легендарного героя. Неудивительно поэтому, что редакция га-

зеты «Дрозба» нашла нужным перевести с русского напечатанную в журнале «Неделя» статью Александры Якоба об ее пребывании на острове Капрера в гостях у Гарибальди.

Биографические сведения о Гарибальди встречаются во многих статьях 60—70-х годов, но первый подробный биографический очерк был напечатан в 1875 г. («Дрозба», № 19 — 21). Автор — Сергей Месхи, редактор газеты, писал этот очерк, находясь в Париже. Он полон восторженного преклонения перед деятельностью Гарибальди: его жизнь и дела уже превратились в легенду, вся Европа удивлена, а Италия считает его полубогом. Работа содержит исторические сведения с положении Италии и главных событиях XIX века, в соответствии с чем и строится жизнеописание итальянского вождя — его личная судьба, пребывание в Америке, семейная жизнь и особенно подвиги, которые сделали из него национального героя. Для демократических позиций самого Месхи показателен конец статьи, где говорится, что Гарибальди живет надеждой увидеть любимую им Италию республикой.

Весть о смерти Гарибальди вызвала в Грузии широкий отклик. В «Дрозба» был даже опубликован текст телеграммы, посланной из Гори семье скончавшегося героя. В той же газете напечатана большая статья о Гарибальди, написанная с чувством глубокого преклонения перед его подвигами и нравственным величием. Она заканчивается словами: «Счастлив тот человек, который в старости может сказать — я послужил моей родине».

Гарибальди не был забыт в Грузии и в последующие годы. О нем пишут как о великом деятеле XIX века («Имеди», 1882, № 7—8, «Квали», 1901, № 12), его биография помещена в «Сакартвелос календари» за 1903 год, о нем появляются материалы в детских журналах, а в 1905 г. выходит книга Иванэ Гомартэли «Джузеппе Гарибальди».

Итальянские события XIX века и Гарибальди как их главный герой глубоко запечатлелись в памяти читателей и оставили яркий след в грузинской публицистике.

* * *

3 февраля правительственная делегация во главе с Председателем парламента Республики Грузия Эдуардом Шеварднадзе посетила с официальным визитом Азербайджан.

18 февраля в Тбилиси прибыли с однодневным официальным визитом первый заместитель Председателя Верховного Совета России, Председатель Совета национальностей Рамазан Абдулатипов и вице-премьер России Сергей Шахрай.

20 февраля Председатель парламента Грузии — Глава государства Эдуард Шеварднадзе принял заместителя министра обороны Исламской Республики Иран Афара Аллаха, возглавлявшего находившуюся в Грузии военную делегацию.

На встрече, прошедшей в атмосфере сердечности и взаимопонимания, было отмечено, что состоявшийся визит Главы Грузинского государства в Иран дал мощный импульс установлению между двумя странами многосторонних взаимовыгодных отношений.

24 февраля Временный Поверенный в делах Китая в Грузии Сю Чжицзин вручил ноту посольства Китая МИДу Грузии. В ней сказано, что в целях развития дальнейшей дружбы и сотрудничества Председатель Китайской Народной Республики Жан Шан Кун в 1993 году приглашает Главу государства Республики Грузия Эдуарда Шеварднадзе посетить Китай в любое удобное для него время.

24—27 февраля в Стамбуле состоялось итоговое заседание парламентской Ассамблеи Организации экономического сотрудничества стран Черноморского бассейна. В нем приняли участие руководители парламентов одиннадцати стран Черноморского бассейна. От Республики Грузия в Ассамблее участвовал спикер парламента Вахтанг Гогуадзе.

Спикер парламента Грузии встретился с представителями редакции грузинского журнала «Чвенэбури», выходящего в Турции, действующей в Стамбуле грузинской церкви, руководством грузинского и абхазского землячеств, проживающими в Турции грузинскими бизнесменами, а также он встретился с министром иностранных дел Турции Хикметом Четином, Председателем пар-

парламента Турции Хусаметином Джиндоруком и премьер-министром Турции Сулейманом Демирелем.

1 марта в Тбилиси прибыл Чрезвычайный и Полномочный посол Дании в Грузии Кристиан Фабер-Род. Вечером того же дня он встретился с министром иностранных дел Грузии Александром Чикваидзе. В ходе встречи обсуждались вопросы, касающиеся перспектив дальнейшего сотрудничества между двумя странами.

1 марта в актовом зале парламента Грузии министр иностранных дел Грузии Александр Чикваидзе и Полномочный посол США в Грузии Кент Браун в торжественной обстановке подписали договор о торговых отношениях между двумя государствами. На подписании присутствовал Глава государства Эдуард Шеварднадзе.

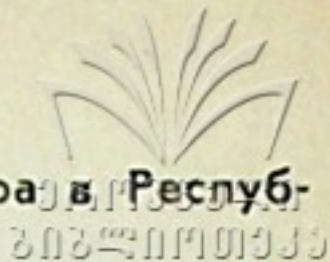
2 марта Чрезвычайный и Полномочный посол Дании в Грузии Кристиан Фабер-Род встретился с Главой государства Эдуардом Шеварднадзе и вручил ему верительные грамоты, подтверждающие его полномочия.

После церемонии состоялась беседа, во время которой господин Фабер-Род передал Главе Грузинского государства приветствия от королевы Дании Маргарет II и правительства Дании и подчеркнул, что его страна высоко ценит тот вклад, который внес Эдуард Шеварднадзе в дело радикальных перемен в Европе. Посол Дании выразил надежду, что внутренние проблемы Грузии будут урегулированы в ближайшее время. Эдуард Шеварднадзе, в свою очередь, отметил, что проблемы, которые стоят перед республикой, могут быть решены, если оправдаются его надежды на помощь друзей из стран Европы. Стороны выразили надежду об укреплении взаимоотношений между двумя странами в сфере культурного и экономического сотрудничества.

8 марта министр иностранных дел Грузии Ал. Чикваидзе вместе с министром финансов республики Кахи Попиашвили посетил с официальным рабочим визитом Испанию.

9 марта в Москве начался очередной IV раунд межгосударственных переговоров правительственных делегаций Грузии и России по подготовке всеобъемлющего большого договора между двумя странами.

11 марта в посольстве Грузии в Москве состоялась встреча заместителя посла Грузии в Российской Федерации Георгия Вольского с Чрезвычайным и Полномочным послом Кипра в России Антониосом Ваакисом. На встрече обсуждались вопросы сотрудничества между Грузией и Кипром. Господин Ваакис выразил надежду, что в ближайшее время будет получено согласие гру-

зинского руководства на его назначение послом Кипра в Республике Грузия.

12 марта заместитель посла Республики Грузия в Российской Федерации Георгий Вольский принял министра-советника посольства Алжира в России господина Брехима Ионеса. На встрече рассматривался проект протокола об установлении дипломатических отношений между Грузией и Алжиром.

16 марта были установлены дипломатические отношения между Республикой Грузия и государством Катар.

16 марта премьер-министр Грузии Тенгиз Сигуа встретился с послами и главами дипломатических миссий, аккредитованных в республике. Он ознакомил собравшихся с ситуацией в Абхазии, которая чрезвычайно осложнилась. Господин Сигуа подчеркнул, что полностью разделяет мнение Главы государства Эдуарда Шеварднадзе, высказанное им в выступлении на заседании парламента утром 16 марта, что «мы имеем дело с российско-грузинским конфликтом». Послам и главам дипломатических миссий, аккредитованных в Грузии, был роздан текст выступления Эдуарда Шеварднадзе на заседании парламента 16 марта.

Участники встречи выразили глубокую озабоченность создавшейся в республике ситуацией и заверили, что незамедлительно сообщат своим правительствам о происходящем. В беседе принял участие министр иностранных дел Республики Грузии Александр Чикваидзе.

Согласно указу Главы Грузинского государства, с целью включения Республики Грузия в европейские структуры и многостороннего сотрудничества со странами Европы, при Еврообъединении (в г. Брюсселе) на базе двустороннего соглашения основана дипломатическая миссия Республики Грузия. Руководителем дипломатической миссии назначен господин Зураб Абашидзе.

18 марта в здании парламента Чрезвычайный и Полномочный посол Норвегии в Российской Федерации господин Магфим Стенсет вручил спикеру парламента Грузии Вахтангу Гогуадзе верительные грамоты, подтверждающие его полномочия в качестве посла Норвегии в Грузии.

19 марта послом Франции в Грузии назначен Бернар Фассы.

19 марта министр иностранных дел Республики Грузия Александр Чикваидзе принял Временного Поверенного в делах Турции в Грузии Тимочина Арбака. Состоялась беседа, которая в основном касалась турецко-грузинских отношений, а также положения в Абхазии. Выражая позицию своего правительства, господин Арбак подчеркнул, что Турция твердо придерживается принципов международных норм о неприкосновенности и неру-

шимости государственных границ. Турция заинтересована в мире и стабильности в Грузии, что является основой добрососедских отношений между двумя сопредельными странами.

Господин Чикваидзе ознакомил представителя Турции с последней информацией о войне в Абхазии, отметив, что парламент, так же, как и Глава государства, до последнего времени воздерживались от острой оценки агрессивных действий России.

20 марта в Брюссель отправилась государственная делегация Грузии во главе с председателем Комиссии по обороне и безопасности парламента Грузии господином Нодаром Натадзе. Цель визита — ознакомление с работой НАТО, установление контактов с его структурами и информирование международной общественности о положении в Грузии.

20 марта в Тбилиси прибыла делегация Европарламента в составе 11 человек во главе с госпожой Магдален Хоф. Цель визита — ознакомление с процессами, происходящими в Закавказском регионе.

23 марта парламент Грузии утвердил председателя Комиссии по экономическим вопросам господина Валериана Адвадзе на должность Чрезвычайного и Полномочного посла Грузии в Российской Федерации.

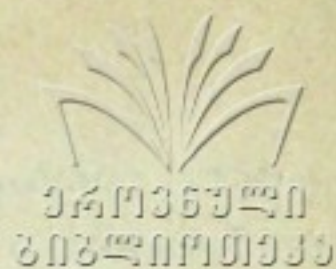
24 марта министр иностранных дел Грузии Александр Чикваидзе принял Временного Поверенного в делах Ирана в Грузии Фередина Хакбина. В ходе беседы был рассмотрен комплекс вопросов в связи с предстоящим визитом министра иностранных дел Ирана Али Акбара Вилайти в Грузию. Стороны отметили большое значение визита в Иран государственной делегации Грузии. Г-н Фередин Хакбин передал Александру Чикваидзе рекомендательное письмо министра иностранных дел Ирана Вилайти, подтверждающее его полномочия.

25 МАРТА парламент Республики Грузия принял Закон о гражданстве.

Как предусматривалось проектом, предпочтение было отдано так называемому нулевому варианту, а это означает, что в Республике Грузия каждый человек имеет право быть гражданином Грузии и никто не может быть лишен этого права.

Гражданином Грузии является лицо, которое проживало в Грузии не менее пяти лет и проживает ко дню введения данного Закона в действие, если в трехмесячный срок оно в письменном виде не заявит отказ от гражданства Грузии.

НАЗВАНЫ НОВЫЕ ЛАУРЕАТЫ

Комитет по Государственным премиям в области литературы, искусства и архитектуры при Кабинете министров Республики Грузия присудил Государственные премии Республики Грузия за 1992 год.

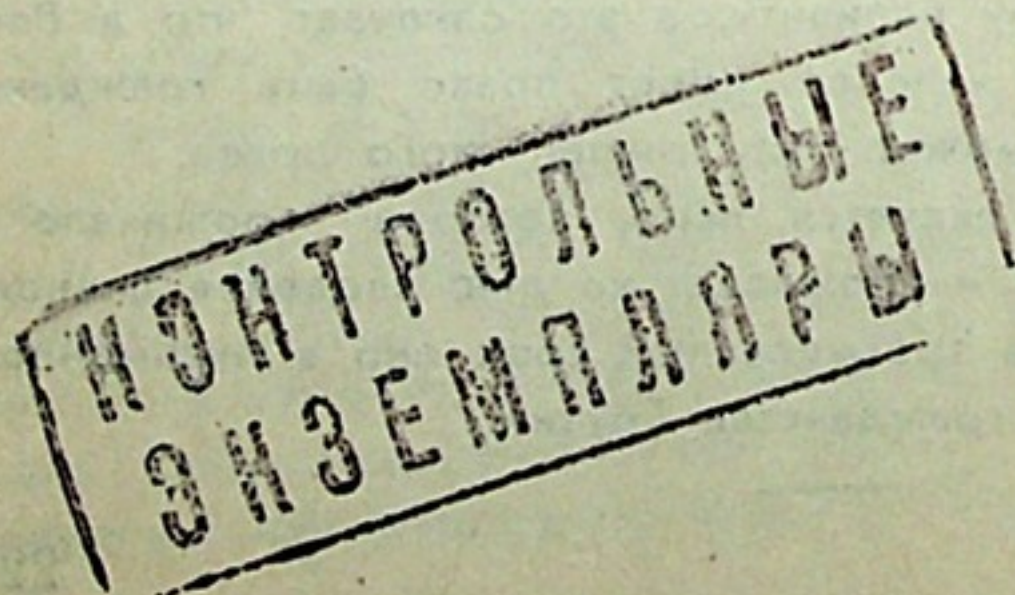
Звания лауреата в области литературы удостоен поэт Эмзар Квитайшвили за стихотворения, опубликованные в течение 1989 — 1992 годов в журналах «Мнатоби», «Цискари», «Гантиади», газете «Литერатурули Сакартвелო», и вошедшие в его новые сборники.

В области публицистики — Кетэван Джавахишвили (посмертно) — за книгу «Михаил Джавахишвили — беллетрист, публицист, журналист», вышедшую в издательстве «Сабчота Сакартвелო» в 1989 году.

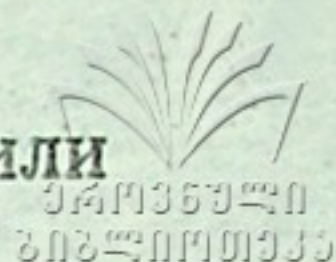
В области детской литературы — Тамазу Бибилури (посмертно) — за книгу для детей «Времена года», вышедшую в издательстве «Накадули» в 1989 году.

Наши юбиляры

Известным грузинским поэтам-шестидесятникам ОТАРУ ЧИЛАДЗЕ и ГИВИ ГЕГЕЧКОРИ исполнилось 60 лет. Редакция сердечно поздравляет своих авторов и друзей с прекрасным юбилеем и желает им здоровья, долгих лет жизни и больших творческих успехов.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, ИГОРЬ БОГОМОЛОВ, Тенгиз
БУАЧИДЗЕ, Нана КАНДЕЛАКИ, Камилла КОРИНТЭЛИ
(зам. главного редактора), Лия СТУРУА, Георгий
ЧАРКВИАНИ.

Технический редактор И. Котомина

Корректор И. Ахсахалян

Сдано в набор 5.04.93 г. Подписано к печати 10.06.93 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Печать
высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Ти-
раж 400. Заказ 504. Цена 40 р.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в
типографию издательства «Самшобло», по вопросам подписки и
доставки журнала — в «Сакпрессу».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Костава, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, зам. главного редактора
— 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43, 93-65-19,
93-13-57.

Типография издательства «Самшобло», Тбилиси, ул. Костава, 14.

40 руб.

სპ 207/1

ИНДЕКС 70117
საბჭოთავი

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ექვანიდი
„ლიტერატურისა და ხელოვნების“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან